
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

№ 2-2(26)

2016

Главный редактор – канд. пед. наук **В.Н. Абросимов**

Зав. редакцией – **Т.А. Магсумов**

Ответственный секретарь редакции – **Я.А. Максимов**

Технический редактор, администратор сайта – **Ю.В. Бяков**

Компьютерная верстка, дизайнер – **Р.В. Орлов**

MODERN RESEARCH OF SOCIAL PROBLEMS

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

№ 2-2(26)

2016

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**, PhD

Deputy Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Executive Secretary – **Ya.A. Maksimov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2016

Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2016

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, № 2-2(26), 2016, 228 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Research of Social Problems, № 2-2(26), 2016, 228 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

Modern Research of Social Problems is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI).

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088, «SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2016

Члены редакционной коллегии

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», член Президиума АН РТ

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, Россия

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в. ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик Филиала Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в г. Железногорске

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВПО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске

Зуляяр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии и истории ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, декан факультета Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Корнилова Ирина Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания ФГБОУ ВПО «Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов»

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурологии и туризма Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, начальник научного отдела ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарного знания ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса»

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургское ГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена»

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия»

Editorial Board Members

Valeev Nail Mansurovich – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Philology, professor; Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan; member of the Writers' Union of Russia and the presidium of the Union of Russian ethnographers; Vice-President of the Republic of Tatarstan; Academician-secretary of the Department of Humanities of the Republic of Tatarstan

Galieva Farida Gabdul Khaevna – Senior Researcher, Institute of Ethnological Studies Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor of Moscow State Pedagogical University, Branch in Ufa

Gasanov Magomed Magomedovich – Vice-Rector for Academic Affairs (Dagestan State University), Doctor of History, Professor

Gotovtseva Anastasiya Gennadevna – Doctor of Philology, Associate Professor, assistant professor of literary criticism of the Faculty of Journalism of the Institute of the media «Russian State University for the Humanities»

Dotsenko Dmitry Vasilevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Zheleznogorsk Branch

Zubova Yana Valerevna – Doctor of Social Sciences, Department of Management, Ukhta State Technical University, Branch in the city of Usinsk

Zulyar Yuriy Anatolevich – Head of the Department of Political Science and the Faculty of History of Russian history, Irkutsk State University, Doctor of History

Koptseva Natalia Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Humanities Institute, Siberian Federal University

Kornilova Irina Valerevna – Doctor of History, Assistant Professor, Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Educational Technologies and Resources

Litvin Aleksandr Alterovich – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Museology, culture and tourism, Kazan (Volga) Federal University

Matsievskiy German Olegovich – Head of the Scientific Department of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Doctor of History, Associate Professor

Mostitskaya Natalya Dmitrievna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State University of Culture and Arts

Pokrishchuk Dmitriy Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Lecturer, Department of humanitarian and socio-economic disciplines Russian State Humanitarian University

Popovkin Andrey Vladimirovich – researcher in the Department of Ethnography, ethnology and anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IIAE FEB RAS), associate professor of the philosophy of the Far Eastern State Technical University, Candidate of Philosophy

Popovkina Galina Sergeevna – Senior Fellow of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of RAS (Vladivostok), Candidate of History

Pulkin Maksim Viktorovich – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural, Petrozavodsk State University

Saenko Natalya Ryafikovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State Pedagogical University

Serov Nikolay Viktorovich – Doctor of Cultural Studies, Professor of Philosophy and Cultural Studies St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

Sudovikov Mikhail Sergeevich – Doctor of History, Assistant Professor, Head of the department of national history, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Vyatka State University of Humanities»

Shirokalova Galina Sergeevna – Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-7-36

УДК 94

IV КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА О ВОЙНЕ И МИРЕ

Емельянова Е.Н.

Цель. В статье рассматривается проблема войны и мира в документах IV конгресса Коммунистического Интернационала. Этот форум был призван выработать научно-обоснованную стратегию мирового коммунистического движения в условиях завершения становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Анализируется не только сложившийся в начале 1920-х годов мировой порядок, но и теоретические и тактические установки IV конгресса по вопросу «империалистических», национально-освободительных, революционных и гражданских войн, а также проблема сохранения мира и создания Соединенных Штатов Европы и Азии.

Методологическую основу исследования составляют принципы объективности, историзма, критического подхода к использованным источникам и всестороннего анализа поставленной проблемы.

Результаты. В статье прослеживается взаимосвязь теоретических представлений руководства Коминтерна о войне и мире с

идеей мировой революции; отмечается, что отказ от нее и поворот «вправо» в решениях IV конгресса связан с внешнеполитическими интересами Советской России; анализируются два различных сценария развития событий, предложенных теоретиками Коммунистического Интернационала. «Правым» лидерам Коминтерна, ориентированным на интеграцию Советской России в мировую экономическую систему, удалось одержать на конгрессе временную победу над «левыми», нацеленными на новое «революционное наступление». Была предпринята попытка сближения с европейской социал-демократией. Выдвинут лозунг «единого фронта».

Область применения результатов. Результаты работы могут быть использованы для дальнейших исследований в области истории и политологии, а также в ходе преподавания этих дисциплин в вузе.

***Ключевые слова:** история; внешняя политика; Россия; Коминтерн; политические партии; теория международных отношений.*

THE IV CONGRESS OF THE COMMUNIST INTERNATIONAL ON WAR AND PEACE

Emelyanova E.N.

Purpose. The article deals with the problem of war and peace in the documents of the IV Congress of the Communist International. The forum was launched to develop a science-based strategy to the world communist movement in the conditions of the completion of the formation of the Versailles-Washington system of international relations. The author analyzes not only the world order formed in the early 20-ies, but also the theoretical and tactical setup of the IV Congress on “imperialist”, national-liberation, revolutionary and civil wars, as well as

the problem of the preservation of peace and the establishment of the United States of Europe and Asia.

The methodological basis of the study comprises the principles of objectivity, historicism, a critical approach to the sources used and comprehensive analysis of the problem.

Results. The article traces the correlation of the Comintern leadership's theoretical concepts on war and peace with the idea of world revolution. It notes that the rejection of the revolution and turn "right" in decisions of the IV Congress was linked to foreign policy interests of the Soviet Russia. Two different scenarios proposed by the theoreticians of the Communist International are analyzed. In general, during the Congress, "right" leaders of the Comintern, oriented on integration of the Soviet Russia into the global economic system, managed to temporary win over the "left", aimed at a new "revolutionary offensive". Attempt of rapprochement with the European social democracy was made nominated by the slogan of "united front."

Practical implications. The results of the analysis can be used for further research in the field of history and political science, as well as in the teaching of these subjects in institutes of higher education.

Keywords: *history; foreign policy; Russia; the Comintern; the political parties; the theory of international relations.*

Проблема войны и мира на протяжении веков волновала человечество. Свою трактовку данного вопроса дал и Коминтерн – организация, призванная выработать научно-обоснованную стратегию прихода коммунистов к власти. Хотя идеологические установки Коммунистического Интернационала давно устарели, его теоретические разработки в области международных отношений интересны и сегодня. Их изучение позволит понять, как ослабленной и разоренной в ходе гражданской войны Со-

ветской России удалось не только выстоять, но и укрепить свои позиции в мире.

В современной российской историографии проблема войны и мира в документах IV конгресса Коминтерна не ставилась. А историки советского периода по идеологическим соображениям акцентировали свое внимание только на вопросе о борьбе Коммунистического Интернационала с «империалистическими» войнами и поддержке национально-освободительных движений, тема взаимосвязи политики ВКП(б) с идеей мировой революции не затрагивалась. Соответственно не поднимался вопрос о революционных и гражданских войнах. В данной статье предполагается рассмотреть все эти проблемы.

IV конгресс Коминтерна, проходивший в Москве с 5 ноября по 5 декабря 1922 г., в наиболее полной форме сформулировал изменение ближайших стратегических и тактических задач Коммунистического Интернационала в условиях завершения становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Этот период характеризовался стабилизацией политических отношений между великими державами и Советской Россией и заинтересованностью обеих сторон в сотрудничестве; экономическим кризисом в Европе; подъемом новой, хотя и не столь сильной как первая, волны революционных выступлений в ряде европейских стран; установлением Советской власти на большей части территории бывшей Российской империи, переходом большевиков к новой экономической политике.

Гагская конференция не дала никаких результатов, но в ноябре 1922 г. открылась Лозаннская конференция, целью которой было урегулирование территориальных и других проблем на Ближнем Востоке и Балканах. На заседания по вопросу о черноморских проливах была приглашена и российская делегация. Таким образом,

капиталистический мир признал все же Советскую Россию де-факто. Сохранялась возможность экономического сотрудничества, а это требовало продолжения миролюбивого курса Коминтерна.

Курс на мирное сосуществование, который взяло советское правительство, имел под собой не только внутреннюю (необходимость перехода к НЭПу), но и внешнеполитическую основу. Уже в 1922 г. намечался возможный приход к власти в ведущих европейских странах левых пацифистских правительств, благожелательно относящихся к Советской России. Л.Д. Троцкий на IV конгрессе вновь говорил об этом в своем докладе: «Во Франции неизбежно предстоит пышный расцвет пацифизма и реформизма, если только его не предотвратит непредвиденный взрыв революции. После увлечения войной, после опьянения победой во Франции получают перевес либерально-буржуазные иллюзии пацифизма и реформизма» [11, л. 59]. «То же самое можно сказать и об Англии. Неизвестно каков будет исход выборов. Если у кормила власти вновь встанут консерваторы и национал-либералы, то такая идиллия долго продолжаться не будет. В Англии неизбежна смена консервативной ориентации пацифистской демократической. Попробуйте представить такую картину: во Франции – левый блок, то есть пацифистски-демократическое правительство, а в Англии правительство рабочей партии в союзе с независимыми либералами ... В Германии для социал-демократов очищается широкое поле деятельности» [11, л. 59], «получится новое издание Версализма, пересмотренное и дополненное» [11, л. 60]. История показала, что Троцкий оказался прав. Уже в январе 1924 г. в Англии у власти оказалось первое лейбористское правительство, и в том же году на парламентских выборах во Франции победил “левый блок” (союз социалистов и радикалов). В Германии 1923 г. социалисты ненадолго вошли в состав коалиционного правительства. Таким обра-

зом, поддерживая пацифистские круги, можно было рассчитывать на признание Советской России де-юре.

С другой стороны, сохранялась опасность военных конфликтов. Конгресс уделил большое внимание обсуждению проблем, заложенных в *Версальской системе*. Этот вопрос стоял отдельным пунктом в повестке дня форума. Насколько устойчив новый мировой порядок? Какова вероятность новой войны? Кто может быть союзником Советского государства и Коминтерна в сложившейся обстановке? Как в связи с этим должны поменяться идеологические лозунги Коминтерна? Эти вопросы стояли в центре обсуждения.

Доклад о Версальском мире делал М. Кашен. Он указал на крайнюю зыбкость сложившейся международной системы, на несправедливость и «империалистический» характер договоров, заключенных союзными державами с побежденными государствами, на силовые методы решения международных проблем. Франция, по утверждению Кашена, стремилась решить свои внутренние экономические проблемы за счет выколачивания репараций с Германии и подготовки к оккупации левого берега Рейна и незанятой еще французами части Рура. Те же принципы использовались в отношениях между победителями и Австрией. Навязав австрийскому государству грабительский Женевский договор, Антанта обещала ему кредиты лишь при условии установления над страной экономического и политического контроля в лице представителя Лиги Наций, парламент при этом распускался на два года, сокращалась армия. Все это вызвало возмущение в стране, и толкало австрийское правительство к налаживанию контактов с Советской Россией. Амстердамский Интернационал профсоюзов выступил с инициативой созыва в Гааге рабочего конгресса против войны. На него были приглашены русские профсоюзы и кооперативы [20, с. 9–17].

Так принцип «международную политику диктует сильнейший» порождал сопротивление со стороны побежденных, толкал на объединение и объективно создавал предпосылки для новой войны. IV Конгресс вновь подтвердил, что корни будущих международных конфликтов – в самой Версальской системе. Были названы *три очага военной опасности: Рурская область, Балканы и Дальний Восток.*

В сложившейся ситуации СССР стремился найти политических союзников в лице стран Центральной Европы, с одной стороны, и в лице пацифистских кругов стран-победительниц, с другой. То есть большевистское правительство шло на открытое сотрудничество с буржуазными государствами, чего коммунистическое сознание принять ранее не могло. IV Конгресс призван был теоретически обосновать этот поворот в коммунистической идеологии. Прежде всего, признавалась *возможность военно-политического союза с некоторыми европейскими державами.* Таким образом, мировое коммунистическое движение готовили к заключению военно-политического союза России с европейскими государствами. В него, видимо, должны были войти Германия, Австрия, возможно, Турция. Во всяком случае, именно этим правительствам конгресс обещал свою поддержку в борьбе с Антантой.

Конгресс провозгласил лозунг *Федерации Советских Соединенных Штатов*, отметив, что он особенно актуален для Центральной Европы и Балканских стран [18, с. 22]. Реальное воплощение эта идея нашла в созданном в декабре 1922 г. Союзе Советских Социалистических Республик. Был также выдвинут лозунг Социалистических Соединенных Штатов Европы и Азии. Данный тезис представлял собой революционную формулировку тех деклараций, которые советская делегация подписала в Генуе. Россия позиционировала себя как государство, способное экономически

объединить Запад и Восток, стать транзитным путем из Европы в Азию. Следовательно, этот лозунг, с одной стороны отражал представления теоретиков коммунизма о перспективах развития «мировой революции», а с другой, мог послужить основой для налаживания экономических и политических отношений и со странами Антанты, поскольку совпадал с лозунгом II Интернационала, ведущие партии которого либо уже были во власти, либо стояли у ее порога.

Как видно, учитывался и военный, и мирный вариант развития событий.

Советское руководство укрепляло свое положение, играя на противоречиях между государствами-победителями и странами, потерпевшими поражение в Первой мировой войне. Пыталось сотрудничать и с теми, и с другими, не забывая при этом о своих национальных интересах. Коминтерн должен был способствовать внешнеполитическому курсу советского правительства.

Защита социалистического отечества от империалистической агрессии оставалась главной задачей мирового пролетариата. Это положение даже было внесено в проект программы Коминтерна. Н.И. Бухарин, выступая по программному вопросу, говорил: «Когда буржуазия говорит об обороне страны, она понимает под этим защиту буржуазного государственного аппарата – мы же говорим о защите пролетарского государства. Поэтому мы хотим ясно установить в программе, что пролетарское государство должно защищаться не только пролетариатом этой страны, но пролетариатом всех стран» [17, с. 12].

Так что, если для коммунистов других стран ставилась задача борьбы против лозунга «защиты своего отечества», для России, как социалистического государства, все обстояло совершенно иначе. В представлениях теоретиков Коминтерна мировой пролетариат в

союзе с другими политическими силами должен был встать на защиту Социалистического Отечества против своих правительств. Исключение также делалось для возможных союзниц России в новой войне. Последнее положение прослеживается в резолюциях по тактике немецких, австрийских, турецких коммунистов. Но теоретическое обоснование оно получило, пожалуй, только на VII конгрессе Коммунистического Интернационала в 1935 г.

В целом, признавая де-факто Версальскую систему, Коминтерн не исключал того, что она может быть ликвидирована.

На конгрессе основной спор между правыми и левыми сводился к вопросу о способах прихода к власти, о том, как будет осуществлен *переход к социализму: через гражданскую войну или мирным путем?*

В соответствии с политическими интересами России Исполнительным Комитетом Коминтерна (ИККИ) была выработана тактика, по-разному определяющая задачи пролетариата в той или иной стране. Выдвигался новый лозунг – создание *рабочего правительства*. Но содержание его для различных европейских стран было неодинаковым. В Англии под ним подразумевалось лейбористское правительство, и коммунисты должны были поддерживать партию Д. Макдональда на предстоящих выборах. Во Франции и Германии к власти могли прийти коалиционные правительства, в состав которых должны были войти социалисты. В этом случае рабочие правительства могли быть избраны через парламент. Но задачей максимум для французских и немецких коммунистов была цель самим войти в рабочее правительство в коалиции с социал-демократами. И здесь, в зависимости от ситуации, был возможен как мирный, так и вооруженный путь [7, с. 66–70]. Для Чехословакии и Болгарии, где революционная ситуация, казалось, налицо, левые в ИККИ предлагали лозунг рабоче-крестьянского правительства,

что в переводе с языка коммунистической теории означало ориентацию на вооруженное восстание и гражданскую войну. И, наконец, высшим типом рабочего правительства, к которому должно было стремиться коммунистическое движение всех стран, была власть, осуществляемая коммунистической партией [9, с. 302].

Задачи рабочего правительства были следующими: введение госкапитализма, замена милитаризма милиционной системой, организация связи с Советской Россией [13, с. 21]. Эти положения были определены в книге Л.Д. Троцкого “Новый этап”, и с ними были согласны даже левые. Таким образом, переходный период в экономическом развитии от капитализма к социализму (НЭП) признавался необходимым во всех странах. Разногласия между «правыми» и «левыми» в Коминтерне касались лишь вопроса о власти. «Правые» (правое крыло норвежской партии, Л. Фроссар во Франции, Э. Мейер в Германии, В.И. Ленин в России и др.) считали предпочтительным борьбу за коалиционное правительство коммунистов с социал-демократами и мирный способ прихода к власти. При этом, конечно, не отрицали и путь вооруженного восстания и гражданской войны, все зависело от политической ситуации. Но парламентский путь в мирных условиях был предпочтительнее, так как, вероятнее всего, не вызвал бы интервенции капиталистических стран в новые социалистические государства, а следовательно, и не потребовалось бы военного вмешательства Советской России. На практике это означало бы существование, пусть недолгое, коалиционного правительства коммунистов и социал-демократов в условиях буржуазно-демократической республики. «Левые» же полагали, что путь вращающегося капиталистической экономики в социалистическую через НЭП возможен лишь при условии установления диктатуры пролетариата. Н.И. Бухарин в докладе по программному вопросу говорил: «Можно утвержд-

дать, что потребуется продолжительный органический процесс или, выражаясь по принятому, процесс действительного вращивания в социализм. Но различие между нами и ревизионистами в установлении срока для такого вращивания. Ревизионисты, которые не хотят никакой революции, утверждают, что этот процесс вращивания совершается уже в лоне капитализма. Мы же утверждаем, что он начинается лишь вместе с установлением диктатуры пролетариата» [17, с. 9]. На самом конгрессе ориентация на мирный путь развития не только не была поддержана «левыми», но и клеймилась как ревизионистская. «Левые» вообще сомневались в необходимости рабочего правительства из представителей рабочих партий. В проекте программы Коминтерна о нем не говорилось ни слова. Многие на конгрессе ссылались на опыт России, где коалиции партий была противопоставлена коалиция масс, то есть выступали за создание рабоче-крестьянского правительства под руководством коммунистов. Тот же Г.Е. Зиновьев заявил, что в странах с развитым капитализмом, скорее всего, переход к диктатуре будет не через рабочее правительство, а через гражданскую войну. И не нужен будет длительный переходный этап [14, с. 10]. В частности он говорил: «Рабочее правительство – это путь, по всей вероятности менее всего возможный. В странах с развитой буржуазией мы завоюем власть не иначе, как в гражданской войне, а если мы устраним буржуазию путем гражданской войны, то едва ли нам удастся в течение сколько-нибудь значительного периода времени иметь дело с промежуточной ступенью» [14, с. 10].

Большинство выступающих во главе с Н.И. Бухариным и Г.Е. Зиновьевым утверждали, что рабочее правительство вовсе не отменяет гражданской войны, и она, в конечном счете, неизбежна. «Каков будет ход развития революции?» – спрашивал Зиновьев в заключительном слове по своему докладу о деятельности ИККИ.

И отвечал: «Мы склонны будем сказать, что она пройдет через стадии рабочего правительства, коалиционного правительства и гражданской войны» [14, с. 10].

Данная точка зрения была преобладающей на конгрессе и получила свое отражение в тезисах по тактике, где было записано: «Само собой разумеется, что создание подлинно рабочего правительства, дальнейшее удержание такого правительства на почве революционной политики должно вести к борьбе или даже к гражданской войне с буржуазией» [9, с. 301]. Таким образом, сила инерции «революционного наступления» в головах делегатов съезда была настолько велика, что, по мнению IV конгресса, даже парламентский путь прихода к власти должен был привести, в конечном счете, к гражданской войне.

Еще одним спорным вопросом между правыми и левыми был вопрос о союзниках коммунистов и о сущности *тактики единого фронта*. «Правые» рассматривали эту тактику как попытку совместно с лидерами социал-демократии мирным парламентским путем прийти к власти в ведущих капиталистических государствах (Англии, Франции, Германии и т.д.), как стремление заставить верхушку II и II½ Интернационалов, влияющую на политику своих правительств, сотрудничать с Коминтерном, то есть с Москвой. К. Радек в своем докладе о наступлении капитализма говорил, что II и II½ Интернационалы заявили о своей готовности сотрудничать с Коммунистическим Интернационалом только при условии легализации партий эсеров и меньшевиков. Фактически это подразумевало под собой возвращение к демократической республике. Советское правительство в нынешних условиях, по словам К. Радека, на это пойти не могло, так как легализация партий, выступающих за возвращение к буржуазной демократии, приведет к потерям завоеваний Октябрьской революции. Но коммунисты, организуя единый

фронт с социал-демократами своих стран, на национальном уровне, могут заставить, в конце концов, лидеров Социалистических Интернационалов пойти на единый фронт с Коминтерном. Намеренье продолжать переговоры со II и II½ Интернационалами было также зафиксировано в тезисах IV конгресса: «Вожди II и II½ Интернационалов своим поведением до сих пор доказали, что когда вопрос идет о практических действиях, они на деле отказываются от своего лозунга единства... Вожди II, II½ и Амстердамского Интернационалов ... предпочитают единство с буржуазией единству с революционными рабочими ... Оставаясь, например, в Международном бюро Труда при Лиге Наций, тем самым оказываются составной частью Вашингтонской империалистической конференции, вместо того, чтобы организовать борьбу против империалистического Вашингтона и т.п. Но отказ вождей II, II½ и Амстердамского Интернационалов от такого или иного практического предложения Коминтерна не побудит нас отказаться от намеченной тактики, которая имеет глубокие корни в массах, и которую мы должны суметь развить систематически и непременно» [9, с. 309].

Такая позиция сотрудничества с верхушкой II Социалистического Интернационала, принципиально выступающего против диктатуры пролетариата в данных условиях и против гражданской войны, характеризует намерение «правых» в Коминтерне и ВКП(б) как можно дольше продержаться в условиях мира, чтобы иметь возможность подготовить советскую экономику и армию к новой войне, которая, как они считали, станет неизбежным результатом распада Версальской системы.

«Левые», напротив, рассматривали тактику единого фронта, как подготовку уже в ближайшем будущем к революционным боям. Представитель Австрийской компартии Штерн, призвав к аннулированию Женевского договора заявил, что если раньше так-

тикой единого фронта прикрывалось отступление, то теперь она должна подготовить наступление [16, с. 12]. И это было мнение большинства делегатов конгресса. Вообще в атмосфере самого форума ощущалось предчувствие нового революционного подъема. Г.Е. Зиновьев открыто заявил, намекая на обострившийся рурский конфликт, что до решительных событий в Германии может быть очень близко [14, с. 16]. О том же говорили и другие делегаты. Таким образом, перспективы революции связывались руководством ИККИ с началом новой войны Франции и Германии. Революция могла стать ее следствием.

Была ли ситуация в Европе в 1922 г. революционной? В 1922 г. – нет, но в ряде стран шло брожение, которое в случае новой европейской войны могло перерасти в революционный взрыв. Во многих странах, особенно Восточной Европы, установились реакционные режимы. В Италии к власти пришли фашисты. Конгресс указал на опасность установления фашизма в Чехословакии, Венгрии, почти всех Балканских странах, в Польше, Германии и даже Америке и Норвегии. Но в целом, коммунисты еще недопонимали опасности и прочности *фашистского режима*. Более того, Г.Е. Зиновьев уравнял социал-демократию с фашизмом, отметив, что социальную базу обеих составляет мелкая буржуазия. Оба течения стремятся играть роль силы, контролирующей все общество от капиталистов до рабочих, и «... установить новую национальную гармонию во имя труда» [21, с. 12]. Лидер ИККИ «забыл» отметить, что цели их различны. У социал-демократов на нынешнем этапе – демократическая республика, у фашистов – установление диктатуры. Вообще фашизм рассматривался как кратковременный этап в развитии европейских стран. Коммунисты полагали, что террор, применяемый фашистскими властями, лишь обострит классовую борьбу и быстрее поднимет пролетариат на революцию. В.И. Ленин, говоря о перспекти-

вах мировой революции, заметил: «Как это произойдет, этого я не знаю. Может быть, нам окажут большие услуги, например фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены и, что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть, это будет очень полезно» [10, с. 293]. То, что фашизм может стать инициатором агрессии против Советской России руководство ИККИ еще не осознало. В 1922 г. этого можно было не опасаться. Пока фашисты в Италии довольно благосклонно относились к большевистской власти в Советской России. И не столь резкая оценка этого явления в документах IV конгресса объяснялась, скорее всего, тем, что Муссолини сразу же после прихода к власти заявил о готовности установить дружеские отношения с Советской Россией и признать Советскую страну де-юре [5, с. 688].

И все же в Европе назревал военный конфликт. И Коминтерн готовился к новым революционным боям. В связи с этим возникает вопрос, как IV конгресс относился к *революционной войне*.

Ссылаясь на мнение французского академика химика К. Бертолле, который говорил, что « во все времена истории вооруженным конфликтам принадлежала огромная и страшная привилегия помочь кровью и железом рождению новых эпох, как в области науки, так и в области социально – политической жизни» [11, л. 48–49], соглашаясь с ним, Л.Д. Троцкий заявил: «... Войны, особенно, те из них, которые выдвигали новый исторический принцип, имели великое прогрессивное значение... Вооруженные конфликты, вызывающие разрушения, означают в то же время зарождение новых эпох. Поэтому можно утверждать, что расходы на революцию отнюдь не являются напрасными ...» [11, л. 48–49].

Советская Россия, в конечном счете, была кровно заинтересована, в победе революции на Западе. И при благоприятных условиях, при победе вооруженного восстания в европейских странах,

должна была оказать им военную помощь [8, с. 1331–1354]. Этот тезис даже нашел свое отражение в проекте программы Коминтерна, а впоследствии и в самой программе, принятой на VI конгрессе в 1928 г. Н.И. Бухарин по программному вопросу заявил: «...Мы должны оговорить еще один тактический вопрос: право на красную интервенцию. Этот вопрос является проблемным камнем для всех коммунистических партий. Повсюду слышны крики о красном милитаризме. Мы должны установить в программе, что наше пролетарское государство имеет право на *красную интервенцию*. В «Коммунистическом манифесте» сказано, что пролетариат должен завоевать весь мир, но ведь это не сделаешь движением пальца. Тут необходимы штыки и винтовки. Да, распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции. На этом основывается право красной интервенции на таких условиях, когда она чисто технически облегчает осуществление социализма» [17, с. 12].

Таким образом, речь шла не столько о превентивном ударе и экспорте революции, сколько о военной помощи ей. Одним из важнейших условий революционной войны был предварительный захват власти пролетариатом и обращение рабочего правительства к правительству социалистического государства. Такая тактика была отработана еще в период гражданской войны в России. Поэтому перед коммунистическими партиями и ставилась задача расширения социальной базы движения, завоевания власти через рабочее правительство или через вооруженное восстание. Ориентацией на близкую революционную войну объясняется и радикальность позиции Г.Е. Зиновьева и других членов ИККИ по вопросам о приходе коммунистов к власти и едином фронте с социал-демократией. Недаром на конгрессе был принят лозунг борьбы за Социалистические Соединенные Штаты Европы. Об этом говорили многие

участники: Б. Шмераль (Чехословакия), С. Радич (Югославия) и др. А в резолюции конгресса было записано: «Америка поработит капиталистическую Европу, если европейский рабочий класс не захватит политической власти, не очистит землю от развалин мировой войны и не начнет строить Федеративную Советскую республику Европы» [9, с. 295]. Но это, по мнению большевистского руководства, задача будущего, а сейчас необходима подготовка.

Из трех стран, наличие революционной ситуации в которых В.И. Ленин на III конгрессе называл как необходимое условие победы европейской революции, а именно: Германия, Чехословакия, Италия, – ситуация революционной оставалась пока лишь в Чехословакии и могла обостриться, в связи с рурским конфликтом, в Германии.

Занимающие на конгрессе *правые* позиции В.И. Ленин, К. Радек, Л. Фроссар и др. стремились удержать международное коммунистическое движение в рамках *мирного прихода к власти* и рассчитывали на достаточно длительный мирный отрезок развития во взаимоотношениях между СССР и ведущими европейскими странами. «*Левые*» же (Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, Б. Шмераль, Л.Д. Троцкий), учитывая обострение революционной ситуации в ряде стран (Чехословакии, Болгарии, возможность ее осложнения в Германии и Италии) «рвались в бой» и *готовились к новой революционной войне*, ставя пролетарский интернационализм выше национальных интересов России. Однако программа Коминтерна, написанная Н.И. Бухариным с радикальных позиций, так и не была принята конгрессом под предлогом необходимости доработать национальный вопрос.

Изменилась ли трактовка Коммунистическим Интернационалом *национально-освободительных войн*? Было ли у ИККИ в 1922 г. намеренье начать революционную войну на Востоке?

Положение в Азии оставалось не менее противоречивым, чем в Европе. Здесь усилилось противостояние Англии и Советской России, проявившееся в том, что под нажимом Великобритании Советское государство не было допущено на Лозаннской конференции к решению восточных проблем. С другой стороны, конференция урегулировала вопрос о границах на Ближнем Востоке, и, следовательно, продвижение революции в этом регионе должно было быть приостановлено. Поэтому в *Передней и Центральной Азии* Коминтерн теперь делал ставку на *поддержку национальной буржуазии и движение панисламизма*, выступавших против господства Англии в этом регионе [6, с. 2433–2443].

По признанию представителя Голландской Индии Т. Малаки, вначале движение панисламизма опиралось на религиозный постулат о том, что ислам силой оружия должен овладеть всем миром, но в конкретных исторических условиях 20-х гг. XX в. панисламизм представлял собой лишь форму национально-освободительного движения. В силу своей религиозной идеи он мог объединить все исламские народы, враждебно относящиеся к английскому империализму. Это могло стать грозным оружием в условиях, когда по сообщению докладчика по восточному вопросу Фан-Равенштейна, вожди ислама только и ждали благоприятного момента для начала «священной войны». «Духовные вожди ислама не торопятся, – говорил официальный докладчик, – они ждут удобного момента. Когда он настанет, то они, можно сказать с уверенностью, обрушатся на того или иного из своих врагов всеми доступными им средствами. В этой всемирной исторической борьбе за политическое освобождение Ислама долг революционного пролетариата оказать этой борьбе наивысшее, доступное ему влияние, равно как и моральную и политическую поддержку... Самый могущественный враг, как пролетариата, так и восточных, особенно мусульман-

ских народов – это Британская империя, чей охватывающий весь мир империализм покоится на господстве в Индии, в Средиземном море и Индийском океане. Во власти мусульманских народов уничтожить опору, на которой покоится британский империализм» [18, с. 22]. Докладчик призвал поддержать восстание индийских мусульман против английских властей. Заявление лидера индийских коммунистов М. Роя о контрреволюционности индийской буржуазии, а также его предложение о ставке на индийскую коммунистическую организацию не были поддержаны конгрессом, что свидетельствует о том, что ведение революционной войны в этом районе Коминтерн в ближайшее время не планировал.

Революционное нетерпение проявляли также коммунисты стран *Дальнего Востока*. И на то были определенные причины. Япония выводила свои войска с Дальнего Востока под дипломатическим давлением США, но не собиралась пока освобождать русский северный Сахалин. В результате Вашингтонской конференции Япония лишилась союзника – Англии, которая вынуждена была отказаться от своего соглашения с японским правительством. Таким образом, в борьбе за преобладающее влияние на Тихом океане Япония оставалась один на один с экономически более сильным противником – Соединенными Штатами Америки. В этой ситуации она вынуждена была налаживать отношения с Советской Россией. С другой стороны интересы России и Японии сталкивались в Китае. Российское влияние росло в этой стране, русские войска находились в Монголии. Спорным оставался вопрос о Маньчжурии, по которой проходила КВЖД, в то время контролируемая белогвардейцами под покровительством японских властей. Конечно, Россия была заинтересована в разрешении этого вопроса. И весьма вероятным мог оказаться военный поход Красной Армии в этот регион. Таким образом, на Дальнем Востоке еще сохранялась

возможность революционной войны, на что так надеялись азиатские коммунисты.

С сообщением о положении в *Китае* выступил китайский коммунист Лю Чен-Чин. Из его выступления следовало, что в Китае существовало три национальных правительства. На севере – прояпонски ориентированное правительство Чжан Золиня; в центральном районе – официальное правительство У Пейфу, пользующееся поддержкой США и Англии; и на юге – правительство Сунь Ятсена, надеющееся на помощь России. Все три правительства стремились к сотрудничеству с китайскими коммунистами. Таким образом, благодаря поддержке России, коммунистическая партия Китая и на севере, и на юге занимала значительные политические позиции. Принятые на IV конгрессе тезисы «Задачи Китайской коммунистической партии» носили левый характер. Они ставили перед китайской партией задачу осуществления демократической революции и национального объединения страны. При этом коммунистическая партия должна была входить в контакт с буржуазно-демократическими силами Китая, заключать с ними союз, но не растворяться в их структуре. В резолюции не было требования подчинения КПК Гоминьдану Сунь Ятсена или какой-либо иной демократической организации. Напротив, в ней говорилось: «Коммунистическая партия Китая не должна подчиняться ни одному из этих центров, создающихся китайской буржуазией, даже если руководители этих центров имеют полу демократический или даже народнический характер. Борясь между собой за власть, все представители этих групп входят в связь с тем или иным империалистическим правительством и, пытаясь использовать его, на деле очень часто подчиняются их реакционным влияниям. Если Чжан Золинь является вассалом Японского империализма, чем вызывает к себе

вражду всех национально-революционных элементов Китая, то нельзя ни на один момент забывать о том, что бывший глава демократического правительства Юга – Сунь Ятсен находился и находится в союзе с Чжан Золинем, и что потому поддержка, оказываемая Сунь Ятсену в борьбе против У Пейфу, является поддержкой не только определенного реакционера Чжан Золина, но и японского империализма. Следует также помнить, что и У Пейфу со своей стороны связан с американским империализмом, и всякая поддержка его есть поддержка американского империализма в Китае» [4, с. 150].

КПК сама должна была стать руководящей силой национально-объединения. В союзе с буржуазной демократией и интеллигенцией она обязана была стремиться к созданию единой Китайской народной республики и установлению политического союза с Советской Россией.

Что касается *Кореи*, то этот вопрос обсуждался в комиссии. Была принята секретная резолюция, из которой следовало, что в Корее Коминтерн и Советское правительство не могут опираться на правительственные круги, ориентирующиеся после мартовского 1919 г. восстания на Японию. Здесь также как и в Китае ставка была сделана на коммунистическое движение. С этой целью было принято решение об усилении коммунистических организаций в Корее путем слияния двух корейских коммунистических организаций в Иркутске и Шанхае, и создание на этой основе единой коммунистической организации Кореи [12, л. 1–6], подчиняющейся корейскому бюро, связанному с ИККИ. Из такой постановки вопроса следовало, что гражданские и революционные войны можно было ждать и в Корее, и Китае в самом ближайшем будущем.

В *Японии* существовала революционная ситуация. Это признал даже К. Радек, занимавший на IV конгрессе правые позиции. Он

отмечал: «Как в Японии, так и в Индии уже существует сильный рабочий класс; в обеих странах царит сильный социальный кризис, происходит борьба за власть между различными слоями буржуазии и дворянства» [19, с. 16].

Если учесть, что Красная Армия в это время занимала освобожденные японцами территории Приморья и Владивосток, что Советское правительство намеревалось освободить территорию Маньчжурии, контролируемую белогвардейцами, что оно поддерживало партизанское движение в Маньчжурии, что Советское правительство получило предложение о совместных военных действиях с китайской армией от У Пейфу и Сунь Ятсена, то не покажется странным, что индийские и японские коммунисты ожидали революционной войны и поддержки Красной Армией революционных восстаний в Индии и Японии. С. Катаяма, представитель КПЯ, заявил на конгрессе: «Важность Японии в международном коммунистическом движении обусловлена тем, что в ближайшем будущем японские рабочие могут восстать против капиталистов... Все мы знаем, и мне нет нужды повторять это, что мы должны защищать русскую революцию. Японский империализм угрожает Советской России ... Япония представлена на конгрессе для того, чтобы ускорить наступление всемирной социалистической революции» [18, с. 27–28].

Но война с Японией, как и с Англией в Индии, не входила в планы советского командования. К. Радек в своем выступлении попытался охладить разгоряченные головы восточных революционеров. Он заявил, что «мировое положение сейчас не то, что во время II конгресса. Во время II конгресса – это не было высказано, но все делегаты Востока чувствовали это – ход событий на Востоке вел к немедленному серьезному революционному восстанию. Создавшееся сейчас мировое положение, то обстоя-

тельство, что мы вступили в период, когда революция собирает свои силы, оказало свое влияние и на положение в восточных странах. И мы должны озаботиться прежде всего тем, чтобы проделать там крупную организационную и политическую работу, если мы только хотим сыграть роль в надвигающихся революционных событиях» [19, с. 17]. Он сказал, что Япония и Индия стоят перед перспективой не социалистической, а буржуазно-демократической революции, которая, добавим мы, могла бы осуществиться без военного вмешательства Советской России и привести к власти силы, во внешней политике ориентированные на Советское государство.

Поэтому резолюции на IV конгрессе по восточному вопросу были более умеренными, по сравнению со II конгрессом. Но в то же время нельзя было не учитывать настроение восточных коммунистов. И резолюции форума носили компромиссный характер. Говорилось о возможности обострения ситуации в Тихоокеанском регионе вследствие противоречий между Японией, Америкой и Англией и неизбежности в будущем новой мировой войны, которая может начаться на Востоке [9, с. 323]. Программой максимум по-прежнему оставалось установление Советской власти в восточных странах, союз с европейскими социалистическими республиками и создание международной Федерации Советских республик. «Союз с пролетариатом Запада, – говорилось в резолюции, – прокладывает путь к международной федерации Советских республик. Советский строй представляет для остальных народов наиболее безболезненную форму перехода от первобытных условий существования к высшей культуре коммунизма, призванной сменить во всем мировом хозяйстве капиталистический способ производства и распределения. Об этом свидетельствует опыт советского стро-

ительства в освобожденных колониях бывшей Российской империи. Только советская форма правления в состоянии обеспечить последовательное завершение аграрно-крестьянской революции» [9, с. 321]. Но на нынешнем этапе, при сложившейся международной обстановке антиимпериалистическая борьба с опорой на внутренние резервы без помощи извне, встает на первое место. А это значит, что коммунистическому движению необходимо пойти на союз с буржуазно-демократическими партиями и, соответственно, переориентироваться первоначально на буржуазно-демократическую революцию, не забывая при этом одновременно готовиться ко второму этапу – установлению советской республики [9, с. 321–322].

Лозунг единого антиимпериалистического фронта становился главным лозунгом дня. Таким образом, задача подготовки к новым гражданским и революционным войнам откладывалась на будущее, до нового революционного взрыва в Европе. Но существовала и обратная связь: активизация выступлений в колониях могла стать существенным средством давления на позиции западноевропейских правительств, что неоднократно использовалось большевиками в своей внешней политике. Недаром, «требование тесного союза с пролетарской республикой Советов» явилось «знаменем единого антиимпериалистического фронта» [9, с. 321–322].

Общий лозунг на Востоке изменился от непосредственного установления Советской власти, к борьбе за национальное освобождение и победу буржуазно-демократической революции, как промежуточного этапа на пути к победе мировой революции в Европе и Азии.

IV Конгресс Коминтерна в наиболее полной форме сформулировал концепцию войны и мира, в период когда завершилось

формирование нового послевоенного мирового порядка. Геополитической задачей в долгосрочной перспективе было объявлено создание Социалистических Соединенных Штатов Европы и Азии. На форуме был выработан мирный вариант интеграции Советской России в мировое сообщество. Союзниками в реализации этой задачи должны были стать мировое социалистическое и профсоюзное движения, европейские пацифистские политические круги, либеральное и революционное национально-освободительное движение Азии. Конгресс выдвинул лозунги, максимально приближенные к социал-демократической теории: рабочее правительство, единый фронт, Соединенные Штаты Европы. Но под напором «слева» он вынужден был сделать ряд уступок радикально настроенным европейским и азиатским коммунистическим партиям.

В целом, внешнеполитические интересы Советской России ставились выше интернациональных задач. Пока существовала возможность договориться с великими державами о политическом признании и экономической помощи, большевистское руководство стремилось удержать мировое коммунистическое движение на умеренных позициях, хотя само подвергалось давлению со стороны левых радикалов.

Это должен был быть период более или менее длительного мирного сосуществования, подготовки к новой мировой войне, которая, по мнению коммунистов, стала бы неизбежным следствием противоречий Версальской системы и привела бы к концу самого империализма. Несмотря на утопичность некоторых теоретических положений Коминтерна, часть из них актуальна и сегодня. Например, идея создания единого мирового экономического и политического сообщества, которое сумеет предотвратить глобальные военные конфликты.

Список литературы

1. Большевистское руководство. Переписка, 1912–1927 / Ин-т гос. упр. и соц. исслед. Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова и др.; Редкол.: А.В. Квашонкин и др. (с рос. стороны), А. Verelowitch и др. (с фр. стороны), Е. Sinella и др. (с итал. стороны). М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.
2. Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим: записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920-1930-х гг. М.: АИРО – XX, 1995. 261 с.
3. Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009. 374 с.
4. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы: в 5 т. М.: АО «Буклет», 1994–2007. Т.1. 792 с.
5. Документы внешней политики СССР / М-во иностр. дел СССР; Д-р экон. наук А.А. Громыко и др. Т. 4. М.: Политическая литература, 1960. 836 с.
6. Емельянова Е.Н. Национально-освободительное движение в Индии и политика Советской России в Азии // В мире научных открытий. 2015. № 11.7 (71). С. 2433–2443.
7. Емельянова Е.Н. Несостоявшаяся революция 1923 г. в Германии // Клио. 2015. № 10 (106). С. 66–70.
8. Емельянова Е.Н. РСФСР и Советская Венгрия: попытки военного сотрудничества // В мире научных открытий. 2015. № 7.4 (67). С. 1331–1354.
9. Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М.: Партийное издательство, 1933. 1022 с.
10. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. М.: Политическая литература, 1978. Т. 45. С. 293.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 491. Оп. 1. Д. 111.

12. РГАСПИ. Ф. 491. Оп. 1. Д. 238(а).
13. IV конгресса Коммунистического Интернационала. Бюллетень. М., 1922. № 1–32. № 3.
14. IV конгресса Коммунистического Интернационала. Бюллетень. М., 1922. № 1–32. № 5.
15. IV конгресса Коммунистического Интернационала. Бюллетень. М., 1922. № 1–32. № 11.
16. IV конгресса Коммунистического Интернационала. Бюллетень. М., 1922. № 1–32. № 13.
17. IV конгресса Коммунистического Интернационала. Бюллетень. М., 1922. № 1–32. № 14–15.
18. IV конгресса Коммунистического Интернационала. Бюллетень. М., 1922. № 1–32. № 19.
19. IV конгресса Коммунистического Интернационала. Бюллетень. М., 1922. № 1–32. № 20.
20. IV конгресса Коммунистического Интернационала. Бюллетень. М., 1922. № 1–32. № 24.
21. IV конгресса Коммунистического Интернационала. Бюллетень. М., 1922. № 1–32. № 30.
22. Carr E. The Bolshevik Revolution. 1917-1923. London: Macmillan, 1953. Vol.3. 352 p.
23. Kevin Mc Dermott. The Comintern: A history of intern. communism from Lenin to Stalin. London: Macmillan press, 1996. 304 p.

References

1. *Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska, 1912–1927* [The Bolshevik leadership. Correspondence, 1912–1927]. Institute of state management and social researches of Moscow state university of M.V. Lomonosov: edit. board of A.V. Kvashonkin and other (Russian part), A. Berelowitch (French part), E. Cinella (Italian part). Moscow: ROSSPEN Publ, 1996. 423 p.

2. Buber-Neyman, Margarete (1901–1989) *Mirovaja revolucija i stalinskij rezhim: zapiski ochevidca o dejatel'nosti Komintern v 1920–1930-h gg.* [Global revolution and Stalin's regime: eyewitness's notes about Comintern's activity in 1920–1930]. Moscow: AIRO – XX Publ, 1995. 261 p.
3. Vatlin A.U. *Komintern: Idei, reshenija, sud'by* [Comintern: Ideas, resolutions, destinies]. Moscow: ROSSPEN Publ, 2009. 374 p.
4. *VKP(b), Komintern i natsional'no-revoljucionnoe dvizhenie v Kitae. Dokumenty* [VKP(b), the Comintern and the national-revolutionary movement in China. Documents]. Moscow: JSC «Booklet» Publ, 1994–2007. Vol. 1. 792 p.
5. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Ministry of foreign. Affairs of the USSR; Dr. Econ. Sciences A.A. Gromyko, etc. Vol. 4. Moscow: Politicheskaja literature Publ, 1960. 836 p.
6. Emel'janova E.N. *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Indii i politika Sovetskoy Rossii v Azii* [The national liberation movement in India and policy of Soviet Russia in Asia]. *V mire nauchnykh otkrytij*, 2015, no 11.7 (71): 2433–2443.
7. Emel'janova E.N. *Nesostojavshajasja revoljucija 1923 g. v Germanii* [Cancelled revolution of 1923 in Germany]. *Klio*, 2015, no 10 (106): 66–70.
8. Emel'janova E.N. *RSFSR i Sovetskaja Vengrija: popytki voennogo sotrudnichestva* [RSFSR and the Soviet Hungary: attempts to military cooperation]. *V mire nauchnykh otkrytij*, 2015, no 7.4 (67): 1331–1354.
9. *Kommunisticheskij Internacional v dokumentah. 1919–1932* [The Communist International in the documents. 1919–1932]. Moscow: Partijnoe izdatel'stvo Publ, 1933. 1022 p.

10. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie 5-e.* [V.I. Lenin. Full composition of writings. 5th Edition] Moscow: Politicheskaja literatura, 1978. V. 45.
11. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. Fund 491. Description 1. File 111.
12. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. Fund 491. Description 1. File 238(a).
13. *IV kongressa Kommunisticheskogo Internacionala. Bjulleten'.* [IV Congress of the Communist International. Bulletin] Moscow, 1922, no 1–32, no 3.
14. *IV kongressa Kommunisticheskogo Internacionala. Bjulleten'.* [IV Congress of the Communist International. Bulletin] Moscow, 1922, no 1–32, no 5.
15. *IV kongressa Kommunisticheskogo Internacionala. Bjulleten'.* [IV Congress of the Communist International. Bulletin] Moscow, 1922, no 1–32, no 11.
16. *IV kongressa Kommunisticheskogo Internacionala. Bjulleten'.* [IV Congress of the Communist International. Bulletin] Moscow, 1922, no 1–32, no 13.
17. *IV kongressa Kommunisticheskogo Internacionala. Bjulleten'.* [IV Congress of the Communist International. Bulletin] Moscow, 1922, no 1–32, no 14–15.
18. *IV kongressa Kommunisticheskogo Internacionala. Bjulleten'.* [IV Congress of the Communist International. Bulletin] Moscow, 1922, no 1–32, no 19.
19. *IV kongressa Kommunisticheskogo Internacionala. Bjulleten'.* [IV Congress of the Communist International. Bulletin] Moscow, 1922, no 1–32, no 20.

20. *IV kongressa Kommunisticheskogo Internacionala. Bjulleten'*. [IV Congress of the Communist International. Bulletin] Moscow, 1922, no 1–32, no 24.
21. *IV kongressa Kommunisticheskogo Internacionala. Bjulleten'*. [IV Congress of the Communist International. Bulletin] Moscow, 1922, no 1–32, no 30.
22. Carr E. *The Bolshevik Revolution. 1917–1923*. London: Macmillan, 1953. Vol. 3. 352 p.
23. Kevin Mc Dermott. *The Comintern: A history of intern. communism from Lenin to Stalin*. London: Macmillan press, 1996. 304 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Емельянова Елена Николаевна, доцент кафедры философии, истории, политологии и права, кандидат исторических наук
Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна)
ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Московская обл., 140410, Российская Федерация
centavr07@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Emelyanova Elena Nikolaevna, Associate Professor at Department of Philosophy, History, Political Science and Law, Candidate of Historical Sciences
State University of Social and Humanitarian Science
0, Zelenaya Str., Kolomna, 140410, Moscow Region, Russian Federation
centavr07@mail.ru
SPIN-code: 2887-4198
ORCID: 0000-0002-6394-1364
ResearcherID: C-2241-2015

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

STUDIES IN PHILOLOGY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-37-51

УДК 8; 81-23

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НОЗОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Базарова Л.В., Гилязева Э.Н.

Цель. Статья посвящена анализу синонимических отношений нозологических терминов в русском, английском и немецком языках. Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием исследований нозологической терминологии в сопоставительном плане на фоне малоизученности данной конкретной области в современном языкознании. Предметом анализа выступают синонимия терминов болезней человека в русском, английском и немецком языках.

Методы исследования. Анализ теоретического и иллюстративного материала потребовал привлечения следующих методов исследования: метода сплошной выборки (отбор фактографического материала); индуктивно-дедуктивного метода (осмысление и обобщение теоретического материала и эмпирических данных); метода лексикографического анализа (определение семантических особенностей терминов посредством изучения словарных дефиниций).

Результаты. Рассмотрев точки зрения отечественных лингвистов о сущности синонимии в терминологии, проанализировав синонимы эквивалентного и интерпретационного типа в русском, английском и немецком языках, авторы приходят к выводу, что явление синонимии в терминологии отлично от аналогичного процесса в общелитературной лексике. Отличие сводится к тому, что этот процесс не затрагивает характерные лексико-семантические признаки терминологии. Он протекает в тех пределах, которые не нарушают семантической определенности термина.

Область применения результатов. Исследование может внести определенный вклад в дальнейшую разработку проблем терминологии различных подсистем медицины.

Ключевые слова: медицинская терминология; нозологический термин; синонимия; эквивалентные синонимы; интерпретационные синонимы; эпонимические термины.

SYNONYMIC RELATIONS OF NOSOLOGICAL TERMS IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

Bazarova L.V., Gilyazeva E.N.

Purpose. This article focuses on the analysis of synonymic relations of nosological terms in the Russian, English and German languages. The thematic justification is determined by the lack of comparative researches of such understudied area as nosological terminology. The synonymy of human diseases terms in the Russian, English and German languages compile the subject matter.

Methodology. The analysis of theoretical and supporting data comprise the usage of such methods as continuous sampling method (selection of factual data); inductive-deductive method (making sense and

integration of theoretical information and observation); method of lexicographical analysis (determination of semantic features of terms by examining lexical definitions).

Results. Having considered native linguists' points of view about the essence of synonymy in terminology, having analyzed the synonyms of equivalent and interpretative types in the Russian, English and German languages, the authors conclude that the phenomenon of synonymy in terminology differs from similar process in common-literary vocabulary. The difference comes down to the fact that this process does not affect the characteristic features of the lexical-semantic terminology. It occurs within the bounds that do not violate the semantic definiteness of the term.

Practical implications. The results of the study can be applied in further development of terminology issues of various subsystems in medical industry.

Keywords: *medical terminology; nosological terminology; synonymy; equivalent synonyms; interpretative synonyms; eponymic terms.*

Вопросы терминологии постоянно находятся в поле зрения языковедов. В трудах ученых-лингвистов вопросы терминологии рассматриваются как в рамках общей лексикологии, так и в рамках ее семантического и грамматического аспектов, в развитии теории термина, в этимологическом плане.

Проанализировав исследования зарубежных лингвистов в области терминологии, можно выделить наиболее известные работы следующих авторов: Дж.Н. Хоуга (1954), В. Флейшера (1974), О. Вюстера (1979), Л. Ольшки (1933) [7, 15, 16, 17]. Особый интерес вызывают работы Ойгена Вюстера, выдвинувшего идею разработки терминологических и лексикографических принципов, актуальных для национальной и международной терминологической

деятельности. Научные изыскания австрийского ученого позволили систематизировать работу с терминами, его работы способствовали упорядочению терминосистем, позволили выявить основные принципы составления международных словарей терминов. Ойгена Вюстера по праву считают основоположником терминоведения как отдельной науки в Европе. По его мнению, терминология характеризуется сознательным терминообразованием, ее основными особенностями являются ассоциируемость термина со специальным понятием, точность и однозначность номинации вне контекста, удобство в использовании [14, с. 22].

Немецкий профессор Л. Ольшки рассматривал терминологию как культурно-исторический феномен. Л. Ольшки провел исследования терминологии в динамике и анализировал процессы создания терминов при помощи языкового творчества ученых [7].

Таким образом, исследования зарубежных лингвистов Леонардо Ольшки и Ойгена Вюстера заложили методологическую базу исследования терминологии как науки.

В отечественной лингвистике научные исследования в области терминологии нашли отражение в значимых трудах таких ученых как Г.О. Винокур, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская, Д.С. Лотте, Р.Г. Пиотровский и др. Исследования отечественных лингвистов посвящены таким актуальным вопросам терминоведения, как систематизация терминов, формирование единого понятийного аппарата терминоведения.

Основателем отечественной терминологической школы считается Д.С. Лотте. В своей работе «Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики» ученый выделяет задачи и определяет методы по упорядочению технической терминологии, а также ищет ответы на вопросы отбора и построения научно-технических терминов. Д.С. Лотте считал, что терми-

нология превращается в самостоятельную научную отрасль, которая характеризуется своими специфическими особенностями [6].

Медицинская терминология представляет собой специальную лексику, называющую основные понятия медицины как науки и сферы профессиональной деятельности. Объем медицинского лексикона включает сотни тысяч слов и словосочетаний, а также употребляемые в научной медицине терминологические единицы смежных с нею отраслей знания (биологии, химии, физики, генетики, психологии и др.).

В качестве материала исследования были выбраны нозологические термины (наименования болезней) в русском, английском и немецком языках, поскольку человек чаще всего сталкивается именно с данной областью медицинской терминологии. Особо следует отметить отсутствие исследований нозологической терминологии в сопоставительном плане.

Исследование посвящено анализу синонимических отношений нозологических терминов в русском, английском и немецком языках.

Медицинская терминология представляет собой системную организацию, являющуюся результатом «взаимодействия внелингвистической системности, то есть системности реалий и понятий, с одной стороны, и собственно языковой системности, которая находит выражение в определенном отношении к семантическим процессам и особенностям терминообразовательных моделей» [8, с. 7].

Лингвисты давно интересуются вопросами синонимии не только в общелитературном языке, но и в терминологии.

Г.Ф. Курышко свел все разнообразные точки зрения о сущности синонимии в отечественном языкознании к следующим: 1) способность слов к взаимозаменяемости в различных контекстах; 2) единство выражаемых словами понятий или предметов; 3) общ-

ность семантики слов; 4) общность семантики слов, подкрепляемая комплексом их функциональных признаков [5, с. 7].

А.П. Евгеньева во введении к «Словарю синонимов русского языка» дает следующее определение синонима: «синонимом в полном смысле слова следует считать такое слово, которое определилось по отношению к своему эквиваленту (к другому слову с тождественным или предельно близким значением) и может быть противопоставлено ему по какой-либо линии: по тонкому оттенку в значении, по выражаемой экспрессии, по эмоциональной окраске, по стилистической принадлежности, по сочетаемости» [14, с. 11].

Несмотря на множество существующих точек зрения на синонимию в общелитературном языке, ее существование и функционирование признается большинством ученых. Иначе обстоит дело с терминологической синонимией. По словам С.В. Гринева, «проблема синонимии терминов, то есть использования нескольких специальных лексических единиц для именованя одного понятия, является одной из основных и наиболее важных проблем терминоведения» [2, с. 106]. Проблема заключается в том, что одни лингвисты признают существование терминов-синонимов, а другие отрицают их существование.

Например, А.А. Брагина считает, что если синонимы – универсальное явление, наблюдаемое в любом национально развитом языке, то существует и синонимия конкретных имен, синонимия терминов [1, с. 16].

В.П. Даниленко указывает и на причины существования синонимии терминов: «В синонимические отношения вступают слова отечественные и чужие, терминологические словосочетания и одно слово, синонимичное первому. В систему включаются также заимствованные и отечественные термины, которые означают одно и то же понятие» [3, с. 55–56].

По мнению других лингвистов, каждый термин должен иметь определенное значение, поэтому существование синонимии в научно-технической лексике данными учеными не признается. Так А.В. Крыжановская считает, что синонимы появляются на ранних этапах развития терминологий как результат словарной избыточности [4, с. 17].

Например, Е.В. Толикина считает, что синонимов среди терминов вовсе нет, а то, что обычно признается терминологической синонимией, представляет собой явление дублетности, которое говорит о незаконченности отбора знака и о неупорядоченности содержания терминологической системы [9, с. 61–63].

Г.Ф. Курышко считает, что не столь важно, как терминологически правильнее называть такие слова – синонимами или дублетами, главное – признать тот факт, что в сфере терминологической лексики существуют слова, которые могут заменить друг друга в контексте, и это явление по аналогии с общеупотребительной лексикой следует именовать «синонимией» [5, с. 15].

В приложении к «Энциклопедическому словарю медицинских терминов» М.Н. Чернявский выделяет два типа терминов-синонимов: эквивалентные и интерпретационные. К первому типу ученый относит синонимы с одинаковым мотивирующим признаком в звуковых комплексах, который зафиксирован разными корневыми или словообразовательными элементами с одним и тем же или близкими значениями. Ко второму типу ученый отнес синонимы с разным мотивирующим признаком [10, с. 423].

Анализ показывает, что как для русского, так и для английского и немецкого языков характерно наличие нозологических терминов, которые представляют собой пары дублетов, состоящие из терминологических элементов греко-латинского происхождения. Например: рус. *туберкулез* – *чахотка*, *столбняк* – *каталепсия*, *ишиурия* – *за-*

держка мочи, актинический дерматит – лучевой дерматит, буллезный дерматоз – пузырьный дерматоз, гемохроматоз – бронзовый диабет – пигментный цирроз, косоглазие – гетеротропия – страбизм, детская крапивница – стропулулус и др.; англ. trench mouth – Vincent's disease, spotted sore throat – angina follicularis, poor blood – anemia – deficiency of blood, chronic bronchitis – winter cough, gastroenteritis – stomach flu и др.; нем. Konjunktivitis – Augenbindehautentzündung, Hypertonie – Hochdruckkrankheit – Bluthochdruck, Diabetes – Harnruhr, Anämie – Blutarmut – Blutleere – Jungferkrankheit и др.

Реже среди синонимов первого типа (эквивалентных) можно встретить полные и краткие варианты одного и того же звукового комплекса, имеющие тождественное значение. Сокращенный вариант термина образуется разными способами: 1) создание сокращенного слова из компонентов термина-словосочетания: рус. *ревматический кардит – ревмокардит*, кистозная аденома – *цистаденома, фиброаденома – аденома фиброзная, психическое расстройство – психоз, вегетативный невроз – вегетоневроз* и др.; англ. *adenoid tumor – adenoma, alveolitis – alveolar osteitis, rheumatic arthritis – rheumathritis, herpetic angina – herp-angina* и др.; нем. *Hepatitis epidemica – Hepatitis, mioblastische Mioma – Mioblastom, Diabetes mellitus – Diabetes* и др. 2) создание аббревиатур: ГЭРБ (гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь) – GERD (*gastroesophageal reflux disease*) – GERD / GORD (*gastroösophageale Refluxkrankheit*), ИБС (*ишемическая болезнь сердца*) – CAD (*coronary artery disease*) – КHK (*koronare Herzkrankheit*), ALS (*amyotrophic lateral sclerosis*) – БАС (*боковой амиотрофический склероз*), АВНЕ (*Augenbindehautentzündung*) и др.

Особое внимание следует уделить синонимам интерпретационного типа. Здесь для обозначения одного и того же заболе-

вания могут быть применены как устаревшие или «народные», так и современные термины: рус. свинка и эпидемический паротит, заеда и ангулярный хейлит, почесуха и прыуго; англ. scanty sweat – anhidrosis, spotted sore throat – angina follicularis, stomach flu – gastroenteritis, brain fever – meningitis; нем. Windpocken – die Varizelle, grüner Star – Glaukom, Mondsucht – Somnambulismus, Mumps – Parotitis и др.

При появлении новой классификации также могут возникать интерпретационные синонимы: рус. болезнь Боткина – гепатит А – инфекционный гепатит, полиарттикулярный артроз – генерализованный артроз, таежный энцефалит – весенне-летний клещевой энцефалит, белая оспа – аластрим – оспа кафров, пенсионный невроз – рентный невроз – целевой невроз – компенсационный невроз, лихорадка паппатачи – флеботомная лихорадка – москитная лихорадка, стригущий лишай – дерматомикоз – дерматофития – трихофития, кретинизм – врождённый гипотиреоз – тиреогенный инфантилизм; англ. allergy to pollen – nasal allergy, monocytic tonsillitis – glandular fever – infectious mononucleosis, parenchymatous tonsillitis – follicular tonsillitis, Bamie disease – Bomholm disease – epidemic myalgia, ivory bones – Albers-Schonberg disease – marble bone disease, posttransfusion jaundice – serum hepatitis – syringe-transmitted hepatitis – tattoo jaundice – hepatitis B, infantile hypothyroidism – cretinoid idiocy – dysthyroidal infantilism; нем. Moskito-Fieber / Phlebotomus-Fieber / Stechmückenfieber / Dreitagefieber, Spitzpocken / Windpocken / Schafpocken / Wasserpocken / Varizelle, fibröse Lungentuberkulose / tuberkulöse Lungenschrumpfung / zirrhotische Lungentuberkulose, Ingestionsallergie / Ingestionsallergie / Nahrungsmittelallergie / Nutritivallergie и др.

В основе синонимических отношений интерпретационных синонимов лежат разные признаки одного и того же заболевания:

рус. финиковая болезнь – лихорадка денге – костоломная лихорадка – лихорадка жирафов – суставная лихорадка; англ. *blue disease – black fever – mountain fever – Rocky Mountain spotted fever, rappataci fever – mosquito fever – dog disease*; нем. *amerikanisches Fieber – Rocky-Mountains Fieber – Felsengebirgsfieber* и др.

Как и любая другая точная наука, медицина стремится к точности, в том числе и в выборе термина, поэтому известно авторство многих терминов. В связи с этим особую группу синонимов в медицинской терминологии составляют эпонимические термины. Термин-эпоним является, с одной стороны, видом термина, с другой – представляет собой определенный класс наименований, отличительной чертой которого является указание на имя автора.

Следует отметить, что термины-эпонимы, известны, как правило, лишь медицинским работникам, а неудобство в их использовании приводит к появлению дублетных наименований, замене их терминами-синонимами. Например, *болезнь Берманна*, названная по фамилии французского врача, имеет в медицинской терминологии термин-синоним *споротрихоз* – хронический микоз, вызываемый паразитическими грибами *Sporotrichum*. Этот ряд терминов-синонимов можно продолжить: рус. *болезнь Фогге (англ. врач) – кретинизм; болезнь Брюса (англ. врач, открывший микроб бруцеллы) – бруцеллез; болезнь Керля-Урбаха (австрийский дерматолог В. Керль и американский дерматолог Е. Урбах) – ксантоз; опухоль Вильмса (нем. хирург М. Вильмс) – нефрома; англ. Henoch's angina (нем. основоположник педиатрии) – necrotic tonsillitis, Cooley's anemia (амер. педиатр) – thalassemia, Graves disease (англ. врач) – exophthalmic goiter, Pfeiffer's disease (нем. врач) – infectious mononucleosis; нем. Andersen's Krankheit – Amylopektinose – Glykogenose mit Leberzirrhose, Crohn Krankheit (амер. гастроэнтеролог) – granulomatöse Erkrankung, Barlow's Krankheit (англ. врач) –*

Skorbut – Scharbock, Aujeszky’ Krankheit (венгерский патолог) – Pseudolyssa – Pseudorabies – Pseudowut, Basedow’ Krankheit (нем. врач) – diffuser toxischer Kropf, Meulengracht-Krankheit (датский врач) – Gilbert-Meulengracht-Syndrom – gutartige familiäre Cholämie и др.

Таким образом, рассмотренные нами примеры синонимии в медицинской терминологии, в частности нозологической, свидетельствуют о достаточно большой представленности этого процесса в специальной лексике.

Говоря о семантическом процессе, можно сделать вывод, что явление синонимии отлично от аналогичного процесса в общелитературной лексике. Отличие сводится к тому, что этот процесс не затрагивает характерных лексико-семантических признаков терминологии. Он протекает в тех пределах, которые не нарушают семантической определенности термина. Полный объем понятия (термина) определяется только с учетом осмысления его места в системе понятий соответствующей отрасли знаний, то есть банка терминов, их дефиниций и специфики употребления.

Список литературы

1. Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. М.: Наука, 1986. 124 с.
2. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
3. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. М.: Наука, 1971. С. 17–67.
4. Кржжановская А.В. Сопоставительные исследования терминологии современных русского и украинского языков. Проблемы унификации и интеграции. Киев: Научная думка, 1985. 204 с.

5. Курышко Г.Ф. Явление синонимии в профессиональной лексике (на материале немецкой и русской терминологии): Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2000. 58 с.
6. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики; АН СССР, Ком. техн. терминологии. Москва: АН СССР, 1961. 158 с.
7. Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. М.: УРСС, 2000. 3 Т.
8. Смирнова А.Г. Функционирование терминов медицинской науки в современном русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1983. 23 с.
9. Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 53–67.
10. Чернявский М.Н. Краткий очерк истории проблем упорядочения медицинской терминологии // Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. / Под ред. Б. В. Петровского. М.: Медицина, 1984. Т 3. С. 410–425.
11. Англо-русский медицинский энциклопедический словарь / Чучалина А.Г. М: ГЭТОАР. 1995. 720 с.
12. Англо-русский и русско-английский медицинский словарь / под ред. А.Ю. Болотиной. М.: РУССО, 1999. 544 с.
13. Русско-немецкий и немецко-русский медицинский словарь / под ред. А.Ю. Болотиной. М.: РУССО, 2001. 776 с.
14. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. 1385 с.
15. Wüster E. Einführung in die allgemeine Terminologielehre und terminologische Lexikographie. Wien: Technische Universität: in Kommission bei Springer, 1979. Т. 1: Textteil; Т. 2: Bildteil. 145, 70 S.
16. Hough J.N. Scientific Terminology. N.Y. 1953. 231 p.

17. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Niemeyer, 1992. 376 S.

References

1. Bragina A.A. *Sinonimy v literaturnom yazyke* [Synonyms in the literary language]. M.: Nauka, 1986. 124 p.
2. Grinev S.V. *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to Terminology]. M.: Moskovskiy litsey, 1993. 309 p.
3. Danilenko V.P. *Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie osobennosti slov-terminov* [Lexico-semantic and grammatical features of terms] . *Issledovaniya po russkoy terminologii* [Research on Russian terminology]. M.: Nauka, 1971, pp. 17–67.
4. Kryzhanovskaya A.V. *Sopostavitel'nye issledovaniya terminologii sovremennykh russkogo i ukrainskogo yazykov. Problemy unifikatsii i integratsii* [Comparative studies of terminology of modern Russian and Ukrainian languages. Problems of unification and integration]. Kiev: Nauchnaya dumka, 1985. 204 p.
5. Kuryshko G.F. *Yavlenie sinonimii v professional'noy leksike (na materiale nemetskoj i russkoy terminologii)* [The phenomenon of synonymy in the professional vocabulary (on the material of German and Russian terminology)]. M., 2000. 58 p.
6. Lotte D.S. *Osnovy postroeniya nauchno-tehnicheskoy terminologii: voprosy teorii i metodiki* [Fundamentals of scientific and technical terminology: theory and methodology]; AN SSSR, Kom. tekhn. terminologii. Moskva: AN SSSR, 1961. 158 p.
7. Ol'shki L. *Istoriya nauchnoy literatury na novykh yazykakh* [The history of the scientific literature in new languages]. M.: URSS, 2000. V. 3.
8. Smirnova A.G. *Funktsionirovanie terminov meditsinskoj nauki v sovremennoy russkoy yazyke* [The operation of medical science terms in modern Russian language]. Alma-Ata, 1983. 23 p.

9. Tolikina E.N. *Nekotorye lingvisticheskie problemy izucheniya termina* [Some linguistic problems of the study of the term]. *Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoy terminologii* [Linguistic problems of scientific and technical terminology]. M.: Nauka, 1970, pp. 53–67.
10. Chernyavskiy M.N. *Kratkiy ocherk istorii problem uporyadocheniya meditsinskoj terminologii* [A brief sketch of the history of medical terminology ordering problems]. *Entsiklopedicheskiy slovar' meditsinskikh terminov* [Encyclopedic Dictionary of Medical Terms]: v 3 t. / B.V. Petrovskiy (ed.). M.: Meditsina, 1984. V. 3, pp. 410–425.
11. Chuchalina A.G. *Anglo-russkiy meditsinskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [English-Russian Medical Encyclopedic Dictionary]. M: GE-TOAR. 1995. 720 p.
12. *Anglo-russkiy i russko-angliyskiy meditsinskiy slovar'* [English-Russian and Russian-English Medical Dictionary] / A.Yu. Bolotina (ed.). M.: RUSSO, 1999. 544 p.
13. *Russko-nemetskiy i nemetsko-russkiy meditsinskiy slovar'* [Russian-German and German-Russian Medical Dictionary] / A.Yu. Bolotina (ed.). M.: RUSSO, 2001. 776 p.
14. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian synonyms]. V 2-kh t. / A.P. Evgen'eva (ed.). L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1971. 1385 p.
15. Wüster E. *Einführung in die allgemeine Terminologielehre und terminologische Lexikographie*. Wien: Technische Universität: in Kommission bei Springer, 1979. V. 1: Textteil; V. 2: Bildteil. 145, 70 p.
16. Hough J.N. *Scientific Terminology*. N.Y. 1953. 231 p.
17. Fleischer W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Niemeyer, 1992. 376 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Базарова Лилия Вязировна, доцент кафедры филологии, кандидат филологических наук

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Республика Татарстан, 420008,
Российская Федерация
shagapovalilya@mail.ru*

Гилязева Эмма Николаевна, доцент кафедры иностранных языков и перевода, кандидат филологических наук
*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
ул. Московская, д. 42, г. Казань, Республика Татарстан,
420111, Российская Федерация
emma.giljazeva@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Bazarova Liliya Vyazirovna, Associate Professor of Philology Department, Candidate of Philological Sciences
*Kazan (Volga region) Federal University
18, Kremlyovskaya St., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008,
Russian Federation
shagapovalilya@mail.ru
SPIN-код: 6699-9491*

Gilyazeva Emma Nikolaevna, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Translation and Interpretation, Candidate of Philological Sciences
*Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)
24, Moscow St., Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation
emma.giljazeva@mail.ru
SPIN-код: 4673-3832*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-52-64

УДК 81'255.222.118

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ У. ШЕКСПИРА
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ И ОСЕТИНСКИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ТРАГЕДИИ «ОТЕЛЛО»)**

Бизикоева Л.С., Дерябина М.Ю.

В статье рассматриваются типы лексико-семантических трансформаций, используемых при переводе трагедии У. Шекспира «Отелло» на русский и осетинский языки. Особое внимание уделяется способам компенсации смыслов, направленным на достижение адекватности переводов.

Целью исследования является анализ использования переводческих трансформаций при переводе произведений У. Шекспира на разносистемные языки (русский и осетинский), а также выявление основных критериев, обуславливающих степень эквивалентности текстов перевода и оригинала, в зависимости от выбранной переводчиком переводческой трансформации.

Особенности исследуемого объекта, обусловили выбор следующих методов исследования: контрастивного, описательно-аналитического и компонентного анализа.

Полученные результаты могут быть использованы в преподавании теории и практики перевода, лингвокультурологии, лингвострановедения, вузовского курса сопоставительной лексикологии осетинского и русского языков и осетинского и английского языков. Фактический материал можно использовать также при написании курсовых и дипломных работ.

Ключевые слова: переводческие трансформации; текст оригинала; адекватный перевод; язык Шекспира; архаизмы; мистерия; миракль.

**USE OF TRANSLATION
TRANSFORMATIONS IN THE TRANSLATIONS
OF THE WORKS BY W. SHAKESPEARE FROM ENGLISH
INTO RUSSIAN AND OSSETIAN
(BASED ON THE TRANSLATIONS OF OTHELLO)**

Bizikoeva L.S., Deryabina M.Y.

The paper considers the types of lexico-semantic transformation the translators have used while translating the tragedy Othello by Shakespeare from English into Russian and Ossetian. Special attention is paid to the ways of semantic compensation, aimed at achieving an adequate translation level.

The goal of the study is to analyze in what way certain translation transformations can help translators, who embark upon translating the works by W. Shakespeare into the languages, being considerably English in terms of their systems (Russian and the Ossetian). We also intended to define the main criteria, which, depending on the kind of transformation the translator has chosen, contribute to an adequate translation level.

The scientific research methods were called forth by the peculiarities of the object under study. Thus, the following methods were used: contrastive, descriptive as well as the method of component analysis.

The data obtained can be used in teaching theory of translation as well as the course of contrastive lexicology.

Keywords: *translation transformations; original text; adequate translation; Shakespeare's language; archaic words; mystery; miracle play.*

Трудно найти в переведенной на русский язык иностранной литературе более многочисленные произведения, чем произведения Уильяма Шекспира. Среди всей яркой плеяды имен писателей, поэтов и драматургов эпохи Возрождения самым ярким явилось имя великого Шекспира. Шекспир представляется нам символом английской литературы и культуры. Его творчество неисчерпаемо. Язык Шекспира невероятно богат. Еще при жизни он был признан мастером слова и новатором в языковом творчестве. В количественном отношении словарный корпус языка произведений Шекспира насчитывает приблизительно двадцать тысяч слов. В качественном отношении он характеризуется богатством лексических неологизмов, тонким сочетанием архаизмов и авторских инноваций. Шекспир также внес большой вклад во фразеологическую систему английского языка: 105 фразеологизмов-шекспиризмов вошли в состав англо-русского фразеологического словаря под редакцией А.В. Кунина.

Русскоязычное шекспироведение насчитывает около двухсот лет. Переводами Шекспира занимались многие выдающиеся переводчики. Каждое поколение стремилось сказать о нем свое слово, понять его глубже. Когда речь идет о переводе таких великих мастеров как Шекспир, неудивительно, что переводчики, принадлежащие к разным эпохам, вступают между собой в соревнование. Каждый стремится дать свою трактовку подлинника, глубже проникнуть в суть переводимого произведения.

Объектом нашего исследования явились переводы трагедии «Отелло» на русский и осетинский языки. Довольно долго «Отелло» считалась самой простой, лишенной каких-либо символических смыслов шекспировской трагедией. Основанная на семейно-бытовой новелле, она обладает наибольшей историко-географической конкретностью [5, с. 138–139].

Сюжет об оклеветанной жене мы встречаем у Шекспира в комедии «Много шума из ничего», в трагикомедии «Цимбелин» и в трагедии «Отелло». Шекспириологи возводят этот сюжет к итальянской новеллистике. В средневековом представлении сложился главный треугольник: оклеветанная жена, обманутый муж и злодей-клеветник. «Отелло» Шекспира был позаимствован у Джиральди Чинтио, чья книга новелл «Сто сказаний» (*Scatommiti*), начатая в 1528 г. и напечатанная в Мантуе в 1565 г., рисует нравы итальянского общества эпохи феодально-католической реакции. В книге преобладает мрачный колорит. Чинтио охотно повествует о всякого рода преступлениях, о жестокости, мстительности, коварстве. В духе «кровавого жанра» написана им и новелла о венецианском мавре, послужившая источником трагедии Шекспира.

По мнению некоторых исследователей, сюжетная схема «Отелло» восходит к мираклю (фр. *miracle*, от лат. *miraculum* – чудо). Миракли это средневековые мистерии сюжетом которых было чудо или житие святого, или чудо Богородицы. Известен миракль об испанском короле Отоне, который спешит домой, чтобы убить свою ложно обвиненную жену. Ей на защиту приходит Богоматерь. В миракле о маркизе де ля Годин, муж, уезжая на войну, поручил ее заботам дяди. Дядя «положил глаз» на молодую женщину. Получив отказ, дядя оклеветал ее в письме к мужу.

Наложив персонажей «Отелло» на схему мистерии, мы получим противостояние добра – Дездемона и зла – Яго. Американский шекспириолог Р.Б. Хейлман, исследуя трагедию «Отелло», приводит всякого рода мифологические подстановки, а именно, Сатана – Яго нарушает райское блаженство счастливой пары Адама – Отелло и Евы – Дездемоны, искушает их и приводит к гибели. Р.Б. Хейлман считает, что «наряду с символическим восприятием трагедии должно быть и психологическое ее восприятие». Яго не только и не просто демон, он, прежде всего, человеческий характер, взятый из жизни [10, с. 41–43].

Однако вернемся к цели нашего исследования, а именно к переводческим трансформациям, используемым при переводе Шекспира. Не секрет, что для достижения адекватного перевода переводчику зачастую приходится жертвовать текстом оригинала. Тем не менее, имеющийся в арсенале переводчика набор переводческих преобразований, принятых называть «переводческими трансформациями» (А.Д. Швейцер, И.Я. Рецкер, Л.С. Бархударов и другие), позволяет сохранить и адекватно передать текст оригинала. Переводческие трансформации – это весьма непростое, даже несколько парадоксальное явление в переводе, характер которого сложен и многолик. Проникнуть в суть этого явления также проблематично, как и ответить на вопросы: как происходит сам процесс перевода, какие переводческие механизмы лежат в основе переводческой деятельности. Поиск ответов на эти вопросы выходит за рамки лингвистического исследования и вступает в область психолингвистики, включающей в себя изучение внутренней организации деятельности переводчика.

Среди переводоведов нет единого мнения в трактовке термина «переводческие трансформации». Так, по мнению А.Д. Швейцера, термин «трансформация» используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другой» [6, с. 118]. В свою очередь, Л.С. Бархударов полагает, что «переводческие трансформации – это те многочисленные и качественно разнообразные преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности (адекватности) перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [2, с. 190].

В зависимости от характера единиц ИЯ, которые рассматриваются как исходные в операции преобразования на язык ПЯ, переводческие трансформации подразделяются на *лексические* и *грамматические*. Кроме того, существуют также комплексные *лексико-*

грамматические трансформации, где преобразования затрагивают либо одновременно лексические и грамматические единицы оригинала, либо являются межуровневыми, т.е. осуществляют переход от лексических единиц к грамматическим и наоборот.

Основные типы *лексических трансформаций*, применяемых в процессе перевода с участием различных ИЯ и ПЯ, включают следующие переводческие приемы:

- переводческое транскрибирование и транслитерация;
- калькирование и лексико-семантические замены – способ перевода лексических единиц ИЯ с использованием единиц ПЯ, значение которых не совпадает со значением лексических единиц текста оригинала, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований (конкретизация, генерализация, модуляция).

Основные типы *грамматических трансформаций* включают:

- синтаксическое уподобление (дословный перевод);
- членение предложения;
- объединение предложений;
- грамматические замены (формы слова, части речи или члена предложения).

Основные типы лексико-грамматических трансформаций включают:

- антонимический перевод;
- экспликация (описательный перевод);
- компенсация.

Учитывая все особенности языков перевода, в нашей работе мы рассматриваем *лексико-семантические трансформации*. Мы также учитываем разницу культур, которая очень часто становится причиной переводческих потерь. Обратимся к известной, даже не читавшим Шекспира, сцене убийства Дездемоны. Итак, спящая Дездемона просыпается от поцелуя Отелло.

Desdemona: Who's there? Othello?

Othello: Ay, Desdemona.

Desdemona: Will you come to bed, **my lord**?

Othello: Have you pray'd tonight Desdemona? [7, с. 97].

В тексте оригинала Дездемона обращается к Отелло *my lord*, тем самым выказывая ему свое уважение. В переводе Бориса Пастернака использован прием опущения – обращение отсутствует.

Дездемона: Это ты, Отелло?

Отелло: Да, Дездемона.

Дездемона: Ты не ляжешь спать?

Отелло: Ты перед сном молилась, Дездемона? [8, с. 625].

Очевидно, что текст перевода никак не страдает. Чаще всего опущению подвергаются слова, являющиеся семантически избыточными, с точки зрения их смыслового содержания. Устранение таких элементов текста ИЯ дает переводчику возможность осуществлять то, что называется «компрессией текста», т.е. сокращение его общего объема.

В отличие от Бориса Пастернака автор осетинского перевода Гриш Плиев сохранил в переводе обращение.

Дездемонæ: Кæцы дæ уый ам? Отелло, ды?

Отелло: Æз, Дездемонæ.

Дездемонæ: Æмæ цауылнæ схуыссыс, мæ хур?

Отелло: Ахсæв хуыссыны размæ скуывтай, Дездемонæ? [9, с. 132].

Переводчик трансформирует *my lord* в *мæ хур* что буквально означает «мое солнце». Принимая во внимание с какой нежностью и любовью Дездемона относилась к Отелло, считаем данную трансформацию оправданной.

В следующем примере Гриш Плиев переводит *my lord* как *мæ дзæбæх сæрыхицау*.

Desdemona: **My lord**, what is your will?

Othello: Pray, chuck, come hither.

Desdemona: What horrible fancy is this? <.....> [7, с. 81].

Дездемона: Цы зæгъдзæни, **мæ дзæбæх сæрыхицау**?

Отелло: Æрбацу-ма, мæ бæлон.

Дездемона: Циу, мæ хур? <.....> [9, с. 109].

Осетинская форма обращения **мæ сæрыхицау** (бук. хозяин моей головы) относится к так называемым табуированным обращениям, согласно которым женщине воспрещается обращаться к супругу по имени – это так называемая традиция умолчания [3, с. 137–145]. Использование приема конкретизации, а именно замены более широкого *my lord* на более узкое **мæ дзæбæх сæрыхицау** можно объяснить тем, что в осетинском языке нет аналога обращению *my lord*.

Интересным с точки зрения использования переводческих трансформаций нам видится следующий пример. В сцене после убийства Дездемоны, ее отец Лодовико обращается к Отелло со словами:

Lodovico: O thou Othello, that wert once so good,

Fall'n in the practice of a **damned slave**,

What shall be said to thee?

Othello: Why any thing:

An honourable murderer, if you will;

For naught I did in hate, but all in honour.

Lodovico: This **wretch** hath part confess'd his **villainy**:

Did you and he consent in Cassio's death? [7, с. 106].

Борис Пастернак, используя прием лексико-семантической замены, трансформирует оригинальное *damned slave* (бук. проклятый раб) в **подлеца**.

Лодовико: Такой когда-то доблестный Отелло,

Который стал игрушкой **подлеца**,

Как мне назвать тебя? [8, с. 639].

Лексико-семантическая замена – прием перевода слова ИЯ путем использования единиц ПЯ, значение которых либо не совпадают,

либо частично совпадают, поскольку легко выводятся на основе определенного типа логических отношений. Несомненно, *проклятый раб* не является семантически тождественным *подлецу*. Тем не менее, можно легко оправдать такую трансформацию, поскольку Яго был в услужении Отелло. Более того, далее по тексту Лодовико называет Яго подлецом, признавшимся в своем злодействе «This **wretch** hath part confess'd his **villainy**» (бук. *этот негодяй / подлец признался в своем злодействе*). И вновь Борис Пастернак использует прием лексико-семантической замены и переводит **wretch** как **изверг**.

Отелло: Как вам угодно.

Женоубийцей из слепой любви.

Я жертву чести приносил, как думал.

Лодовико: Этот **изверг** все сказал [8, с. 639].

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова **изверг** зафиксировано со значением «жестокий человек, мучитель». Используя прием модуляции, Борис Пастернак сохранил причинно-следственные отношения между английским **wretch** и русским **изверг**. Известно, что при использовании метода модуляции логическая связь между единицей ИЯ и ПЯ сохраняется, несмотря на то, что причинно-следственные отношения между этими единицами часто имеют более широкий характер.

Гриш Плиев предпочел использовать прием смыслового развития, который заключается в замене лексической единицы ИЯ контекстуальным, лексически связанным с ним аналогом ПЯ.

Лодовико: О, Отелло!

Кæддæр хъæбатыр чи уыд, ныр æлгъыстаг

Лæгсырд кæй басафта, цы ма дæ хонон?

Отелло: Цыфæнды уæд: фæхон-иу мæ цытджын

Лæгмæрæг, уымæн æмæ ацы митæ

Фыдгæнды фæдыл нæ, фæлæ цыты

Сæрппонд кодтон.

Лодовико: Ацы ‘**наккаг** нын йæ **сырдон митыл** басасти.

Æцæг фæнд кодтай Кассийойы марын? [9, с. 145].

Формально все части текста ИЯ можно подразделить на три категории: предметы, процессы и признаки, из чего следует, что для передачи содержания текста ИЯ средствами ПЯ предмет может быть заменен его признаком, процесс предметом, признак предметом или процессом и т.п.

Как видно из перевода, Гриш Плиев заменяет предмет *villainy* его признаком *сырдон митыл*, что буквально переводится как «деяния Сырдона». В осетинской лингвокультуре Сырдон – имя одного из популярнейших героев нартовского эпоса. Сырдон «отличался хитростью, находчивостью и остроумием, но также злоязычием и склонностью ко всяким козням. Его отравленный язык сеял повсюду вражду и раздоры. В сказаниях он часто характеризуется как «злой гений Нартов» [1, с. 207]. Совершенно очевидно, что осетинский аналог английского *villainy* очень точно передает всю сущность Яго.

Рамки статьи не позволяют нам провести более глубокий анализ. Тем не менее, даже представленный анализ переводческих трансформаций подтверждает слова известного русского переводчика Н.М. Любимова «Художественный перевод, как поэтический, так и прозаический – искусство. Искусство – плод творчества. А творчество несовместимо с буквализмом» [4, с. 16]. Чтобы избежать буквализмов при переводе художественного текста переводчику, по мнению французской исследовательницы перевода, одной из авторов интерпретативной теории перевода Марианны Ледерер, «недостаточно понять самому, нужно, чтобы поняли другие» [11, с. 31], а, следовательно, ему все время приходится применять переводческие трансформации, благодаря которым воссоздается точность смысла текста оригинала. Некоторые трансформации, обусловленные определенными различиями в системах языков, носят

вынужденный характер, в то же время выделяются переводческие трансформации, не обоснованные такими различиями, но необходимые для сохранения стилистики текста. Характер трансформаций позволяет применительно к каждому отдельному случаю раскрыть условия, делающие необходимым отход от буквализмов.

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, том III. Ленинград: Наука, 1979. 360 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. Бизикоева Л.С. Проблема перевода обращений как лексических реалий (на материале перевода Нартовского эпоса с осетинского языка на русский, английский и французский языки) // В мире научных открытий. Красноярск, 2013. № 11.12 (47). С. 137–145.
4. Любимов Н.М. Книга о переводе: Сборник. М.: Б.С.Г.–ПРЕСС, 2012. 304 с.
5. Соколянский М.К. К проблеме художественной цельности трагедии «Отелло» // Шекспировские чтения – 1984. М.: Наука, 1986. С. 138–139.
6. Швейцер А.Д. Теория перевода. М.: Наука, 1988. 216 с.
7. Шекспир У. Отелло / Othello. The Moor of Venice. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1950. 156 с.
8. Шекспир У. Трагедии / Пер. с англ. Б. Пастернака. М.: РИПОЛ, 1993. 928 с.
9. Шекспир У. Уацымыстаæ / Плиты Г. Тæлмац. Орджоникидзе: Ир, 1980. 528 с.
10. Neilman R.V. Magic in the Web: Action and Language in Othello. Lexington, -Kentucky: University of Lexington Press, 1956, pp. 41–43.
11. Lederer M. Interpréter pour traduire. Paris: Gallimard, 1997. P. 31.

References

1. Abaev V.I. *Istoriko-jetimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language], Vol. III. Leningrad: Nauka, 1979. 360 p.
2. Barkhudarov L.S. *Jazyk i perevod* [Language and Translation]. M.: International Relations, 1975. 240 p.
3. Bizikoeva L.S. Problema perevoda obrashhenij kak leksičeskikh realij (na materiale perevoda Nartovskogo jeposa s osetinskogo jazyka na russkij, anglijskij i francuzskij jazyki) [The Problem of Translation of Addresses as Lexical Realities (on the material of the translation of the Nart Epos from Ossetian into Russian, English and French)]. *In the World of Scientific Discoveries*. Krasnojarsk, 2013. № 11.12 (47), pp. 137–145.
4. Lyubimov N.M. *Kniga o perevode: Sbornik* [Book on Translation: A Collection]. M.: B.S.G.–PRESS, 2012. 304 p.
5. Sokolyansky M.K. K probleme hudozhestvennoj cel'nosti tragedii Otello [On the Problem of Artistic Integrity of the Tragedy Othello]. *Shekspirovskie čtenija – 1984* [Shakespearean Readings-1984]. M.: Nauka, 1986, pp. 138–139.
6. Schweitzer A.D. *Teorija perevoda* [Theory of Translation]. M.: Nauka, 1988. 216 p.
7. Shakespeare W. Othello. The Moor of Venice. M.: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1950. 156 p.
8. Shakespeare W. Tragedii [Tragedies] / Trans. from English. Pasternak. M.: RIPOL, 1993. 928 p.
9. Shakespeare W. Uatsymystæ / Plity G. Tælmats. Ordzhonikidze: Ir, 1980. 528 p.
10. Heilman R.B. Magic in the Web: Action and Language in Othello. Lexington, Kentucky: University of Lexington Press, 1956, pp. 41–43.
11. Lederer M. Interpréter pour traduire. Paris: Gallimard, 1997. P. 31.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Бизикоева Лана Сергеевна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры английского языка, факультета иностранных языков
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
tmz.b@rambler.ru

Дерябина Марина Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры английского языка, факультета иностранных языков
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
deryabina.m@mail.ru

DATA ABOUT THE ATHOURS

Bizikoeva Lana Sergeevna, Assistant Professor at the Department of English, Faculty of Foreign Languages
North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin St., Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation
tmz.b@rambler.ru

Deryabina Marina Yurjevna, Senior Professor at the Department of English, Faculty of Foreign Languages
North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin St., Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation
deryabina.m@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-65-84

УДК 81'37 : 811.111

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНГЛИЙСКОГО РЕФЛЕКСИВА С ГЛАГОЛАМИ ВОПРОСА

Биккулов Ш.Ф.

В статье предпринимается попытка дополнить семантический аспект рефлексива прагматическим подходом. Определяется его место среди речевых актов и вводится понятие автоквеситива для рефлексивных структур с глаголами вопроса. Проводится анализ ситуаций «раздвоения» субъекта на говорящего и адресата. Выявляются средства достижения перлокутивного эффекта.

Ключевые слова: *лексическая семантика; комбинаторная семантика; рефлексивные конструкции; прагматика; речевой акт; автоквеситив.*

THE SEMANTIC-PRAGMATIC ASPECT OF THE ENGLISH REFLEXIVE WITH INTERROGATIVE VERBS

Bikkulov Sh.F.

The article covers an attempt to supplement the semantic aspect of the reflexive with the pragmatic approach. Its place among speech acts is determined, as well as the notion of autoquesitive is introduced to define reflexive structures with interrogative verbs. The situations of the speaker 'splitting' into the addressant and addressee are analysed. Certain means for achieving the perlocutive effect are determined.

Keywords: *lexical semantics; combinatory semantics; reflexive structures; pragmatics; speech act; autoquesitive.*

Данная статья является результатом размышлений о природе рефлексивных (или возвратных) конструкций в современном английском языке. Будем для краткости называть их просто рефлексивом. Английский рефлексив представлен в языке сочетаниями объектных глаголов с рефлексивным показателем oneself, а также отдельными глаголами без формального маркера (wash, dress, rgerage и др.) в ситуациях наличия лишь одного субъекта действия и, следовательно, это действие может мыслиться только как переходящее на сам субъект. Такие глаголы принято называть имплицитно-рефлексивными.

Рефлексивные конструкции в различных языках земного шара привлекали внимание многих лингвистов. Исследовалась главным образом их синтаксическая составляющая. Что касается английского языка, то можно сказать, что в рамках грамматического описания достаточно подробное освещение получила проблема так называемого возвратного залога. Большинство исследователей полагают, что для признания такового в английском языке нет достаточных оснований [1]; [3]; [10].

Гораздо менее изучена семантическая составляющая английского рефлексива. Нами была проделана определенная работа в изучении лексико-семантических и семантико-синтаксических особенностей рефлексивных структур английского языка. При этом мы опирались на принципы комбинаторной семасиологии, разработанные такими лингвистами, как Ю.Д. Апресян [2] и М.В. Никитин [8]. С позиций комбинаторной семантики и семантического синтаксиса мы анализировали изменения в семантике глагола под воздействием возвратного местоимения oneself [4]; [5]. Выясни-

лось, что у глаголов некоторых семантических классов происходит значительный сдвиг в их лексическом значении, и это приводит, в частности, к изменениям в их системно-содержательных связях в лексических парадигмах. Например, антонимичные глаголы *find* и *lose* утрачивают подобную соотношенность в рефлексивных структурах, так как возвратное местоимение влияет на их первоначальную семантику. Сравним следующие предложения:

- 1a) He found her in the street;
- 1b) He found himself in the street;
- 1c) He found himself talking loudly;
- 2a) He lost her in the street;
- 2b) He lost himself in the street;
- 2c) *He lost himself talking loudly.

В 1a) глагол употреблен в своем основном первичном значении «находить (в результате поисков)»: *Он нашел ее на улице.*

В 1b) мы получаем ситуацию, которую нельзя буквально толковать как **Он нашел себя на улице.* Её смысл – *Он очутился (оказался) на улице.*

Смысл 1c) – *Он неожиданно для себя обнаружил, что громко говорит о чем-то.*

В предложении 2a) выявляется прямое употребление глагола *lose*, антонимичное прямому значению *find*: *Он потерял ее на улице.*

Смысл 2b) – *Он затерялся на улице* или *Он заблудился на улице* (т.е. потерял свою дорогу). А 2c) вообще является неотмеченной, т.е. неграмматичной структурой.

Однако многие глаголы в составе рефлексивных конструкций не меняют явным образом свои лексико-грамматические характеристики. Поэтому они не привлекали к себе особого внимания при изучении семантики рефлексива. К таким глаголам относятся и глаголы вопроса, в частности, *ask*, *question*, и некоторые другие. В

предложении He asked himself if he was a fool not to see such obvious things глагол ask с точки зрения лексической семантики полностью сохраняет своё словарное значение (request information). На синтаксическом уровне возвратное местоимение himself выполняет функцию прямого дополнения, которая сохраняется при замене его другим местоимением или именем. Неудивительно, поэтому, что рефлексивы с такими глаголами не вызвали особого интереса у грамматистов и лексикологов.

Тем не менее, есть интуитивное ощущение, что ситуация, в которой субъект обращается с вопросом к самому себе, должна чем-то отличаться от ситуации, где субъект задает вопрос другому лицу.

Взглянуть по-новому на проблему рефлексива с глаголами вопроса дает возможность лингвистическая прагматика. Она позволяет увидеть то, мимо чего проходит чисто семантический подход.

Прагматика базируется на теории речевых актов, созданной Дж. Остином, Дж. Серлем и рядом других зарубежных ученых. Речевой акт представляет собой минимальную реализацию речевого общения. Он понимается как целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, существующими в данном обществе [7, с. 412].

Джон Остин ввел различие трех уровней речевого акта: локутивный, иллокутивный и перлокутивный [9].

Локутивный уровень – это собственно говорение, состоящее из актов референции и предикации. Это есть пропозициональное содержание высказывания (пропозиция).

Иллокутивный уровень включает в себя языковые средства в отношении цели высказывания, т.е. представляет собой коммуникативную интенцию говорящего.

Перлокутивный уровень – это результат, эффект воздействия на адресата (его мнение и чувства) и, как следствие, дела и поступки.

Наличие подобного эффекта говорит об успешности или неуспешности речевого акта.

Совокупность речевых актов составляет речевую деятельность. В процессе речевого акта осуществляется передача сообщения от одного участника к другому. В этом состоит коммуникативная природа речевого акта.

В зависимости от прагматического компонента в семантической структуре предложения выделяются различные прагматические типы предложений: констативы, промисивы, менасивы, перформативы, директивы, квеситивы и другие. В нашем исследовании мы будем рассматривать разновидности квеситивов. Квеситив – это вопросительное предложение в его традиционном понимании. Отличие квеситива от других типов в том, что он связан «с разностью информационных потенциалов автора квеситива и адресата» [10, с. 277]. Использование квеситива состоит в стремлении говорящего получить от адресата ту информацию, которой он сам не обладает. Эта информация может касаться верности всего утверждения, положенного в основу вопроса, или же это может быть запрос не известной говорящему детали объективной действительности. На перлокутивном уровне рассматривается реакция собеседника на запрос информации, т.е. собственно его ответ на вопрос.

Наиболее существенной стороной квеситива являются его иллокутивные функции. Первичная иллокутивная функция квеситива – это выражение вопроса. Это речевой акт, который характеризуется определенными условиями успешности. В частности, сюда относятся прагматические презумпции, а именно: а) говорящий не знает ответа; б) отнюдь не очевидно, что адресат выдаст необходимую информацию, не будучи спрошен; в) адресат знает ответ на данный вопрос. Также сюда входят условие искренности (говорящий действительно желает знать ответ) и условие назначения

(квеситив рассматривается как попытка говорящего получить требуемую информацию от адресата) [6, с. 293].

Совершенно особая ситуация складывается, когда говорящий является одновременно адресатом вопроса (He asked himself..., I asked myself...). Такой речевой акт можно назвать **автоквеситив** (вопрос к самому себе). Чтобы прояснить условия протекания такого речевого акта, прибегнем к аналогии с шахматной игрой.

Опытный квалифицированный шахматист (мастер или гроссмейстер), сидя за шахматной доской, по ходу игры перебирает и просчитывает возможные комбинации ходов за себя и за противника. При этом он мысленно задается вопросом, чем ответит ему противник, не готовит ли он ловушку, предвидит ли последствия маневров теми или иными фигурами. В этой ситуации наш шахматист не может озвучить свои вопросы, адресуя их непосредственно своему противнику за доской. Это обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, этические нормы, регулирующие поведение шахматистов за доской, не допускают озвученного диалога между противниками: это шум, который мешает другим шахматистам, играющим рядом с ними. Во-вторых, даже при озвученном вопросе или реплике, соперник не обязан отвечать на него; более того, в его интересах скрыть свои истинные намерения и ввести противника в заблуждение. Поэтому каждый из шахматистов-соперников, размышляя над очередным ходом, пытается поставить себя на его место, стараясь понять ход его мыслей. Чтобы получить ответ на свои мысленные вопросы, шахматист, помимо анализа шахматной позиции, вправе учитывать и психологические данные своего соперника. Например, растерянный вид, покрасневшее или побелевшее лицо, непроизвольное хмыкание, судорожные движения руками могут свидетельствовать о том, что тот допустил какой-то промах в своих расчетах. С другой стороны, нарочито самоуверенный вид, насмешливые или

презрительные взгляды в сторону соперника могут быть попыткой подавить его морально и заставить ошибиться. Таким образом, исход шахматной игры (ответ на вопрос, кто одержит победу) зависит не только от глубокого понимания шахматных позиций, но и от учета психологических особенностей игроков, а также от воздействия внешней среды (комфортной или дискомфортной).

Возможна другая ситуация – когда шахматист, за неимением партнера, играет в шахматы «сам с собой». Он поочередно делает ход то за белых, то за черных. При такой «игре» трудно вообразить, что он будет долго обдумывать свой ход, раздумывая, что ответит другая сторона: ведь он мысленно «раздвоился» на двух игроков. Это, конечно, несколько искусственная ситуация, но ее принципиальная возможность не вызывает сомнения. В этом случае игрок скорее будет подыгрывать одной из сторон, благо он же решает, что делать противной стороне. В лучшем случае наш шахматист будет проводить анализ позиций, стараясь найти наилучшие ходы для каждой из сторон. Такие ситуации возникают и в серьезной игре на турнире или чемпионате, когда партии по истечении положенного времени не заканчиваются и их приходится откладывать для доигрывания на следующий день. Поэтому каждый из шахматных игроков проводит аналитическую работу, которая даст ответ на вопрос о его перспективах в данной позиции. Случается, что, убедившись в безнадежности своего положения, шахматист капитулирует без доигрывания, либо при равных шансах партнеры соглашаются на ничью. Такой исход зависит от успешности проведенной аналитической работы.

Теперь перейдем к нашей теме автоквеситива, выраженного формой рефлексива с возвратным показателем. Кроме глагола *ask* в сочетании с *oneself*, вопрос субъекта к самому себе передается также глаголом *wonder*, основное значение которого '*ask oneself*'. Именно поэтому *wonder* никогда не употребляется с эксплицитным

показателем рефлексивности, ведь в его семантическую структуру уже инкорпорирован объект, кореферентный субъекту. Именно эти два глагола используются почти в 100% случаев интересующих нас рефлексивных структур. Таким образом, мы рассматриваем рефлексив как определенное функционально-семантическое поле, элементы которого составляют не только те, что имеют эксплицитно выраженный рефлексивный показатель *oneself*, но и имплицитно-рефлексивные глаголы. К последним с полным правом относится глагол *wonder*. Для полноты картины следует упомянуть еще один глагол вопрошания – *inquire*. Его особенностью является то, что он может быть обращен лишь к внешнему лицу и никогда к самому субъекту. Поэтому мы его не рассматриваем в нашем исследовании. Что касается глаголов *wonder* и *ask oneself*, то они являются синонимами в значении *спрашивать себя, задаваться вопросом*. Тем не менее, *wonder* встречается значительно чаще, нежели *ask oneself*.

В отличие от собственно квеситива, автоквеситив как специфический речевой акт представляет собой довольно загадочное явление. В стандартной ситуации квеситива говорящий желает получить ответ на свой вопрос от того, кто им предположительно обладает. Но когда говорящий и адресат совпадают в одном субъекте, то на первый взгляд ситуация выглядит парадоксальной. Говорящий задает вопрос, на который у него нет информации. В то же время он сам должен ответить на него. Откуда же возникает нужная информация? По-видимому, в сознании субъекта имеют место какие-то процедуры логического или эвристического характера, которые приводят к нужному ответу. Для верификации этой предварительной гипотезы проведем семантико-прагматический анализ ряда ситуаций с рефлексивными структурами с глаголами вопроса.

Для анализа мы используем ситуации, взятые из англоязычной художественной прозы двадцатого века. Сначала мы рассмотрим

общевопросительные предложения, предполагающие ответ «да» или «нет».

Ситуация 1. Герой-рассказчик Джейк Донагью и его напарник Финн были вынуждены съехать с прежнего места жительства и искать новое жилье.

It was certainly something of a problem to know where to go next. **I wondered if** Dave Gellman would harbor us. I fondled the idea, though I suspected it was no good. Dave is an old friend but he's a philosopher, . . . , so of course he has no money [14, с. 16].

Джейк задается вопросом, не приютит ли их его старый друг Дэйв Геллман. На эмоциональном уровне он надеется на положительный ответ, но здравый смысл подсказывает ему тщетность этой надежды. Это подкрепляется антитезой – Dave is an old friend but he's a philosopher. Противопоставляемые слова friend и philosopher не являются языковыми антонимами; в данном контексте в существительном philosopher актуализируются прагматические значения – *непрактичный, никчемный и, следовательно, безденежный*. Отсюда Джейк делает вывод, что Дэйв ему не поможет.

Ситуация 2. Джейк ночью прокрался в больничную палату к своему знакомому Хьюго. Во время их разговора в коридоре раздались шаги ночной дежурной, и Джейк затаился за кроватью.

I pressed my face into the red blanket and held my breath. **I wondered** suddenly if Hugo would denounce me to the Night Sister, and for a moment I felt him capable of it. But Hugo lay rigid, and I could hear him breathing deeply. Then a moment later the face was withdrawn and the footsteps went slowly on to the next room. I relaxed... [14, с. 100].

В напряженном ожидании Джейк задался вопросом, не выдаст ли его Хьюго. Но поведение больного (lay rigid, breathing deeply) убедило Джейка, что он в безопасности.

Ситуация 3. Известная, но уже немолодая, актриса Джулия Ламберт потерпела фиаско при свидании со своим старым обожа-

телем Чарльзом, который не понял или сделал вид, что не понял ее приглашение к физической близости.

When a woman's amorous advances are declined by a man she is apt to draw one of two conclusions; one is that he is homosexual and the other is that he is impotent. Julia reflectively lit a cigarette. **She asked herself** if Charles had used his devotion to her as a cover to distract attention from his real inclinations. But she shook her head. If he had been homosexual she would surely have had some hint of it... Of course it was quite possible he was impotent. She reckoned out his age. Poor Charles. She smiled again [13, с. 247].

Неприятная ситуация, в которую попала Джулия, вынуждает ее задаться вопросом, не является ли ее давний друг Чарльз гомосексуалистом. Отсутствие каких-либо слухов о нем в светском обществе, которое в те времена оживленно обсуждало тему гомосексуализма, дает ей отрицательный ответ. Поэтому остается лишь другая альтернатива -- он импотент. Его возраст также говорит в пользу этой версии. Придя к этой мысли, Джулия чувствует облегчение и сочувствие к Чарльзу сродни материнскому.

Ситуация 4. Чарльз Стрикленд, не признанный при жизни художник, после смерти становится всемирно известным и признается гением, которого его современники не смогли понять.

When I reflect on all that happened later, **I ask myself** if I was thick-witted not to see that there was in Charles Strickland at least something out of the common. Perhaps, I think that I have gathered in the years that intervene between then and now a fair knowledge of mankind, but even if when I first met the Stricklands I had the experience which I have now, I do not believe that I should have judged them differently. I have learnt that man is incalculable... [12, с. 16].

Спустя много лет после смерти Стрикленда рассказчик размышляет над превратностями человеческих судеб. В вопросе, ко-

торый он задает себе, содержится пресуппозиция – «в нем было что-то неординарное»; это то, что признается всеми в данное время. Имеется также прагматическая импликатура – *I did not see it*. Соответственно рассказчик задается вопросом, можно ли считать себя тупоумным, если ты не видел раньше того, что сейчас не подвергается сомнению. Вообще говоря, вопрос – инсинуация о низких умственных способностях человека будет в любом случае оскорбительным, если задать его непосредственно кому-то другому. Но даже задаваемый мысленно самому себе, он явно неприятен человеку – субъекту мысли. Никому не хочется признавать себя тупым. В данной ситуации рассказчик апеллирует к общественному мнению, которое не видело ничего выдающегося в Стрикленде, когда тот был жив. И даже накопленный жизненный опыт рассказчика не мог бы ему помочь в распознании особого таланта Стрикленда, который положил начало новому направлению в живописи. Поэтому рассказчик со спокойной душой дает отрицательный ответ на поставленный вопрос: нет, он не туп, просто человеческая природа непредсказуема.

Ситуация 5. Рассказчик продолжает размышлять о загадочных механизмах природы, вмешивающихся в человеческую судьбу, о трансформации в жизни Чарльза Стрикленда.

At last, because I was romantic, I devised an explanation which I acknowledged to be far-fetched, but which was the only one that in any way satisfied me. It was this: **I asked myself** whether there was not in his soul some deep-rooted instinct of creation, which the circumstances of his life had obscured, but which grew relentlessly, as a cancer may grow in the living tissues, till at last it took possession of his whole being and forced him irresistibly to action [12, с. 33].

Данная ситуация напоминает ситуацию с шахматистом, играющим сам с собой. Он задает себе вопрос, на который заранее

знает ответ. Рассказчик выстраивает для себя целую теорию, которая получает своё отражение в предложении со сложной синтаксической структурой и образным представлением творческого инстинкта в виде раковой опухоли, которая неумолимо захватывает все ткани организма и в конечном итоге полностью доминирует в судьбе человека. Следовательно, ответ заключается в самом вопросе.

Ситуация 6. Героиня романа Сомерсета Моэма «The Painted Veil» Китти вспоминает свои встречи с Доротой Таунсенд, женой человека, ставшего ее любовником.

Kitty **wondered** whether Mrs Townsend thought her a little common. She flushed [11, с. 18].

Прежде чем задать себе такой вопрос, Китти мысленно перебирала все, связанное с внешностью, возрастом и чертами характера Дороты Таунсенд. Китти откровенно признавалась себе, что ей очень не нравится жена ее любовника. Она намеренно выпячивала недостатки Дороты, чтобы создать непривлекательный портрет женщины, которая интересуется лишь собой и имеет мало близких друзей. Отсюда и возник вопрос у Китти, на который она сама дала положительный ответ. Это видно, в частности, в ее эмоциональной реакции: она покраснела.

Все проанализированные выше автоквеситивы протекают в виде внутренней речи в сознании говорящего. Часто, однако, глагол *wonder* в настоящем времени с личным местоимением 1-го лица единственного числа (**I wonder**) озвучивается говорящим в присутствии других лиц. В этом случае вопрос задается не только (и не столько) самому себе, но имеет целью привлечь внимание присутствующих людей. За этим может последовать развернутый монолог, в котором используются риторические средства для воздействия на слушающих. В зависимости от конкретной ситуации

такое воздействие может быть успешным или, напротив, потерпеть фиаско. Однако при всем этом сам говорящий не меняет своего отношения к полученному ответу как результату проделанной умственной работы.

Разберем следующую ситуацию с экстериоризованным автоквеситивом.

Ситуация 7. Китти вместе с мужем находится в китайском городе, где бушует эпидемия холеры. Она становится свидетельницей самоотверженной работы католических монахинь из местного монастыря, помогающих больным китайцам и спасающих осиротевших детей, даже жертвуя при этом своими собственными жизнями. Такую самоотверженность и отречение от всех земных радостей Китти может объяснить себе только их глубокой верой в загробное воздаяние. Но как агностик она сомневается в существовании вечной жизни после смерти и тогда, видимо, по ее мнению, вся жертвенность монахинь была напрасной. Своими сомнениями она делится с Уоддингтоном, британским колониальным чиновником, находящимся в том же городе. Ответ Уоддингтона свидетельствует о том, что он уже задавался этим вопросом и теперь приглашает Китти оценить те выводы, к которым он пришел в результате своих размышлений о бренности этого мира.

Waddington reflected for a little while. **‘I wonder. I wonder** if it matters that what they have aimed at is illusion. Their lives are in themselves beautiful. I have an idea that the only thing which makes it possible to regard this world we live in without disgust is the beauty which now and then men create out of the chaos. The pictures they paint, the music they compose, the books they write, and the lives they lead. Of all these the richest in beauty is the beautiful life. That is the perfect work of art.’

Kitty sighed. What he said seemed hard. She wanted more [11, с. 191].

В пропозициональном содержании автоквеситива содержится пресуппозиция (what they have aimed at is illusion). Это означает, что для говорящего иллюзорность загробного мира является очевидным фактом, который разделяется и его адресатом (Китти). Из этого не следует, однако, что жизнь упомянутых монахинь бессмысленна. Чтобы доказать это, говорящий прибегает к образному сравнению человеческой жизни и искусства как продукта человеческой деятельности. Произведения искусства, как и жизнь человека, созидаются из видимого хаоса. Эта идея акцентируется приемом синтаксического параллелизма (the pictures they paint, the music they compose, the books they write), и в этом ряду идея прожитой жизни (the lives they lead) является доминантой, вершиной человеческого созидания, совершенным произведением искусства. Таким образом, по мысли философствующего персонажа, ценность жизни не в загробном воздаянии, а в ней самой, в ее творческом самосозидании. Но то, к чему пришел в своих рассуждениях говорящий, осталось непонятным для внешнего адресата: произошла коммуникативная неудача.

Аналогом данной ситуации в шахматах можно считать отчет о проведенном анализе отложенной шахматной партии, с которым другие участники вольны соглашаться или не соглашаться.

Рассмотрим теперь ситуации с автоквеситивом, когда говорящему требуется получить специфическую информацию, а не просто получить подтверждение уже имеющейся у него.

Ситуация 8. Актриса Джулия Ламберт, находясь в пике славы, размышляет о сущности гениальности в актерской профессии.

Julia had often **asked herself** what it was that had placed her at last head and shoulders above her contemporaries. She had had detractors. At one time people had compared her unfavourably with some actress

or other who at the moment enjoyed the public favour, but now no one disputed her supremacy [13, с. 139].

Джулия задает себе очень сложный вопрос, на который никто не может ответить, кроме нее самой. Но и ей приходится перебирать в уме события прошлого, сравнение с другими выдающимися актерами, свое отношение к ним и к критикам, чтобы сделать определенные выводы, которые тем не менее не являются абсолютно бесспорными. Ее талант заключался в том, что она постоянно, вольно или невольно, наблюдала за окружающими людьми и свои знания воплощала в характерных ролях на сцене: People thought that she only acted during the two or three hours she was on the stage; they did not know that the character she was playing dwelt in the back of her mind all day long, when she was talking to others with all the appearance of attention, or in whatever business she was engaged. It often seemed to her that she was two persons, the actress, the popular favourite, the best-dressed woman in London, and that was a shadow; and the woman she was playing at night, and that was the substance [13, с. 140].

Такая раздвоенность порой приводила ее к конфликтам с окружающими и близкими ей людьми. И ее завершающая реплика говорит о том, что она не может до конца понять свои собственные выводы: ‘Damned if I know what genius is’, she said to herself [13, с. 141].

Ситуация 9. Китти размышляет о возможных последствиях своей супружеской измены, допуская возможность, что ее муж Уолтер не знает об этом. Но даже если ему об этом известно, он не станет поднимать скандал, так как он только повредит своему общественному положению в Гонконге.

She **wondered**, half smiling, why a little while before she had been terrified at the thought that Walter had caught them. Of course

it was startling to see the handle of the door slowly turn. But after all they knew the worst that Walter could do, and they were ready for it [11, с. 48].

По прошествии определенного времени после эпизода в спальне, придя в себя, Китти задается вопросом, почему она тогда испытывала ужас при мысли, что Уолтер обнаружил ее измену. Ответом на это является отчасти ее воспоминание о виде беззвучно поворачивающейся ручке запертой двери спальни, в которой она находилась вместе с любовником. Теперь же, оценивая черты характера Уолтера, Китти успокаивает себя доводами, что поскольку тот любит ее, он даст ей развод и она сможет выйти замуж за нынешнего любовника, который должен, по ее мысли, развестись с женой. Дальнейший ход ее рассуждений протекает в рамках так называемой несобственно-прямой речи, когда речь персонажа сливается с авторской речью, и порой они неотделимы друг от друга. Китти приходит к выводу: It was all very simple and everything could be managed without scandal or ill-feeling. Если сравнивать эту ситуацию с шахматной игрой, то здесь мы видим шахматиста, который играет сам с собой, и при этом подыгрывает одной стороне. Подобная эгоистичность приводит Китти к катастрофе на ее жизненном пути.

Ситуация 10. Китти на пути к китайскому городу Мей-ган-фу испытывает мучительную боль из-за предательства ее любовника Чарльза Таунсенда.

Her pain was so great that she could have screamed at the top of her voice; she had never known that one could suffer so much; and she **asked herself** desperately what she had done to deserve it. She could not make out why Charles did not love her; it was her fault, she supposed, but she had done everything she knew to make him fond of her. They had always got on so well, they laughed all the time they were together, they were not only lovers but good friends. She could

not understand; she was broken. She told herself that she hated and despised him; but she had no idea how she was going to live if she was never to see him again [11, с. 86].

В отчаянии, Китти задается вопросом о причине ее бедственного положения. В ее мысленном высказывании мы обнаруживаем пресуппозицию – ‘Charles did not love her’. Ей приходится признать этот факт, логично вытекающий из нынешней ситуации. Китти гадает (could not make out, she supposed) о своей вине, пытаясь в то же время оправдаться перед собой (she had done everything... to make him fond of her). Глагол make (заставлять) отчетливо показывает ее бездумную эгоистичность в попытке навязать любовь к себе. Синтаксический параллелизм – they got on so well, they were together, they were good friends – передает впечатление заклинания и горького недоумения в сознании героини. Она не находит ответа на свой вопрос, находясь в состоянии фрустрации. В последнем предложении мы находим антитезу: с одной стороны, она ненавидит и презирает Чарльза, но, с другой, не представляет своей жизни без него. Такая противоречивость ее сознания свидетельствует о глубоком кризисе на данном этапе. Аналогичная ситуация возникает в шахматной игре, когда шахматист, обнаружив безнадежность своего положения, в отчаянии пытается разобраться, в какой момент он допустил оплошность, но не может этого понять. А наблюдатель со стороны все видит, но не может подсказать.

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно исчерпать проблему автоквеситива в форме рефлексива с глаголами вопроса. Можно лишь подвести некоторые предварительные итоги нашего исследования. Прагматический взгляд на рефлексивные структуры с глаголами вопроса позволяет по-новому оценить их семантический потенциал. Ситуация мысленного раздвоения говорящего требует учитывать не только пропозициональное содержание вы-

сказывания, но и разнообразные факторы, участвующие в такой ситуации. Эта тема нуждается в дальнейшем изучении, и данная статья отражает начальный этап нашего исследования.

Список литературы

1. Айдинян Н.М. Возвратные конструкции в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. Л., 1983. 13 с.
2. Апресян Ю.Д. Об одном правиле сложения лексических значений // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 192–218.
3. Биккулов Ш.Ф. Лексико-семантические и семантико-синтаксические особенности рефлексивных конструкций в современном английском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1990. 15 с.
4. Биккулов Ш.Ф. Семантика рефлексивных конструкций в современном английском языке. Оренбург: Изд-во ОГПИ, 1993. 32 с.
5. Биккулов Ш.Ф. Референционно-когнитивный аспект английского рефлексива. // Теоретические и методологические аспекты исследования функционирования языка. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2011. С. 144–148.
6. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 686 с.
8. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 757 с.
9. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Наука, 1986. Вып. 17. С. 22–129.
10. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник для студентов вузов. М.: Высшая школа, 1981. 285 с.

11. Maugham W.S. *The Painted Veil*. М.: Международные отношения, 1981. 247 с.
12. Maugham W.S. *The Moon and Sixpence*. М.: Просвещение, 1986. 160 с.
13. Maugham W.S. *Theatre*. М.: Изд-во «Менеджер», 1996. 303 с.
14. Murdoch I. *Under the Net*. М.: Просвещение, 1989. 175 с.

References

1. Aidinyan N.M. *Vozvratnye konstruksii v sovremennom angliyskom yazyke* [Reflexive constructions in modern English]. Leningrad, 1983. 13 p.
2. Apresyan Yu.D. Ob odnom pravile slozheniya leksicheskikh znacheniy [On one rule of adding lexical meanings]. *Problemy strukturnoy lingvistiki 1971* [The problems of structural linguistics 1971]. Moscow: Nauka, 1972, pp. 192–218.
3. Bikkulov S.F. *Leksikosemanticheskie i semantikosintaksicheskie osobennosti refleksivnykh konstruksiy v sovremennom angliyskom yazyke* [Lexico-semantic and semantico-syntactical aspects of reflexive constructions in modern English]. Leningrad, 1990. 15 p.
4. Bikkulov S.F. *Semantika refleksivnykh konstruksiy v sovremennom angliyskom yazyke* [The semantics of reflexive constructions in modern English]. Orenburg: OSPU Publ., 1993. 32 p.
5. Bikkulov S.F. Referentsionno-kognitivniy aspekt angliyskogo refleksiva [Referential cognitive aspect of the English reflexive]. *Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty issledovaniya funktsionirovaniya yazyka* [Theoretical and methodological aspects of the study of language functioning]. Orenburg: OSPU Publ., 2011, pp. 144–148.
6. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika* [The linguistic semantics]. Moscow: Editorial URSS, 2000. 350 p.

7. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 686 p.
8. Nikitin M.V. *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [A course in linguistic semantics]. Saint-Petersburg: Nauchniy tsentr problem dialoga, 1996. 757 p.
9. Ostin Dzh. Slovo kak deistvie [Word as an act]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow: Nauka, 1986. Vyp. 17, pp. 22–129.
10. Ivanova I.P., Burlakova V.V., Pocheptsov G.G. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Theoretical grammar of modern English]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. 285 p.
11. Maugham W.S. *The painted Veil*. Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya, 1981. 247 p.
12. Maugham W.S. *The Moon and Sixpence*. Moscow: Prosveshchenie, 1986. 160 p.
13. Maugham W.S. *Theatre*. Moscow: Manager, 1996. 303 p.
14. Murdoch I. *Under the Net*. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 175 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Биккулов Шамиль Фаритович, доцент кафедры английского языка и МПАЯ, кандидат филологических наук, доцент
*Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 29, г. Оренбург, 460019, Российская Федерация
shamilbikkulov@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bikkulov Shamil Faritovich, Professor of Chair of the English Language and MTEL, Candidate of Philology, Docent
*Orenburg State Pedagogical University
29, Sovetskaya St., Orenburg, 460019, Russian Federation
shamilbikkulov@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-85-93

УДК 81'276

**КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНВЕКТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ
ЯВЛЕНИЙ (ПРОЗВИЩ) В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
СУБКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Гараева Л.М., Хусаинова А.А.

Цель. В данной статье авторы рассматривают использование инвективных номинаций в профессиональной субкультуре. Объектом изучения стали русские и английские профессиональные инвективные прозвища и способы их образования.

Метод или методология проведения работы. В основе исследования лежит компаративный анализ с элементами сопоставления.

Результаты. Авторами подчеркивается разнообразие прозвищного ономастикона профессиональных сообществ. В ходе исследования устанавливается, что критерии использования прозвищ в коллективе регулируются этическими нормами данного сообщества.

Ключевые слова: инвектива; вербальная агрессия; профессиональные прозвища; профессиональная субкультура; английский язык.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF INVECTIVE LINGUISTIC
PHENOMENA (NICKNAMES) IN THE PROFESSIONAL
SUBCULTURE (BESED ON THE RUSSIAN
AND ENGLISH LANGUAGES)**

Garaeva L.M., Khusainova A.A.

Purpose. This paper examines the use of invective nominations in the professional subculture. The objects of the study were Russian and English nicknames.

Methodology. The research is based on linguistic analysis with elements of comparison.

Results. The study establishes a considerable variety of invective onomasticon. The authors consider that the criteria for the use of nicknames in a subgroup are governed by ethical standards of the community.

Keywords: *invective; English language; verbal aggression; professional nicknames; professional subculture.*

Известно, что почти во всех трудовых коллективах есть лица, именуемые коллегами не по имени, но по присвоенному ему коллективом прозвищу. Прозвища профессиональных лингвокультур характеризуются «анонимностью» объектов наименования, т.е. обычно сам человек не знает о своем прозвище, и лишь в некоторых, редких случаях, узнав и приняв прозвище, человек начинает отзываться на него. А.И. Домашнев классифицирует единицы такого рода как единицы диаситуативных лексических групп или ситуалектов [8], т.е. единиц, известных крайне узкому составу членов социума и функционирующих в ограниченном дискурсивном пространстве. Подчеркнем, что «анонимность» прозвищ есть только сужение территории функционирования такого рода наименований за счет «невключения» лица-референта прозвища. В социуме многие прозвища являются весьма популярными и частотными. Некоторые из них передаются от одного поколения работающих другому. В специальной литературе описаны ситуации, когда прозвища ярко характеризуют именуемое лицо. Например, контр-адмирал Д.Г. Фелькерзам из-за тучности был прозван Мешок с навозом, офицер крейсера «Изумруд» капитан 2 ранга П.И. Паттон-Фантон-де-Веррайона за самодурство и крикливость моряки прозвали Ватай-Ватай, вице-адмирал З.П. Рождественский был прозван Бездарный комедиант, капитана 1 ранга Н. В. Юнга моряки называли Лакированный егоза

[11]. После 4 октября 1993 г. за руководство осадой Белого Дома министр обороны РФ (1991–1996) П.С. Грачев получил презрительное прозвище – Грачев-Белодомский, которое активно использовалось в военном подъязыке до середины 1990-х гг [3]. Как видим, прозвища демонстрируют прагматическую норму, «совокупность принятых в профессиональном сообществе стереотипов поведения (в том числе вербального), а также параметров объектов живого и неживого мира» профессионального субстандарта, отход от которой немедленно фиксируется в языке [10]. Традиционными в ряде профессиональных лингвокультур являются инвективные номинации лиц других этносов и этнических групп, например, *Wetback* (букв. мокрая спина) – переносное уничижительное значение «нелегальный иммигрант из Мексики»; *Paddy* – ироничное обозначение ирландца (от *Patrick*) [7].

В российских средних школах традиционны прозвища учителей по соответствующему предмету, каждое из которых соответствует учителю определенного предмета: англичанка – учитель английского языка, немка – учитель немецкого языка, физичка – учитель физики, химичка – учитель химии. В прозвищах учителей, так же, как и в прозвищах моряков и военных (см. выше), зафиксировано большое количество мотивировок, отражающих особенности речи и внешнего вида референта номинации: зануда, кривая, пузырь, жираф, бульдог, черепаха, грач, курица, комар, муха, стрекоза, окунь, вобла, анаконда, чушка, клюшка, галоша, пельмень. В английском языке: *bushman* (букв. бушмен) за большую бороду; *Stalin* (букв. Сталин) за внешний вид; *Chewbacca* (персонаж из «Звездных войн») за отсутствие понимания гигиенических норм. Высокий процент инвектив наблюдается и в так называемых «штатных» прозвищах аудиторов в американской профессиональной субкультуре финансистов: *tickers*, *tickers 'n' bashers*, *internal*, *the enemy*, *them*, *year end yearners*,

process police, double-entry detectives evil, control cops, spread sheet Snoops, Penny patrol, auditaholic, big bad bean counter, king/queen of compliance, devils of double entry. Однако «узость» распространения и зоны функционирования детерминирует некоторые функционально-семантические параметры прозвищ. Функционально прозвища всегда сохраняют связь с определенными коммуникативными обстоятельствами, к неформальной межличностной сфере коммуникации в несколько сниженной или фамильярной тональности. Благодаря тому, что их основное свойство – «называть, характеризую», прозвища выполняют в дискурсе функции, в некоторой степени, отличающиеся от функций, свойственных другим языковым единицам. Прежде всего, они маркируют объект номинации как несоответствующий нормам социума.

Прозвищный ономастикон профессиональных сообществ, как правило, разнообразен, поскольку прозвища представляют собой крайне значимую часть мира социума. Сама практика присвоения прозвищ оказывает большое влияние на процесс возникновения и сохранения утвердившихся в коллективе конвенций. Н.В. Васильева наделяет прозвища весьма прозрачной характеристикой, называя их «ономастической контрабандой», «протаскиванием» имени в личную сферу, когда на то у субъекта номинации нет каких бы, то ни было официальных прав [4]. Считается, что исторически прозвища возникли до личных имен собственных и в их основе всегда лежит характеристика личности человека, его внешние и внутренние параметры [1].

В исследовательских работах структурный анализ данного вида антропонимов, как правило, дополняется различными классификациями: по лексико-семантическому значению единицы, лежащей в их основе [9], по «мотивам» [2], смешанная [12], по синонимичности [5]. Очевидно, что столь большое многообразие классификаций обусловлено спецификой самого понятия «прозвище».

В русскоязычной культуре грубость представлена ярче и номинирована плотнее, чем в англоязычной [6]. Русские инвективные прозвища, образованные морфологическим способом, имеют в своем составе ряд суффиксов, традиционно несущих пейоративную коннотацию. Например, -к (Клавка, Алька, Наташка, Гришка, Васька); -юх; -ух (Клавдюха, Мозуха); -шк (Кадрияшка, Вепешка). Большая часть анализируемых инвективных прозвищ русского языка и все без исключения прозвища английского языка, зафиксированные в данном исследовании, образованы семантическим способом. В качестве источника метафоризации использованы наименования животных (около 51% в русском языке и 67% в английском языке), артефактов (около 27% в русском языке и 12% в английском языке), названия профессий (около 4% в русском языке и 2% в английском языке). Четвертое место по наполняемости (около 19% в русском языке и 9% в английском языке) занимает группа единиц, образованных безаффиксальным способом, таких как Кривой, Ржавый, Рваный, Хромая, Beefy (букв. говяжий) и т. д. В группе «Животные» наибольшее количество прозвищ в подгруппах млекопитающие и насекомые. Например, «Млекопитающие»: жираф, бульдог, черепаха; «Птицы»: грач, курица; «Насекомые»: комар, муха, стрекоза; «Рыбы»: окунь, вобла; «Змеи»: анаконда. В группе «Артефакты» выявлены подгруппы «Химические и физические вещества», «Приборы», «Одежда», «Еда». Например, хлор, пробирка, катализатор, ампер, палочка; чушка, клюшка, галоша; пельмень. Традиционно прозвищем наделяются довольно заметные лица в профессиональном сообществе. Отсутствие прозвища может свидетельствовать о периферийном положении индивидуума в коллективе и его изолированности. Наиболее популярные личности, члены нескольких групп могут одновременно иметь несколько прозвищ, что свидетельствует о социальном признании:

чем заметнее профессиональная личность, чем больше ее роль в социуме, тем выше вероятность получить прозвище. Наиболее заметные лица в коллективе могут иметь по несколько прозвищ. Данные осуществленных экспериментов и включенного наблюдения позволяют предположить, что в профессиональном социуме всегда имеется лицо или группа лиц, которым сообщество выдает своего рода «лицензию» на присвоение прозвищ. Попытки остальных придумывать прозвища, как правило, заканчиваются неудачей.

Таким образом, прозвища создаются преимущественно в целях экспрессивной характеристики референта. Инвективная коннотация является доминирующей. Критерии использования прозвищ в коллективе регулируются этическими нормами данного сообщества и соответствуют им. Инвективные прозвища получают лица, внешние и внутренние характеристики которых выходят за установленные (микро)социальные конвенции [7].

Список литературы

1. Khusainova A.A., Kudryavtseva M.G. Model of Forming Socio-Cultural Identity of University Students VIA Learning a Foreign Language // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. MCSER Publishing, Rome-Italy. Vol 6, No 1 S3 February 2015, pp. 327–330.
2. Буткус А.Б. Литовские прозвища. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1984. С. 12.
3. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 704 с.
4. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. 224 с.
5. Визгалов Г.И. Соответствие прозвища объекту. Семантическая и словообразовательная структура диалектных прозвищ // *Ономастика Поволжья*. Горький, 1971. С. 90–95.

6. Гараева Л.М. Инвектива в профессиональной коммуникации: прагматический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. Серия 2, Языкознание. Выпуск № 5 (24). С. 79–87.
7. Гараева Л.М. Языковые средства вербальной агрессии профессиональных субкультур (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015. 200 с.
8. Домашнев А.И. О границах литературного и национального языка // ВЯ. 1978. № 2. С. 5.
9. Селищев А.М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. 640 с.
10. Солнышкина М.И. Профессиональный морской язык. М.: Academia, 2005. 256 с.
11. Солнышкина М.И., Валеева Э.Р. Мотивационный уровень языковой личности // Вестник Волгоградского государственного университета. 2009. Серия 2: Языкознание. Выпуск № 2. С. 70–77.
12. Ушаков Н.Н. О грамматических особенностях прозвищных имен // Ономастика и грамматика. М.: Наука, 1981. С. 98–122.

References

1. Khusainova A.A., Kudryavtseva M.G. Model of Forming Socio-Cultural Identity of University Students VIA Learning a Foreign Language. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. MCSER Publishing, Rome-Italy. Vol 6, No 1 S3 February 2015, pp. 327–330.
2. Butkus A.B. *Litovskie prozvissha* [Lithuanian nicknames]. Vil'njus, 1984.
3. Val'ter Kh., Mokienko V.M. *Bol'shoy slovar' russkikh prozvisch* [Great Dictionary Russian nicknames]. М., 2007. 704 p.
4. Vasil'eva N.V. *Sobstvennoe imja v mire teksta* [The proper name in the world of text] М.: Akademija gumanitarnyh issledovanij, 2005. 224 p.

5. Vizgalov G.I. Sootvetstvie prozvissha obektu. Semanticheskaja i slovoobrazovatel'naja struktura dialektnyh prozvishh [Conformity of nickname to object. The semantic and derivational structure of dialect nicknames]. *Onomastika Povolzh'ja*. Gor'kij, 1971, pp. 90–95.
6. Garaeva L.M. Invektiva v professional'noj kommunikacii: pragmalingvisticheskij aspekt [Invective in professional communication: pragmatic and linguistic aspects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 5, pp. 79–87.
7. Garaeva L.M. *Jazykovye sredstva verbal'noj agressii professional'nyh subkul'tur (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [Language tools of verbal aggression in the professional subcultures (Russian and English languages)]. Kazan', 2015. 200 p.
8. Domashnev A.I. *O granicah literaturnogo i nacional'nogo jazyka* [About the boundaries of literary and national language]. *Voprosy jazykoznaniya*. 1978. № 2. P. 5.
9. Selishhev A.M. *Revoljucija i jazyk. Izbrannye trudy* [Revolution and language] M., 1968.
10. Solnyshkina M.I. *Professional'nyj morskoy jazyk* [Professional marine language] M.: Academia, 2005. 256 p.
11. Solnyshkina M.I., Valeeva Je.R. Motivacionnyj uroven' jazykovoj lichnosti [Motivation level of linguistic identity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 2, pp. 70–77.
12. Ushakov N.N. O grammaticheskikh osobennostjakh prozvishhnyh imen [About grammatical features of nicknames]. *Onomastika i grammatika*. M.: Nauka, 1981, pp. 98–122.

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Гараева Лейла Мирзануровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики, бизнеса и финансов Института управления экономики и финансов КФУ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, РТ, 420008, Российская Федерация
leila-successful@ya.ru*

Хусаинова Аниса Амировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики, бизнеса и финансов Института управления экономики и финансов КФУ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, РТ, 420008, Российская Федерация
anisakhusainova@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Garaeva Leyla Mirzanurovna, Associate Professor, Ph. D. in Philology
*Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University
18, Kremlevskaja Str., Kazan, Tatarstan, 450008, Russian Federation
leila-successful@ya.ru*

Khusainova Anisa Amirovna, Associate Professor, Ph. D. in Pedagogy
*Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University
18, Kremlevskaja Str., Kazan, Tatarstan, 450008, Russian Federation
anisakhusainova@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-94-105

УДК 811.511.12

ПРОБЛЕМЫ ТЕЗАУРУСНОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ ИСЧЕЗАЮЩИХ ЯЗЫКОВ

Иванищева О.Н.

Цель статьи – определить специфику идеографических словарей кильдинского саамского языка как исчезающего языка коренного малочисленного народа Севера. В работе впервые поставлен вопрос об особенностях структуры и организации тезауруса коренных малочисленных народов. По отношению к кильдинскому саамскому языку отношение двух типов идеографических словарей (тематического и идеографического тезауруса) видится как соотношение целого и части, но структура словарей определяется по-разному по причине разных целей этих словарей: учебной и научно-исследовательской. Вопреки мнению о несистематичности тематического словаря систематизация материала признается автором в обоих словарях, но принципы систематизации различны: традиционная систематизация лексического материала (род-вид) в тематическом словаре и дополнительная к традиционной противопоставленная систематизация в идеографическом тезаурусе. Практическое применение результатов исследования связано с развитием двуязычной лексикографии, созданием учебных пособий и учебников по изучению саамского языка, что особенно актуально в условиях усиления внимания к этнокультурному развитию народов Российской Федерации и принимаемым мерам по развитию регионального компонента в образовании.

Ключевые слова: *тезаурус; тематические словари; кильдинский саамский язык.*

ISSUES OF THESAURUS DESCRIPTION OF THE ENDANGERED LANGUAGES

Ivanishcheva O.N.

The article addresses the specifics of ideographic dictionaries of the Kildin Sami language as an endangered language of Indigenous Peoples. We show the problem of structuring and organization of the thesaurus of indigenous peoples. For the Kildin Sami language the relation between the two types of thesaurus (thematic and ideographic) can be seen as a part to whole relation. Though the dictionaries' structure is defined in different ways depending on their purposes: teaching and research. Systematization of the material is accepted in each dictionary. The traditional systematization of lexical material (genus-species relationship) is presented in the thematic dictionary. In the ideographic thesaurus we are facing the opposed systematization in addition to the traditional one. The research results can be applied to the development of bilingual lexicography, creation of manuals and textbooks for the study of the Saami language. This is especially crucial in the context of increasing attention to the ethnic and cultural development of the peoples of the Russian Federation and the measures taken for the development of a regional component in education.

Keywords: *thesaurus; thematic dictionaries; the Kildin Saami language.*

Цель статьи – определить специфику идеографических словарей кильдинского саамского языка как исчезающего языка коренного малочисленного народа Севера.

По мнению В.В. Морковкина, идеографические словари бывают трех типов: идеографические тезаурусы, аналогические

словари и учебные идеографические словари. В основе тезауруса Э. Блана, например, лежит синоптический план, потом даются тематически организованные списки слов, относящихся к определенному понятийному классу, а затем приводятся статьи, содержащие энциклопедические сведения о наиболее важных понятиях, входящих в этот класс. В таком словаре всегда реализуется попытка создать иерархическую классификацию понятий. Чаще всего недостатком таких словарей является неясность или немотивированность принципов выделения понятий. Естественность выделения понятийных классов основывается на живых ассоциативных связях слов [4, с. 30–34]. На это указывает и Л.В. Щерба, отмечая, что «взаимосвязи слов-понятий должны быть представлены не такими, какими они должны были бы быть, а такими, как они конкретно существуют в данном коллективе, определяя его речевую деятельность (коммуникацию)». По мнению Л.В. Щербы, система слов-понятий в конечном счете является функцией производственных отношений данного коллектива и условий его жизни. Идеологические (в нашей терминологии идеографические. – О.И.) словари, по мнению Л.В. Щербы, должны дать материал для построения истории мышления, отраженного в языке [10, с. 79, 83].

Идеографическим словарем учебного типа В.В. Морковкин называет тематический словарь и определяет его специфику как словаря учебной направленности. Последнее определяет и состав тематической сетки, и особенность подачи слов. В.В. Морковкину кажется неудачным опыт немецко-французского тематического словаря по совмещению в словаре слов, их перевода и иллюстративных примеров (предложений). Более полезным, по мнению учебного, было бы введение примеров сочетаемости слов, т.е. ответа на вопрос «как употребить слово в речи?». Анализируя имеющиеся

тематические словари, В.В. Морковкин их основным недостатком видит отбор словника [4, с. 36–41].

В литературе встречается мнение о несистематичности тематических словарей. Так, по мнению Ё.Н. Хамраевой, в идеографическом словаре на первом плане выступает системность, главенствует принцип «от общего к частному», строго соблюдается иерархия. В тематическом словаре отсутствует системность и иерархия. Его специфика заключается в учебной направленности. Группы в тематических словарях не разделяются на более мелкие, поскольку в нем отсутствует систематичность. Идеографические словари основаны на философском восприятии мира, а тематические словари, где преобладает ситуативность, передают ту действительность, которая окружает составителя [9, с. 41].

По мнению Л.Г. Саяховой, тематические классы слов – это лексические комплексы, представляющие содержательную сторону всех возможных в пределах какой-либо речевой темы коммуникативных актов. Эти комплексы многоярусны, имеют сложное иерархическое строение и ни в коей мере не покрываются предметными родо-видовыми объединениями типа «Посуда», «Мебель» и др. Л.Г. Саяхова видит системность тематического словаря в тематической систематизации и отмечает, что в отличие от собственно идеографического словаря лексика в таком словаре систематизируется на основе ее функционирования в рамках той или иной темы и смысловой связью с ней не только на уровне лексического значения, но и на уровне самых общих ассоциативных представлений об этой связи. Правда, потом ученый уточняет, что в таком словаре систематизируются прежде всего внеязыковые факторы – темы и сферы общения, вся их совокупность и тематическая лексика, их обслуживающая [6, с. 370–371]. Представляя тематический словарь как тезау-

урус в понимании Л.В. Щербы, т.е. как «все решительно слова, встретившиеся в данном языке хотя бы один раз» [10, с. 69], Л.Г. Саяхова понимает тематический словарь как способ тематической систематизации большого объема лексического материала [6, с. 371].

Тематические словари коренных малочисленных народов Севера представлены как учебные. Они охватывают минимальный состав базовой лексики, репрезентирующей основные понятия жизни коренного народа: жилище, пища, народные промыслы, животный и растительный мир, времена года и т.д. Тематические словари представлены не только по большинству языков коренных народов Севера, но и даже по их диалектам. Что касается такого финно-угорского языка коренного малочисленного народа Севера, как саамский, то его лексикография крайне бедна [13].

Язык саамов Кольского полуострова относится к постепенно угасающим языкам. Это связано с рядом причин, среди которых – сокращение числа носителей диалектов (в современной терминологии – языков), отсутствие литературного языка, ассимиляция саамского языка русским, использование саамского языка носителями в основном только на бытовом уровне, проблемы с преподаванием саамского языка в школе (изучается только факультативно), невостребованность родного языка в среде молодого поколения саамов. Кроме того, у саамов долгое время отсутствовала письменность, а на сегодняшний день есть только переводные словари кильдинского саамского языка: «Саамско-русский словарь» (под ред. Р.Д. Куруч) [5], «Словарь саамско-русский и русско-саамский» Г.М. Керта [3] и «Саамско-русский словарь» А.А. Антоновой [1]. Словарь Г.М. Керта содержит около 4 000 слов и предназначен для учащихся начальной школы. Цель данного учебного переводного словаря обозначена автором как успеш-

ное овладение учащимися родным (кильдинским саамским) и русским языками. Словарь под ред. Р.Д. Куруч содержит 8 000 слов и предназначен для специалистов по финно-угорским языкам, этнографии и для всех интересующихся саамским языком. Словарь А.А. Антоновой появился в связи с ее переводом книги шведской писательницы А. Линдгрэн «Пеппи Длинный Чулок» на саамский язык. По словам участника редакторской группы Э. Шеллер, словарь является дополнительным вспомогательным инструментом для чтения книги («Пеппи Длинный Чулок» по-саамски). Это было основным назначением словаря, когда планировалось издание простого списка слов для чтения книги. Но в процессе работы над словарем эта идея была переосмыслена, автор пришла к необходимости «издать более обширный словарь». Поэтому словарь содержит не только лексику, необходимую для чтения книги, но и более широкий пласт слов – разговорную лексику, а также слова, отражающие традиционную материальную и духовную жизнь саамов к середине 2010-х гг. В Лаборатории саамского языка при Мурманском арктическом государственном университете с 2008 г. под руководством автора настоящей статьи ведется работа по созданию словарей кильдинского саамского языка иного типа – лингвокультурологических, т.е. совмещающих элементы перевода и широкого культурологического комментария: изданы словари лексики духовной и материальной культуры саамов, а также названий домашних животных [2; 7; 8]. Потребность в учебных словарях саамского языка имеется, поскольку кильдинский саамский язык преподается в начальных классах средней школы с. Ловозера, а также на различных курсах в разных населенных пунктах Мурманской области. Создание тематического словаря, в т.ч. картинного, по нашему мнению, крайне необходимо. Кроме того, особое значение приобретает созда-

ние полной базы данных лексики кильдинского саамского языка, что предполагает оформление такой базы в виде тезауруса.

Анализ разных словарей, а также учет языковых особенностей саамского языка и социолингвистической ситуации на Кольском Севере приводят к мысли о следующих принципах создания словарей саамского языка. Первоочередной задачей представляется все-таки сбор не утраченного еще языкового материала и создание на этой базе тезауруса (идеографического словаря).

В такой ситуации важно определить теоретические основы двух типов идеографических словарей: тематического словаря и идеографического тезауруса.

Поскольку данный словарь иерархичен по своей структуре, то необходимо выделить единицы описания и определить организацию их представления в словаре. Единицами описания представляются, по Л.В. Щербе, слова-понятия, т.е. элементы не «языкового материала», а «языковой системы». А языковая система, по Л.В. Щербе, раскрывается в том числе в правилах словаря, иначе – в правилах применения слов-понятий к реальной действительности [10, с. 69].

Определение значений слов, в виде которых даются правила словаря, вызывает большие трудности, что неоднократно отмечено в специальной литературе. Но что это возможно, не отрицается никем. Смысл в том, что «под каждым фонетическим словом должен быть дан исчерпывающий и точный перечень понятий, с ним соединенных» [10, с. 70]. Поэтому перечень заглавных слов для тематического и идеографического словаря в принципе может быть ограничен только объемом словаря и спецификой его пользователя. Содержание того и другого словаря, поскольку оба являются разновидностями идеографических словарей, по В.В. Морковкину [4], определяется направленностью на учебную

деятельность тематического словаря и на отражение языковой системы (а лучше, по Л.В. Щербе, и всего языкового материала [10]) в идеографическом словаре (тезаурусе).

Систематизация материала, по нашему мнению, должна быть представлена во всех перечисленных словарях. Но если тематический словарь, предназначенный для учебных целей, для саамского языка будет строиться по традиционному принципу (тематическая группа и все входящие в нее слова с общим элементом значения), то тезаурус, по нашему мнению, может иметь несколько иную структуру: не просто перечисление всех слов, входящих в те или иные понятийные поля, а расположение с учетом принципа противопоставленности, который выявляется из анализа языкового материала. Надо отметить, что исследования кильдинского саамского языка как одного из сохранившихся и изученных из всех кольско-саамских языков осложняются наличием многочисленных лакун в лексической системе по причине потери языка многими носителями этноса. Поэтому создание идеографического словаря в его идеальном варианте, конечно, невозможно, но описание сохранившейся части лексической системы, выявленной с помощью полевых исследований, анализа словарей и других, в том числе этнографических источников, – важнейшая исследовательская задача. В таком словаре отражается и проблема соотношения языка и культуры [11; 12; 14; 15].

Таким образом, по отношению к кильдинскому саамскому языку соотношение двух типов идеографических словарей (тематического и идеографического тезауруса) видится как соотношение целого и части, но структура словарей определяется по-разному по причине разных целей этих словарей: учебной и научно-исследовательской. Нами признается систематизация материала в обоих словарях, но принципы систематизации также различны: традици-

онная систематизация лексического материала (род-вид) в тематическом словаре и дополнительная к традиционной противопоставленная систематизация в идеографическом тезаурусе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Мурманской области в рамках проекта проведения научных исследований («Тезаурус кольско-саамского языка: сохранение лексического фонда в условиях русскоязычного окружения»), проект № 16-14-51001.

Список литературы

1. Антонова А.А. Саамско-русский словарь. Мурманск: АНО «Арктический центр научных исследований и экспертиз», 2014. 376 с.
2. Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка: учебный культурологический словарь / Авт.-сост. О.Н. Иванищева, Ю.С. Митина. Мурманск: МГГУ, 2015. 108 с.
3. Керт Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1986. 247 с.
4. Морковкин В.В. Идеографические словари. М.: Изд-во Моск. унта, 1970. 71 с.
5. Саамско-русский словарь / Афанасьева Н.Е., Куруч Р.Д., Мечкина Е.И., Антонова А.А., Л.Д. Яковлев, Б.А. Глухов. М.: Рус. яз., 1985. 568 с.
6. Саяхова Л.Г. Языковая картина мира и проблема систематизация лексики в современной словарной форме // *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No 4, pp. 368–374.
7. Словарь лексики духовной культуры кольских саами / Авт.-сост. О.Н. Иванищева, В.Б. Бакула. Мурманск: МГГУ, 2013. 222 с.
8. Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта са-

- амского языка) / Авт.-сост. О.Н. Иванищева, А.М. Эрштадт. Мурманск: МГГУ, 2014. 249 с.
9. Хамраева Ё.Н. Тематические словари как средство отображения реальной действительности // *European Journal of Literature and Linguistics*. 2015. № 2. С. 37–42.
 10. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. С. 54–91.
 11. Alefirenko N. Language as a State of Ethno-Cultural Consciousness. *XLinguae Journal*, Vol. 8 Issue 3, June (2015): 3–18.
 12. Cukan J., Korina N., Lenovsky L. 2014. Culture – Language – Identity (problem of relations). *XLinguae Journal*, Vol. 7 Issue 4, October (2014): 21–32.
 13. Ivaniščeva O.N. Saami Dictionary-Making: Preserving Finno-Ugric indigenous language of the Kola. *Linguistica Uralica*, no 1 (2016): 54–64.
 14. Gao J. Basic Cognitive Experiences and Definitions in The Longman Dictionary of Contemporary English. *International Journal of Lexicography*, Vol. 26 Issue 1, March (2013): 58–89.
 15. Hornáčková-Klapicová E. Bilingual Lexicography and a Slovak-Spanish-English Theological Dictionary. *XLinguae Journal*, Vol. 5 Issue 3, June (2012): 2–41.

References

1. Antonova A.A. *Saamsko-russkiy slovar'* [Saami-Russian Dictionary]. Murmansk: ANO «Arkticheskiy tsentr nauchnykh issledovaniy i ekspertiz», 2014. 376 p.
2. *Zoonimikon kil'dinskogo dialeksta saamskogo yazyka: uchebnyy kul'turologicheskiy slovar'* [Zoonymikon in the Kildin Saami Language: Learner's Culturological Dictionary] / Avt.-sost. O.N. Ivanishcheva, Yu.S. Mitina. Murmansk: MGGU, 2015. 108 p.

3. Kert G.M. *Slovar' saamsko-russkiy i russko-saamskiy* [Saami–Russian and Russian–Saami Dictionary]. Leningrad: Prosveshchenie. Leningr. otd-nie, 1986. 247 p.
4. Morkovkin V.V. *Ideograficheskie slovari* [Thesaurus]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1970. 71 p.
5. *Saamsko-russkiy slovar'* [Saami-Russian Dictionary] / Afanas'eva N.E., Kuruch R.D., Mechkina E.I., Antonova A.A., L.D. Yakovlev, B.A. Glukhov. Moscow: Rus. yaz., 1985. 568 p.
6. Sayakhova L.G. Yazykovaya kartina mira i problema sistematizatsiya leksiki v sovremennoy slovarnoy forme [Linguistic picture of the world and the problem of lexis classifying in modern dictionary form]. *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No 4, pp. 368–374.
7. *Slovar' leksiki dukhovnoy kul'tury kol'skikh saami* [Dictionary of Kola Sami Spiritual Culture Lexis] / Avt.-sost. O.N. Ivanishcheva, V.B. Bakula. Murmansk: MGGU, 2013. 222 p.
8. *Slovar' leksiki traditsionnykh promyslov i khozyaystvennykh zanyatiy kol'skikh saamov (na materiale kil'dinskogo dialekta saamskogo yazyka)* [Dictionary of Kola Saami Traditional Trades and Husbandry Lexis (A Case Study of Kildin Saami)] / Avt.-sost. O.N. Ivanishcheva, A.M. Ershtadt. Murmansk: MGGU, 2014. 249 p.
9. Khamraeva E.N. Tematicheskie slovari kak sredstvo otobrazheniya real'noy deystvitel'nosti [Thematic dictionaries as a means of representation of reality]. *European Journal of Literature and Linguistics*. 2015. No 2, pp. 37–42.
10. Shcherba L.V. Opyt obshhej teorii leksikografii [Experience of general theory of lexicography]. *Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics]. Vol.1. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2002, pp. 54–91.
11. Alefirenko N. Language as a State of Ethno-Cultural Consciousness. *XLinguae Journal*, Vol. 8 Issue 3, June (2015): 3–18.

12. Cukan J., Korina N., Lenovsky L. 2014. Culture – Language – Identity (problem of relations). *XLinguae Journal*, Vol. 7 Issue 4, October (2014): 21–32.
13. Ivaniščeva O.N. Saami Dictionary-Making: Preserving Finno-Ugric indigenous language of the Kola. *Linguistica Uralica*, no 1 (2016): 54–64.
14. Gao J. Basic Cognitive Experiences and Definitions in The Longman Dictionary of Contemporary English. *International Journal of Lexicography*, Vol. 26 Issue 1, March (2013): 58–89.
15. Hornáčková-Klapicová E. Bilingual Lexicography and a Slovak-Spanish-English Theological Dictionary. *XLinguae Journal*, Vol. 5 Issue 3, June (2012): 2–41.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики *Мурманский арктический государственный университет ул. Кап. Егорова, 15, г. Мурманск, Мурманская область, 183038, Российская Федерация*
oivanishcheva@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ivanishcheva Olga Nikolajevna, PhD in Linguistics, Professor, Head of Department of Culturology, Intercultural Communication, Theory of Language and Journalism
*Murmansk Arctic State University
15, Kap. Egorova Str., Murmansk, Murmanskaya oblast, 183038, Russian Federation*
oivanishcheva@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-106-114

УДК 811.512.145'373

РОДСТВЕННЫЕ КОРНИ В ВЕНГЕРСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Талибуллин Р.Т., Хайруллина А.С.

В статье приведены примеры проверки корневых степеней языков венгров и татар со времени переселения первых в район Нижней Камы в первом тысячелетии нашей эры – территории современного Татарстана от Заинского до Бавлинского районов включительно.

Цель: Основной целью работы является изучение родственных корней в венгерском и татарском языках.

Метод и методология проведения работы. В работе использован комплекс методов и приемов анализа фактического материала, основным из которых является описательный. Также использован метод сравнительно-типологического анализа, структурный метод, системный и сравнительно-сопоставительный анализ родственных корней в венгерском и татарском языках.

В качестве инструмента для проведения исследования был использованы русско-венгерские онлайн-переводчики: translate.google.com, mrTranslate.ru.

Результат. По результатам анализа были выявлены 110 родственных слов в венгерском и татарском языках. Это указывает на тесную взаимосвязь предков мадьяр с тюркоязычными народами. Приводимые данные доказывают наличие родственных корней в венгерском и татарском языках.

Ключевые слова: *татарский язык; диалектология; болгарское государство; родственные корни; языкознание.*

RELATED ROOTS IN THE HUNGARIAN AND TATAR LANGUAGES

Talibullin R.T., Hajrullina A.S.

This article describes the examples of checking root degrees of the Hungarian and Tatar languages since the first ones moved to the area of the Lower Kama, the territory of modern Tatarstan (from Zainsk to Bavly districts), in the first millennium BC.

The main objective of the work is to study the related roots of the Hungarian and Tatar languages.

Method and methodology of work: We have used a set of methods and techniques for the analysis of the factual material, the descriptive method being the main one. We have also used the method of comparative-typological analysis, structural method, system and comparably-comparative analysis of related roots in the Hungarian and Tatar languages.

The Russian-Hungarian online translator was used as a tool for the study: translate.google.ru, mrtranslate.ru.

Result. According to the results of the study we managed to identify 110 related words in the Hungarian and Tatar languages. This points to the close relationship of the ancestors of the Magyars with Turkic-speaking peoples. The data presented demonstrates the existence of related roots in the Hungarian and Tatar languages.

Keywords: *Tatar language; dialectology; Bulgarian state; related roots, linguistics.*

Предками венгров (мадьяр; тат. мажарлар) считаются полукочевники степей восточнее Урала.

Венгерский язык относится к уральской языковой семье, финно-угорской группе, принадлежит к угорской подветви.

Считается, что до V–VI вв. праугорское языковое общение охватывало территорию современной Республики Башкортстан, а также Челябинской и Курганской областей [3].

В район Нижней Камы венгры переселились около первого тысячелетия нашей эры и были в составе болгарского государства. Проживали венгры и на территории современного Татарстана от Заинского до Бавлинского районов включительно. Это подтверждают исследования по топонимике Л.Ш. Арсланова [1, 2].

В 1996 году в г. Набережные Челны состоялась III региональная научно-краеведческой конференция, которая была приурочена к 1100-летию переселения мадьяр с территории современного Татарстана на Дунай. Этому событию был посвящён конный переход из столицы Венгрии Будапешта в Набережные Челны. Получается, что на Дунай с территории современного Татарстана венгры перекочевали в 896 году, а с булгарами жили вместе 300–400 лет.

Историческим фактом является то, что венгры перекочевали за 26 лет до принятия ислама болгарскими предками татар (922 год).

В это время Великий Булгар отличался единством и военной мощью. Поэтому и отнюдь не случайно в 1223 году болгары первыми в истории победили монгольскую орду. До этого монголы не знали поражений. Разъяренный предводитель монгол Субэдей еще дважды (в 1229 и 1232 годах) с 30–40-тысячным войском напал на Булгарское государство. Но оба раза потерпел поражение на Жигулевских горах и вынужден был отступить в Азию. В 1236 году значительную армию, состоявшую из 150 тысяч всадников, возглавил уже сам Батый-хан. И первой жертвой среди европейских государств он выбрал непокорную, сильную, единую Великую Булгарию. Штурм столицы государства шел

45 дней. Монгольские захватчики лишь после стольких усилий ворвались в г. Биляр. Таким образом, трижды в 1223, 1229 и 1232 годах болгары не позволили монголам двигаться дальше на запад, спасая русские княжества и европейские государства от порабощения.

В 1980 году Р.Т. Талибуллин, находясь в венгерском городе Сомбатхей, обратил внимание на схожесть некоторых слов в татарском и венгерском языках. Например, яблоко (венг. alma, тат. алма), гриб (венг. gomba, тат. гөмбә) и так далее [5].

Используя современные технологии, нами был проведён сравнительный анализ венгерского и татарского языков на предмет обнаружения родственных связей. Ниже приводятся результаты исследований.

Слова, приводимые на венгерском и татарском языках, написаны соответственно латиницей и кириллицей, но читаются должны с учётом особенностей этих языков. Поэтому для полноты и глубины восприятия представленного материала необходимо использовать возможности сети Интернет (а именно, переводчик Google (translate.google.com), где произношение каждого слова можно прослушать.

Отметим, что кириллица не отражает колорит и полноту звучания татарского языка, но, наоборот, искажает. При написании слов на латинице многие слова татарского и венгерского языков несут одинаковую смысловую нагрузку и созвучны фонетически.

Таким образом, по результатам исследования были обнаружены 110 родственных слов в венгерском и татарском языках. Это подтверждает мнение А.М. Тюрина о тесной взаимосвязи предков мадьяр с тюркоязычными народами [6]. Исследования в этом направлении необходимо продолжить.

Приводимые данные доказывают наличие родственных корней в венгерском и татарском языках.

Таблица 1.

Сравнительный анализ венгерского и татарского языков

№№ п/п	Язык			№№ п/п	Язык		
	русский	венгерский	татарский		русский	венгерский	татарский
1.	беда	baj	бәла	56.	полюнь	űröm	эрәм
2.	благород- ный	nemes	намуслы	57.	понятой	tanú	танык
3.	благород- ство	nemesség	намуслы- лык	58.	прежде	előtt	элек
4.	близнецы	ikrek	игезэк	59.	призрак	szellem	шәүлә
5.	борода	szakáll	сакал	60.	пшеница	búza	бодай
6.	ветер	szel	жил	61.	раздатчик	elosztó	өләшүче
7.	веретено	orsó	орчык	62.	рассудок	ok	акыл
8.	веснушки	szeplők	сипкел	63.	ровный	sima	шома
9.	внук	unokája	онык	64.	род	futam	токым
10.	ворота	kapu	капка	65.	рубанок	sík	ышкы
11.	врата	kapuk	капу	66.	сани	szánkó	чана
12.	галка	csóka	чәүкә	67.	сахар	cukor	шикәр
13.	гарем	hárem	хэрәм	68.	сверстник	kortárs	кордаш
14.	георгин	dália	дәлия	69.	свидетель	tanú	танык
15.	гладкий	sima	шома	70.	селение	falu	авыл
16.	год	év	ел	71.	синий	Kék	күк
17.	горох	borso	борчак	72.	слепень	böglyö	бөгәлчән
18.	гриб	gomba	гөмбә	73.	слово	szó	сүз
19.	деревня	falu	авыл	74.	смело	bátran	батыр
20.	дубина	husáng	күсәк	75.	смерть	halal	халәк
21.	идол	bálvány	балбал	76.	смотреть	karóra	карау
22.	желтый	Sárga	сары	77.	соха	faeke	сука
23.	заговор	összeesküvés	өшкерү	78.	стерлядь	kecsege	чөгә
24.	загородка	kerítés	киртә	79.	супруг	férj	ир

Окончание табл. 1

25.	картофель	burgonya	бэрэнге	80.	телёнок	borjú	бозау
26.	квас	kuvasz	куас	81.	терпение	turelem	туземлек
27.	кузнечик	szocske	чикерткэ	82.	товарищ	elvtárs	иптэш
28.	каштан	gesztenye	кэстэнэ	83.	толпа	tömeg	төркем
29.	коза	kecske	кэжэ	84.	труп	hulla	үлек
30.	книга	könyv	китап	85.	тучный	kövér	көр
31.	конопля	kender	киндер	86.	ты	Ön	син
32.	копоть	korom	корым	87.	увы	jaj	ah
33.	кошка	macska	мэче	88.	удав	boa	буар елан
34.	круг	kerek	түгэрэк	89.	ущерб	kár	зарар
35.	кукушка	kakukk	кэккүк	90.	филин	bagoly	байгыш
36.	лев	oroszlán	арыслан	91.	фильтр	szűrő	сөзгеч
37.	лягушка	béka	бака	92.	фисташка	pisztácia	пестэ
38.	масло	olaj	май	93.	черепаха	teknősbéka	ташбака
39.	мать	anya	ана	94.	чибис	bíbic	бибек
40.	мамка	anyuka	энкэй	95.	хвост	farok	койрык
41.	мох	moha	мүк	96.	хмель	komló	колмак
42.	название	cím	исем	97.	холуй	lakáj	ялагай
43.	обезьяна	majom	маймыл	98.	храбрый	bátor	батыр
44.	овод	bögöly	бөгэлчэн	99.	цыплёнок	csirke	чеби
45.	оклик	jégeső	эндэшү	100.	частица	részecske	кисэкчэ
46.	отвага	bátorság	батырлык	101.	чёлн	kenu	каек
47.	отец	apa	ата	102.	черенок	szár	сап
48.	пакля	kóc	сүс	103.	чета	pár	пар
49.	палатка	sátor	чатыр	104.	чибис	bíbic	бибек
50.	пальба	égetés	атыш	105.	число	szám	сан
51.	пах	ágyék	касык	106.	чихание	tüsszentés	точкеру
52.	пенька	kender	киндер	107.	я	én	мин
53.	перец	bors	борыч	108.	яблоко	alma	алма
54.	петух	kakas	этэч	109.	ягнёнок	bárány	бэрэн
55.	пиво	sör	сыра	110.	ячмень	árpa	ágra

По результатам исследования возникает предположение о существовании родственных связей между вышеуказанными этносами. Для получения исчерпывающей информации необходимо проведение ряда геногеографических исследований, которые позволят отследить происхождение того или иного этноса.

Список литературы

1. Арсланов Л.Ш. Топонимические этюды: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Восток-Запад: диалог культур в полилингвальной среде». Казань, 2009. С. 253–255.
2. Арсланов Л.Ш. Топонимия как источник для изучения миграции населения: Материалы XII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». Казань 14–16 сентября 2010 года. Казанский университет 2010. С. 37–41.
3. Русско-татарский словарь: Ок. 47000 слов / Э.М. Ахунзянов, Р.С. Газизов, Ф.А. Ганиев и др.; Под ред. Ф.А. Ганиева. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 736 с.
4. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М.: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 1954. С. 163–192.
5. Талибуллин Р.Т. Язык – важный фактор международного сотрудничества. III региональная научно-краеведческой конференция. Набережные Челны: Камаз, 1996. С. 3–4.
6. Тюрин А.М. Согласование исторических свидетельств, лингвистических и генетических данных, характеризующих венгров // Сборник статей по новой хронологии. 2010. № 10. http://new.chronologia.org/volume10/turin_vengry_genetica2.php/

References

1. Arslanov L.Sh. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: «Vostok-Zapad: dialog kul'tur v polilingval'noj srede»* [Toponymic etudes. Materials of All-Russian scientific-practical conference “East-West: Dialogue of Cultures in polylingual environment”]. Kazan, 2009, pp. 253–255.
2. Arslanov L.Sh. *Toponimiya kak istochnik dlya izucheniya migratsii naseleniya. Materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Onomastika Povolzhya”* [Toponymy as a source for the study of population migration. Materials of the XII International scientific conference “Onomastics of the Volga region”]. Kazan, September 14-16 2010, Kazan University, 2010, pp 37–41.
3. *Russko-tatarskij slovar': Ok. 47000 slov* [Russian-Tatar dictionary: 47000 words] / A.M. Ahunzjanov, R.S. Gazizov, F.A. Ganiev et al. M.: Rus. jaz., 1985. 736 p.
4. Tchernetsov V.N., Moshinskaya V.I. *In search of ancient Ugric native land. In the footsteps of ancient cultures. From the Volga to the Pacific Ocean* [V poiskah drevney rodiny ugorskih narodov. Po sledam drevnih kultur. Ot Volgi do Tihogo Okeana.]. M.: State Publ. House of cultural and educational literature, 1954, pp. 163–192.
5. Talibullin R.T. *Yazyk – vazhnyy faktor mezhdunarodnogo sotrudnichestva. III regionalnaya nauchno-kraevedcheskaya konferentsiya* [Language is an important factor of international cooperation. III regional scientific regional studies conference]. Naberezhnye Chelny: Kamaz, 1996, pp 3–4.
6. Tyurin A.M. *Soglasovanie istoricheskikh svidetelstv, lingvisticheskikh i geneticheskikh dannyh, harakterizuyuchih vengrov* [Matching historical evidences, linguistic and genetic data characterizing Hungarians], №10, 2010. http://new.chronologia.org/volume10/turin_vengry_genetica2.php/

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Талибуллин Разим Такиевич, канд. с.-х. наук, доцент кафедры биологии и экологии
Елабужский институт (филиал) КФУ
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423604, Российская Федерация
biofak_6@mail.ru

Хайруллина Альфира Салихзяновна, старший преподаватель, кандидат филологических наук
Елабужский институт (филиал) КФУ
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423604, Российская Федерация
alfira-7171@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Talibullin Razim Takievich, Candidate of Agricultural Sciences, Do- cent of Biology and Ecology Department
Elabuga institute of Branch of Kazan (Volga) Federal Uni- versity
89, Kazanskaya St., Elabuga, Tatarstan Republic, 423600, Rus- sian Federation
biofak_6@mail.ru

Hajrullina Al'fira Salihzyanovna, Candidate of Philology
Elabuga institute of Branch of Kazan (Volga) Federal Uni- versity
89, Kazanskaya St., Elabuga, Tatarstan Republic, 423600, Rus- sian Federation
alfira-7171@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-115-126

УДК 81-22

РОЛЬ КОНТЕКСТА В АКТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ МНОГОЗНАЧНОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

Цаголова Т.Т.

Цель. Цель проводимого исследования заключается в выявлении роли контекста в актуализации смыслового содержания фразеологической единицы. Раскрывается понятие контекста, определяется объём фразеологического контекста и его трёх основных типов. Делается вывод, что структурно усложнённые фразеологические единицы требуют минимального контекста, а элементарно простые структуры – максимально широкого. При описании роли контекста в актуализации фразеологизма особое внимание уделяется компаративам.

Метод проведения работы. Исследование проводилось в синхронно-сопоставительном плане на материале фразеологизмов французского и русского языков, построенных на цветообозначениях триады (белый, чёрный, красный), дополняемые по мере необходимости фразеологическими единицами других тематических групп. Материалом исследования послужили наиболее авторитетные словари и литературные примеры, извлечённые из произведений французских и русских авторов. Конкретная методика, применяемая в анализе языкового материала – комплексная, сочетающая в себе элементы описательно-сопоставительного и контрастивного методов.

Результаты. Актуализация фразеологизма протекает на фоне контекста. Реализация структурно усложнённых фразеологиче-

ских единиц требует минимального контекста. Напротив, элементарно простые структуры актуализируют своё содержание максимально широким контекстом, простирающимся на две или более предикативные синтагмы текстового окружения. Принципы актуализации наиболее зримо проявляются в устойчивых компаративах, в которых троичная формула классического сравнения служит не только смысловой, но и формальной основой актуализации.

Область применения результатов. Изложенный материал может быть использован в практической и теоретической лексикографии, в преподавании общей и сравнительной семасиологии. Исследование может оказать помощь учителю-словеснику в преподавании французского языка учащимся средних школ и вузов, учебные программы которых предполагают включение в них курсов культурологии и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *полисемия; фразеология; фразеологическая единица; контекст; виды контекста; фразеологический контекст; объём контекста; компаратив.*

THE ROLE OF CONTEXT IN UPDATING OF SEMANTIC CONTENT OF MULTIVALUED PHRASEOLOGICAL UNIT

Tsagolova T.T.

Purpose. The purpose of the conducted research consists of identification of the context role in updating of the semantic content of phraseological unit. The notion of context is disclosed in the study, the amount of idiomatic context and its three main types are determined. The conclusion is that the structurally compound phraseological units require minimal context whereas elementary simple structures demand

the widest. Special attention is paid to comparatives in description of the context role in actualization of phraseological units.

Methodology. The study was conducted in synchronous comparative terms on phrasal units material of the French and Russian languages, built on a triad color terms (white, black, red), supplemented as necessary phraseological units of other thematic groups. Materials of the research are the most authoritative dictionaries and literary examples taken from works of French and Russian authors served.

The technique applied in the current analysis of language material consists of the complex elements of descriptive, comparative and contrastive methods.

Results. Actualization of a phrasal unit takes place in the context background. The implementation of structurally complex phraseological units require minimal context. And on the contrary, the elementary simple structures actualize their content through the widest context, extending over two or more predicative syntagma of the text environment. Principles of actualization are mostly visible in stable comparatives, in which the threefold formula of the classic comparison is not only meaningful, but also is the formal basis of actualization.

Practical implications. The results of the current research can be used in practical and theoretical lexicography, as well as in teaching of general and comparative semasiology. The study can help the French language and literature teachers in teaching students of secondary schools and universities, in training programs that involve cultural studies courses and intercultural communication.

Keywords: *polysemy; phraseology; phraseological units; context; types of context; phraseological context; context volume; comparative.*

По мнению многих авторитетных исследователей, реализация фразеологической единицы предполагает наличие определённых

условий [2]. Но наиболее существенным условием актуализации фразеологизма является наличие фразеологического контекста [3]. О.С. Ахманова определяет контекст в двух ракурсах: контекст – это 1) «лингвистическое окружение данной языковой единицы; условия, особенности употребления данного элемента речи. Контекст речевой»; 2) «законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или формы» [1, с. 206]. Что касается фразеологического контекста, то эта величина определяется в общих чертах по приведённой схеме, но с обязательным учётом отражаемого ею явления. В данном случае под контекстом понимается отрезок речи, состоящий из переменных слов и словосочетаний, необходимых для актуализации фразеологической единицы. Фразеологический контекст может оказаться в препозиции по отношению к фразеологической единице или же в постпозиции по отношению к ней. Третьим вариантом соотношения контекста и фразеологической конструкции является её средняя позиция, когда она проникает в корпус переменных элементов контекста, оказываясь окружённой ими.

Объём фразеологического контекста как актуализатора фразеологической единицы варьируется от минимального, состоящего из нескольких слов до целой предикативной синтагмы (простой или сложной). Различают три основных типа фразеологического контекста:

- 1) внутрифразовый, осуществляющий реализацию фразеологического образования в составе простого предложения;
- 2) внефразовый, предполагающий наличие сложного предложения в качестве контекста – актуализатора;
- 3) сверхфразовый, содействующий реализации фразеологической единицы в пределах двух или нескольких предложений.

Необходимость в третьем виде фразеологического контекста проявляется в тех случаях, когда актуализации подвергается фразеологи-

ческое построение, отмеченное, как правило, подлинной многозначностью. Для иллюстрации сформулированного суждения воспользуемся примером, предлагаемым А.Г. Назаряном. Сочетание *panier percé* многозначно. Оно может переводиться как 1) мот; бездонная бочка, дырявый карман и 2) беспамятный, бестолковый человек, забывчивый человек, дырявая голова. Если поместить этот фразеологизм в пределы двух предложений (*Henri le lui disait souvent: c'est par la que tu finirais, ma pauvre (Rosalie), comme un panier percé!*), то трудно было бы определить, какое из двух упомянутых значений он реализует: мот или же забывчивый человек. Но если расширить контекст (*Mais sa mémoire commençait à baisser. Henri le lui disait souvent: c'est par la que tu finirais, ma pauvre (Rosalie), comme un panier percé!*), то смысл «забывчивый человек, дырявая голова или память» становится очевидным [3, с. 68].

Определённую значимость приобретают при этом структурные признаки фразеологического сочетания. В частности, сопоставляя роль контекста при актуализации структурно элементарного сочетания (*mal blanc* / флегмона; страшилище, мордovorot; *dame blanche* / женщина в белом (приведение); бутылка белого вина; *cabinet noir* / тёмная комната, чулан; чёрный кабинет (секретный отдел полиции); *billet noir* / выигравший лотерейный билет; чёрный билет (вытянув который юноша призывного возраста должен был идти на военную службу); смерть и т.д. и тех, которые способны построить подлежащно-сказуемую синтагму, убеждаемся, что актуализация последних не требует столь широкого контекста. И это вполне закономерно, так как совокупность подлежащего и сказуемого отражает некую целостную и законченную ситуацию, в то время как элементарная синтагма отражает лишь часть какой-либо ситуации. В действительности, выражения *mettre des gants blancs* (действовать с большой осторожностью, предусмотрительностью), *se donner les*

gants (проявлять наглость – *L'instituteur et sa femme se donnent les gants de faire ecosser leurs haricots par mon fils*) [6, с. 262] воспринимаются вполне однозначно даже вне речевого контекста. Причём следует подчеркнуть тот немаловажный факт, что именно первичное значение любого многозначного фразеологизма может получить актуализацию вне широкого контекста.

Сказанное можно подтвердить материалом русского языка. Фразеологическая конструкция *бить челом* имеет пять значений: 1) почтительно раскланиваясь, приветствовать кого-либо; 2) просить кого-либо о чём-либо; 3) благодарить кого-либо за что-либо; с глубоким почтением относиться к кому-либо; 4) просить милостыню (низко кланяясь при этом); 5) жаловаться на кого-либо. Первое и второе значения воспринимаются даже вне контекстного окружения. Но чтобы актуализировать четвёртое и особенно пятое значение требуется, бесспорно, хотя бы минимальный контекст.

Итак, конкретная речевая реализация фразеологических построений свершается, как правило, на фоне фразеологического контекста. Элементарно простые синтаксические конструкции требуют максимально расширенного контекста, в то время как актуализация структурно более сложных фразеологизмов опирается на минимальный контекст, то есть на переменные величины предложения, содержащего фразеологическую конструкцию.

При описании роли контекста в актуализации фразеологизма особого внимания требуют компаративы, дающие добротный материал для более ясного понимания того, как любая фразеологическая единица переходит из уровня системы в уровень речи. На первый взгляд может показаться, что компаративы, основанные, как правило, на образах реальной действительности, на жизненном опыте человека и его многовековой практической деятельности, не предполагают каких-либо трудностей в их актуализации. Между тем, труд-

ности возникают достаточно часто и предопределены они уже тем обстоятельством, что далеко не всегда компаративы рассматриваются как фразеологические образования. Их воспринимают чаще всего как элементарные речевые штампы и клише. Однако же, образность данных структур, лексико-грамматическая нерасторжимость составных элементов сравнительной формулы, её синтаксическая целостность и смысловая устойчивость свидетельствуют о том, что было бы целесообразным выделить эти структуры в особую подгруппу фразеологизмов. Вспомним мнение А.В. Кунина, полагавшего, что отнесение устойчивых сравнений к фразеологии диктуется рядом факторов: их регулярной воспроизводимостью, устойчивостью формы и фиксацией в специальных словарях [2, с. 268].

Структура устойчивого компаратива общеизвестна, ибо она повторяет структурную организацию любого сравнительного оборота, включающего три логически обязательных компонента:

- 1) А – предмет, подвергающийся сравнению;
- 2) В – объект, являющийся опорой сравнения;
- 3) С – общий признак сравниваемых феноменов.

Этой формуле отвечают устойчивые компаративы обоих языков: *blanc comme un lis* / белый как лилия, *белый как лебедь*. При этом, следует учитывать тот факт, что фразеологизации подвергается лишь часть компаративной конструкции. Например, слово **neige**, формирующее ряд устойчивых компаративов в сочетании с различными глаголами, регистрируемые фразеологическим словарём под редакцией Я.И. Рецкера:

- 1) *s'en tirer blanc comme neige* (выйти сухим из воды);
- 2) *sortir blanc (comme neige)* (сохранить незапятнанную репутацию);
- 3) *être blanc comme neige* или *être tout blanc* (быть, считаться совершенно невиновным).

Приведённые фразеологизмы с устойчивым сравнением *blanc comme neige* показывают, что соотнесение элементов **В** и **С** ведёт к известной нивелировке смысловых различий и к акцентированию одного инвариантного признака – в данном случае признака интенсивности.

Функция интенсификации и составляет то основное отличие между элементарными устойчивыми компаративами: в свободных словосочетаниях сравнительного значения сам факт сопоставления и является самоцелью всей конструкции. Например, **manger comme un orgue** (есть, как людоед). Напротив, в устойчивых сравнениях сопоставительный процесс как смысловой фокус всей конструкции значительно затушёвывается, а основной целью всего сочетания становится выражение признака интенсификации.

В структуре и в содержательном объёме устойчивых сравнений и их семантических аналогов, построенных по образцу свободных словосочетаний, имеются и другие различия, касающиеся их переменных и постоянных величин.

Здесь наблюдается явное их перераспределение. В частности, в свободном компаративе постоянной величиной является лишь элемент **С**, в то время как в устойчивом – две составляющие (**С** и **В**), а также его интенсифицирующая функция.

В предшествующих строках были изложены в общих чертах инвариантные представления о контексте, призванном реализовать любую языковую единицу. Что касается устойчивых компаративов, то их актуализация протекает преимущественно в двух типологических разновидностях контекста.

Первый тип контекста допустимо именовать малым и независимым контекстом, формируемым пределами самой компаративной конструкции в силу того, что содержание её каждой составляющей воспринимается достаточно однозначно. Прозрачность всего сочетания делает доступным для однозначного восприятия создавае-

мый им образ: *connu comme le loup blanc* (gris) / хорошо известный: *il est connu comme le loup blanc* / его знают как облупленного; *blanc comme un mur* / бледный как стена; *blanc comme (un) linge* / белый как полотно; *blanc comme un mort* / бледный как смерть; *blanc comme un cygne* / белый как лебедь, *красный как кирпич*, *красный как помидор*, *чёрный как уголь*, *чёрный как ворон* и т.д.

Второй тип контекста, определяемый с известной долей условности как несвободный, формируемый не только и не столько самой структурой устойчивого компаратива, сколько пресуппозитивной информацией, известной говорящему на данном языке этносу. Например, *rare comme un merle blanc* переводится на русский язык **очень редкий, диковинный** (сравним: белая ворона). В действительности, если бы мы не знали, что дрозды имеют чаще всего чёрное оперение, то трудно было бы понять, почему нечто очень редкое, необычное, диковинное сравнивается с этой птицей.

Различия в двух упомянутых разновидностях контекста (свободный или несвободный) могут подкрепляться также факторами структурного порядка. Так, например, форма артикля способствует размежеванию смысловозначительных признаков: 1) *blanc comme neige* сводится к смыслу *белый, как снег*; 2) *blanc comme la neige* имеет другое толкование – невинный, с незапятнанной репутацией.

Итак, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что устойчивые сравнения составляют отдельную группу в общей совокупности сравнительных оборотов, главным средством актуализации которых является контекст.

В законченном высказывании устойчивое сравнение актуализирует в основном два прагматически ориентированных компонента: значение характеристики-оценки и интенсификации признака.

В описании устойчивых компаративов становится фактором ощутимой важности понятие эталона, вовлекающего в сферу сво-

ей активности такие процессы, как формирование языковых клише и калек. Эталон – это усреднённая мера различных признаков, присущих миру вещей, их свойств и отношений: *jaune comme un citron; rouge comme une tomate; красный как помидор, жёлтый как лимон; noir comme du charbon / чёрный как уголь.*

Полное совпадение как структурного, так и образно-семантического содержания приведённых выражений в сопоставляемых языках неизбежно ставит нас перед вопросом: имеем ли мы дело с межязыковым калькированием или проявлением языковых универсалий, отражающих, в свою очередь, универсалии человеческого мышления как способа постижения причинно-следственных связей между объектами окружающего мира? Но независимо от того, какой ответ последовал бы на заданный вопрос (информацию предоставить могут лишь специальные разыскания в области исторической семасиологии и исторической лексикографии), мы вправе констатировать, что 1) фразеологические системы французского и русского языков отмечены удивительным подобием (*blanc comme (la) neige – белый как снег; loup blanc – матерый волк; brebis galeuse – паршивая овца*; 2) одной из причин общности фразеологических фондов французского и русского языков можно считать калькирование (*houille blanche – белый уголь; ne connaitre ni le blanc ni le noir – не отличать чёрного от белого* и т.д.), имеющее как теоретическое, так и практическое назначение, так как способствует решению важных проблем фразеологии, теории и практики перевода, взаимодействию языка и мышления, культурологии и межкультурной коммуникации; 3) при взаимодействии языков в определённых исторических условиях лексико-фразеологическая система одного языка пополняется за счёт лексико-фразеологической системы другого языка в результате пословных переводов, бытующих в нём устойчивых словосочетаний и их по-

следующего усвоения языком-реципиентом при неизбежной ассимиляции (полной или частичной).

Результаты наблюдений над семантическим обликом многозначных фразеологических единиц, бытующих во французском и русском языках, могут быть суммированы в ряде тезисных выводов.

1. Актуализация фразеологизма протекает на фоне контекста. Реализация структурно усложнённых фразеологических единиц требует минимального контекста. Напротив, элементарно простые структуры актуализируют своё содержание максимально широким контекстом, простирающимся на две или более предикативные синтагмы текстового окружения.

2. Французский и русский языки обладают значительным фондом параллельной фразеологии.

3. Принципы актуализации наиболее зримо проявляются в устойчивых компаративах, в которых троичная формула классического сравнения служит не только смысловой, но и формальной основой актуализации.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 571 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
3. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1987. 287 с.
4. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В.Г. Гака. М.: Русский язык. Медиа, 2005. 1625 с.
5. Французско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я.И. Рецкера. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 1112 с.
6. Mauriac F. Le sagouin. Moscou: Edition du progres, 1975. 447 p.

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of linguistic terms]. M.: URSS, 2004. 571 p.
2. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo iazyka* [The course of the modern English phraseology]. M.: Vysshaia shkola, 1996. 381 p.
3. Nazarian A.G. *Frazeologiya sovremennogo francuzskogo iazyka* [The modern French phraseology]. M.: Vysshaia shkola 1987. 287 p.
4. *Novyj bolshoj francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar* [The unabridged French-Russian phraseological dictionary] / V.G. Gak (ed.). M.: Russkij jazyk. Media, 2005. 1625 p.
5. *Francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar* [The French-Russian phraseological dictionary] / Ja.I. Recker (ed.). M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1963. 1112 p.
6. Mauriac F. *Le sagouin*. Moscou: Edition du progress. 1975. 447 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Цаголова Татьяна Тамбиевна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
*Горский государственный аграрный университет
ул. Кирова, 37. г. Владикавказ, республика Северная Осетия –
Алания, 362040, Российская Федерация
tsagolova@bk.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tsagolova Tatiana Tambiyevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences
*Gorskiy State Agricultural University
37, Kirova Str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia – Alania,
362040, Russian Federation
tsagolova@bk.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-127-137

УДК 81

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИЕМОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Яцук Н.Д.

Предмет данной статьи – описание выразительных средств как особенности художественного метода автора. Рассматриваются различные элементы контекстуальной системы образов, влияющие на восприятие текста. Отмечается эволюция приемов использования средств от сложно структурированных метафор к созданию лексико-синтаксического строя на основе диалектных и просторечных слов. Таким образом, язык произведения становится самостоятельным символом эпохи.

Ключевые слова: художественный метод; сложная метафора; аллюзии; конструкции тропов; многослойность контекста; неомифологические мотивы; символ эпохи; духовный упадок.

THE EVOLUTION OF THE WAY ARTISTIC-EXPRESSIVE MEANS ARE USED IN THE WORKS BY T. TOLSTAYA

Yatsuk N.D.

The subject of the paper is to describe the expressive means being the author's artistic method. A number of elements of the image conceptual system are considered that affect the reader's

perception of the text. The study covers the evolution of the expressive means use starting with complex metaphors further to building lexical-syntactic structures based on the dialect and colloquial words. Thus, the literary works language becomes a symbol of the historic period.

Keywords: *artistic method; complex metaphor; allusions; tropes structures; context layering; neo-mythological trends; symbol of the historic period; spiritual decline.*

На рубеже даже не веков, а тысячелетий творчество Татьяны Толстой стало значимым явлением русской литературы, точкой перелома, четко обозначившей те изменения в обществе и сознании человека, отражать и анализировать которые – главная задача автора. Примечательно, что литературный успех пришел к автору сразу, с первых рассказов, отмеченных благосклонным вниманием критиков. Это обусловлено особенным художественным миром, созданным Толстой в текстах благодаря чрезвычайно густому, насыщенному и яркому языку повествования, которым она рисует образы героев, как художник – кистью.

Некоторые исследователи ее творчества даже упрекали Толстую в излишней насыщенности и вязкости языковых средств: «тексты Татьяны Толстой зачастую похожи на эклектичное письмо, «пестрящее» прецедентными фразами, именами..., языковыми клише и штампами, однако выполненное изящно, тонко, со вкусом знатока» [7], но именно эта манера составляет неотделимую особенность художественного метода автора. Уже в ранних произведениях Татьяна Толстая парадоксально сочетает постмодернистский взгляд на мир с метафоричным стилем, до предела насыщенным поэтикой неомифологизма, фольклорными и библейскими образами.

Так, в первом рассказе Толстой «На золотом крыльце сидели...» читатель погружается во внутренний мир ребенка, но переданный через фокальную точку зрения взрослого, причем взрослого высочайшей культуры и образованности. Это насыщает повествование ассоциативными связями, придает ему глубину и объем лучших образцов психологической прозы девятнадцатого века.

Одним из основных художественно-выразительных средств здесь выступают эпитеты. Концентрация их настолько велика, что порою кажется чрезмерной, едва ли не каждое существительное является объектом определения и подчеркивания. «Тысячарусный сад», «душные заросли», «страдальческое воробьиное личико», «беспечные дачи» – с первых абзацев Толстая настойчиво создает особенную атмосферу, используя краски, звуки, запахи, вкусы и ощущения. За обилием эпитетов едва замечается, как образы неодушевленных предметов оживают, происходит смещение акцента в сторону метафоричности и олицетворения, как отдельные номинативные единицы текста преобразуются в единый сплошной всеобъемлющий образ сложной структуры, гигантскую многоступенчатую метафору. Толстая пишет: «Черный бревенчатый Сруб выбирался боком из-под сырого навеса кленов и лиственниц и, светлея, умножая окна, истончаясь до солнечных веранд, раздвигая настурции, расталкивая сирень, уклонившись от столетней ели, выбегал, смеясь, на южную сторону и останавливался над плавным клубнично-георгиновым спуском вниз-вниз-вниз, туда, где дрожит теплый воздух и дробится солнце в откинутых стеклянных крышках волшебных коробок, набитых огуречными детенышами в розетках оранжевых цветов» [1].

Авторский стиль в этом предложении глубоко индивидуализирован, здесь отсутствуют окказионализмы, но эмоциональная и

эстетическая сверхзадача воздействия на читателя достигается за счет использования ассоциативно-контекстуальной системы образов, каждый из которых основан не только на прямом значении слова, но и на его коннотативных возможностях именно в данной парадигме гипертекстовых связей между читателем, автором и их подсознательным восприятием текста.

«Клубнично-георгиновый спуск», «огуречные детеныши», «расталкивая сирень» – для Толстой редкостью становится использование слова в его прямом значении без включения в парадоксальную систему сборки текста, как мозаики художественно-выразительных средств. У читателя возникает впечатление, что автор намеренно перенасыщает текст тропами, усложняет до предела восприятие, создает многослойность контекста в зависимости от подготовленности к восприятию самого читателя.

И, как будто этого мало, Толстая использует в тексте множество аллюзий, прямых и контекстуальных отсылок к Библии, фольклору и классической мировой литературе, небрежно роняя цитаты, играя образами неомифологической поэтики. «О, как на склоне наших лет...», – вставляет автор цитату в повествование о вдовстве героя, и в сознании читателя мгновенно образуются интертекстуальные связи, описывающие ситуацию с точки зрения художественной, психологической, эмоциональной и общекультурной.

Текст Толстой интерактивен в полном понимании этого слова, он основан на принципах гипертекстовых переходов от образа к образу, от одного коммуникативного акта между читателем и автором к другому. В соседних предложениях могут и должны, по авторскому замыслу, встречаться лексические единицы, отсылающие к восточным сказкам, древнегреческим мифам, библейским и фольклорным мотивам: «Дядя Паша уже знает, ждет, рас-

пахнул заветную дверь в пещеру Алладина. О комната! О детские сны! О дядя Паша – царь Соломон! Рог Изобилия держишь ты в могучих руках! [1] Калейдоскоп образов сменяется так быстро, что приобретает кинематографическую быстроту, пестрота, нарочитое богатство и яркость повествования ассоциируется с эстетикой барокко, но художественный метод Толстой и эту эстетику впитывает и усваивает, создавая совершенно особенный стилистический окрас текста.

Анализируя текст, можно выделить излюбленный прием Татьяны Толстой в создании внутренней организации текста: она создает колоссальный образ, затем рассматривая его с разных точек зрения, используя отдельные составляющие, играя на контрасте или схожести и затем переходя к новому образу. В рассказе «На золотом крыльце сидели» это последовательность сверхобразов Сад – Сокровищница – Волшебный фонарь. Они упорядочивают и структурируют текст, являясь его первоосновой, восходя к воспоминаниям авторского фокального персонажа и обращаясь к архетипическому восприятию читателя. Раз за разом Толстая подчеркивает эти образы, используя их как основу ткани повествования, украшая всевозможными способами, создавая контекстуальные связи между отдельными метафорами и конструкциями тропов.

Рассказ «На золотом крыльце сидели» был дебютным произведением автора. Он написан в 1983 году, и уже через два года писательница начинает работу над романом «Кысь», на сегодняшний день ставшим вершиной ее творчества. Дописанный в 2000 году и вышедший в свет через год, роман «Кысь» стал триумфом художественного метода Толстой, вершиной эволюции ее стилистики. Высоко оцененный критиками, роман представил образец оригинальной эстетико-нравственной системы,

основанной на достижениях модернизма и постмодернизма и при этом включающей в себя излюбленные Толстой неомифологические мотивы.

На лингвистическом уровне это проявилось в создании особенной, глубоко оригинальной системы языка и образов романа. Необычность эстетики «Кыси», как художественного явления, построена на том, что Толстая излагает события постапокалиптического толка подчеркнуто просторечным языком с элементами просторечия, и только образованные специально для «Кыси» окказионализмы и контекстуальное использование лексики создает фантастическую атмосферу происходящего.

С первого абзаца романа читатель оказывается в мире, где обыденные предметы и явления получают новое, непривычное значение: «Ночная вьюга улеглась, снега лежат белые и важные, небо синее, высоченные клели стоят – не шелохнутся. Только черные зайцы с верхушки на верхушку перепархивают» [1]. В этих двух предложениях Толстая сталкивает два художественных приема, вместе создающих парадокс восприятия, когда незнакомое, но имеющее понятное происхождение и значение слово «клели» воспринимается читателем легче, чем лексика широкого круга применения, поставленная в непривычное окружение. Читатель легко опознает в «клелях» контаминацию «кленов» и «елей», что позже подтверждается описанием мутировавших деревьев, тогда как «черные зайцы», которые «перепархивают» с верхушки на верхушку, категорически выбиваются из привычной нам картины мира.

Далее Толстая развивает этот прием, не объясняя, но показывая читателю, что «куры» в постапокалиптическом будущем ядовиты, а Котя – домашнее животное, ловящее мышей – не имеет ничего общего с привычным нам котом. И читатель вынужденно прини-

мает условия автора, по умолчанию считая, что любое названное явление и предмет может и почти обьязано обернуться чем-то иным, подчиняющимся не условностям современного мира, а произволу автора и его художественному замыслу.

Следует отметить, что собственно словообразованием Толстая пользуется с осторожностью и в гораздо меньшей степени, чем большинство писателей-фантастов, увлеченно создающих новые лексемы для описания уже известных или не имеющих аналогов понятий выдуманного мира. Окказионализмы Толстой всегда основаны на лексико-морфологических единицах, знакомых читателю, которые он способен интерпретировать и опознать, как наделенные определенными качествами. Например, уже упомянутые «кклели», «огнецы», «ржавь», «перерожденцы», «червыри», «хлебеда» и т. д.

Особняком стоит лексема «кысь», давшая название роману. Описание фантастического животного позволяет заключить, что этимологически это слово восходит к слову «рысь», но контекст слова искажает его значение, придает дополнительные смысловые и эмоциональные оттенки, вводит в культурную и сюжетную парадигму этноцентрированной антиутопии, где образ хищного зверя вырастает до символа потери души и личности, воплощения бессознательного страха перед темной стороной собственной души и окружающим миром.

Большинство исследователей творчества Толстой отмечают, что язык романа при всей его чистоте и лаконичности, противоположной языку ранних рассказов писательницы, подчеркнуто просторечен. Герои общаются друг с другом на своеобразном диалекте, грубоватом, насыщенном архаичными словами и выражениями, на всех уровнях – от фонетического до синтаксического – утрированно примитивном.

В то же время язык «прежних», то есть людей, живших до гибели старого мироустройства, перенасыщен канцеляризмами, научной и публицистической лексикой, словно таким образом они пытаются отстраниться от окружающего мира с его примитивной агрессией и бездуховностью. Мать главного героя спрашивает у персонажа романа: «← А конкретную пользу вы из своей силы извлекали? Что-нибудь общественно-полезное для коммуны сделали?» Но в данном ситуативном контексте ее слова не просто непонятны окружающим, но и звучат для них издевательски, а слово «синтаксис» ее сын, герой романа Бенедикт, принимает за нецензурную лексику.

Особняком стоят в романе слова, чье понимание у героя искажено: зная примерное произношение и значение слова, он воспринимает его чуждым, не входящим в собственную картину мира и оттого воспринимающимся отдельным лексическим элементом. В тексте романа такие слова написаны заглавным шрифтом и подчеркнута искажены: «МОГОЗИН», «АРУЖЫЕ», «ОНЕВЕРСТЕЦКОЕ АБРАЗОВАНИЕ», «ОСФАЛЬТ». К ним примыкают ключевые слова-понятия новой жизни, которые столь важны для героя, что через его фокальную точку зрения их значимость подчеркивается заглавной буквой: «Склады» и «Складские Работники», «Взрыв», «Последствия», «Главный Истопник» и т. д.

В финале романа к таким словам-знакам присоединяется лексема «книга», которая становится «Книгой» и сопровождается массой эпитетов: «милая», «родненькая» и т. д. Значение книги, как центрального образа романа, наряду с фантастической «кысью», подчеркивается номинативным использованием алфавита для глав романа.

Таким образом, говоря об эволюции приемов использования художественно-выразительных средств в творчестве Татьяны

Толстой, можно сделать вывод, что писательница идет от сложно структурированных метафор и обширного культурного контекста ранних рассказов к созданию контаминированного лексико-синтаксического строя на основе диалектных единиц и просторечия. Это позволяет ей передать с помощью языка особую атмосферу деградации культуры и цивилизации, нравственно-духовного упадка. Язык становится самостоятельным символом эпохи, выражением трагедии постапокалиптического общества, в котором без особого труда угадывается общество постперестроечное, подверженное тому же духовному распаду и декадансу.

Список литературы

1. Толстая Т.Н. Кысь. М.: ЭКСМО, 2005. 320 с.
2. Беневоленская Н.П. Принцип двоимирия в художественных и публицистических текстах Татьяны Толстой // Вестник. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 2(2). С. 3–12.
3. Гоцило Е.Г. Взрывоопасный мир Татьяны Толстой.; пер. с англ. Д. Ганцевой, А. Ильенкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 202 с.
4. Зумбулидзе И.Г. «Женская проза» в контексте современной литературы // Современная филология: материалы междунар. заоч. науч. конф. Уфа: Лето, 2011. С. 21–23.
5. Маркова Т.Н. О некоторых аспектах динамики речевых форм в художественной прозе конца XX в. // Вестник ОГУ. 2002. Вып. 8. С. 126–129.
6. Неминуций А.Н. Мотив смерти в художественном мире рассказов Татьяны Толстой // Актуальные проблемы литературы. Комментарий к XX в.: Материалы международной конференции. (Светлогорск 25–28 сентября 2000 г.). Калининград, 2001. С. 120–125.

7. Полонский В.А., Донникова М.С. Публицистика Татьяны Толстой: риторика социального текста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Выпуск 18(113). том 11. С. 109.
8. Попова И.М., Губанова Т.В., Любезная Е.В. Современная русская литература: учебное пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. 64 с.

References

1. Tolstaya T.N. *Кус*. М.: EKSMO, 2005. 320 p.
2. Benevolenskaya N.P. Printsip dvoemiriya v khudozhestvennykh i publitsisticheskikh tekstakh Tat'yany Tolstoy [The double-world principle in the texts by T. Tolstaya]. *Vestnik. S.-Peterb. un-ta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2009. № 2(2), pp. 3–12.
3. Goshchilo E.G. *Vzryvoopasnyy mir Tat'yany Tolstoy* [Explosible world by T. Tolstaya]; per. s angl. D. Gantsevoy, A. Il'enkova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 202 p.
4. Zumbulidze I.G. «Zhenskaya proza» v kontekste sovremennoy literatury [The so-called 'women's prose' in terms of contemporary literature]. *Sovremennaya filologiya: materialy mezhdunar. zaoch. nauch. konf.* [Modern Philology: Proceedings of the International Scientific Conference]. Ufa: Leto, 2011, pp. 21–23.
5. Markova T.N. O nekotorykh aspektakh dinamiki rechevykh form v khudozhestvennoy proze kontsa XX v [On certain aspects of speech forms dynamics of late 20th century fiction]. *Vestnik OGU*. 2002. Issue 8, pp. 126–129.
6. Neminushchiy A.N. Motiv smerti v khudozhestvennom mire rasskazov Tat'yany Tolstoy [Death motive in the artistic world of stories by T. Tolstaya]. *Aktual'nye problemy literatury. Kommentariy k XX v.: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. (Svetlogorsk 25–28 sentyabrya 2000 g.)* [Actual problems of literature: Proceedings of the international

- conference (Svetlogorsk, 25-28 September 2000)]. Kaliningrad, 2001, pp. 120–125.
7. Polonskiy A.V., Donnikova M.S. Publicistika Tat'jany Tolstoj: ritorika social'nogo teksta [Tatyana Tolstaya's publicistic works: the social text rhetoric]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2011. № 18(113), V. 11. P. 109.
 8. Popova I.M., Gubanova T.V. Lyubeznaya E.V. *Sovremennaya russkaya literatura: uchebnoe posobie* [Contemporary Russian literature: learning aid]. Tambov, 2008. 64 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Яцук Наталья Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Русского языка и литературы, теории и методики обучения русскому языку и литературе
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет»
пр. Мира, 15а, г. Орск, 462403, Российская Федерация
yatzuk.natalya@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yatsuk Natal'ya Dmitrievna, Assistant Professor of Russian Language and Literature, Theory and Methods of Teaching Russian Language and Literature
Orsk Humanitarian Technological Institute (branch) of the Federal State Budget Institution of Higher Education 'Orenburg State University'
15a, Mira pr., Orsk, 462403, Russian Federation
yatzuk.natalya@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ STUDIES IN PHILOSOPHY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-138-146

УДК 141.201

КАРТИНА МИРА В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Грыжанкова М.Ю., Полубояров Д.И.

Цель: выявить место картины мира в системе общественного сознания.

Метод проведения работы: анализ теоретических источников

Результаты: У понятий «картина мира» и «общественное сознание» имеются общие основания, восходящие к гегелевской концепции абсолютной идеи. Однако общественное сознание употребляется в генерализированном значении, т.е. для обозначения сознания общества в целом, а картина мира – это конкретно-историческое явление, результат вторичной рефлексии, сопряженной с конкретизацией представлений о бытии. Кроме того, общественное сознание отражает общественное бытие в сложных и многомерных формах, а картина мира – это упорядоченное и при этом сильно упрощенное отображение общественного сознания, которое является сознательным и намеренным. Наконец, всякий индивид сопричастен общественному сознанию, но не обладает им: ему непосредственно доступны лишь отдельные элементы этой многомерной и запутанной системы. Однако каждый чело-

век и каждая социальная группа обладают собственной картиной мира, т.е. она достаточно ясна, чтобы быть полностью освоенной субъектом. Таким образом, хотя «картина мира» и «общественное сознание» – понятия генетически близкие, они имеют сущностные различия и употребляются в различных исследовательских контекстах.

Область применения результатов: в образовании.

Ключевые слова: картина мира; мировоззрение; общественное сознание; образ мира.

PICTURE OF WORLD IN THE STRUCTURE OF SOCIAL CONSCIOUSNESS

Gryzhankova M.Yu., Poluboyarov D.I.

Purpose identify the place of worldview in the system of public consciousness.

Methodology: theoretical analysis of literature.

Results: The concepts of «worldview» and «social consciousness» have common historical and philosophical roots, dating back to the Hegelian concept of the absolute idea. But social consciousness is used in a generalized sense, i.e., to designate the consciousness of society in general, while the picture of the world is a concrete-historical phenomenon, the result of a secondary reflection, involving a concretization of ideas about being. In addition, the social consciousness reflects social being in complex and multi-dimensional forms, while the worldview is a systemized and seriously simplified representation of the social consciousness. This simplification is deliberate: a person needs to have a simple and clear image of the complex world, for what the depth and nuances of social consciousness are partly ignored. Finally, every in-

dividual is implicated in the public consciousness, but does not possess it, she has immediate access only to a few elements of this multi-dimensional and complicated system. However, every person and every social group possess their own picture of the world, as it is clear enough to be fully perceived by the subject. Thus, although the «world view» and «social consciousness» are the genetically similar concepts, they have essential distinctions and are used in different research contexts.

Practical implication: the system of education.

Keywords: *picture of world; worldview; social consciousness; world image.*

Картина мира – это совокупность представлений о действительности, задающих основы его восприятия и позволяющих человеку ориентироваться в мире. Теоретические вопросы картины мира рассматриваются с позиций языкознания (Л. Вайсгербер, Л. Витгенштейн, Ю.Д. Апресян), психологии (Дж. Брунер, А.Н. Леонтьев), культурологии (А.Я. Гуревич, Э.П. Кириллов) и др. [См.: 1, 3, 4, 5, 7, 8, 9]. При этом в разных теориях картина мира рассматривается во взаимоисключающих ракурсах: как универсальная предпосылка познания или уникальный культурный конструкт; совокупность объективных явлений или идеологическая конструкция; пассивное отражение мира или активное его конструирование.

Противоречия, возникающие при анализе картина мира с различных теоретических позиций, на наш взгляд, можно разрешить, рассмотрев картину мира в качестве устойчивого структурного элемента общественного сознания. Задача статьи – показать, что и картина мира, и общественное сознание суть генетически единый комплекс представлений о надындивидуальной духовности, интерпретированный с различных теоретических позиций. Такой подход позволяет продемонстрировать их генетическое и сущ-

ностное единство, а значит и синтезировать существующие подходы к картине мира.

Развитие категорий «общественное сознание» и «картина мира» можно проследить, начиная от идей Г. Гегеля об абсолютном духе. Первое направление эволюции этих идей было предложено в марксизме, где они были пересмотрены в соответствии с теорией отражения. В итоге появилось понятие «общественное сознание», отображенное в языке и коллективных представлениях духовной культуры, свойственных той или иной эпохе [См.: 2, 10]. Второе направление восходит к концепции картины мира В. фон Гумбольдта, где гегелевские идеи потеряли универсализм и конкретизировались в представлениях о народном духе, овеществленном в языке. Эта традиция в различных аспектах была развита Л. Витгенштейном, Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером и др. [6].

Генетическая близость этих двух категорий проявляется в схожести их характеристик, что позволяет говорить о том, что картина мира является структурным элементом общественного сознания.

Общественное сознание – включает в себя два уровня: общественные психология (совокупность эмоций, чувств, настроений и т.д.) и идеология (теоретические взгляды). Первая связана с культурным контекстом, выражена эмоционально, формируется спонтанно. Вторая рациональна и создается целенаправленно идеологами (учеными, политиками и т.д.). В центре изучения картины мира у большей части гуманитариев находится общественная психология. Они пытаются вычлнить культурные, психологические, языковые особенности, обуславливающие особенности мировосприятия. В центре же исследователей научной картины мира – теоретический конструкт, искусственно созданная система знаний.

Общественное сознание предлагает упрощенное описание бытия, которое в силу ряда естественных ограничений не может быть ни точным, ни всеобъемлющим. Не в меньшей степени это применимо и к картине мира, которая является моделью мира, отображающей лишь те свойства, которые нужны для успешной ориентации в нем.

В общественное сознание включаются не только политические программы и представления морали, но и естественнонаучные теории. Это вызвано тем, что общественное сознание возникает в процессе познания не только общества, но и природы. Идеи о природе – результат коллективных познавательных усилий многих поколений, и это в полной мере общественные идеи. Кроме того, сегодня экологическая деятельность, так же как, например, экономическая или политическая, становится элементом общественной жизни: природа обобществляется [См.: 11, 12, 15]. Интегральным элементом картины мира точно так же является система научных воззрений на природный мир [См.: 13].

И общественное сознание, и картина мира не являются пассивным отражением общественного бытия, а оказывают на него обратное влияние, выступая в качестве общественно-преобразовательной силы: ориентируют людей, побуждают их к действиям, переосмыслению традиций [14].

Наконец, общественное сознание дано в языковых формах и представляет собой обобщенное отражение общественной практики в понятиях. Через язык духовное достояние общества становится известным индивиду.

Однако «картина мира» и «общественное сознание» – понятия, хотя и близкие, но не тождественные. Их сопоставление позволяет сделать вывод, что картина мира – особый элемент структуры общественного сознания, во многом обуславливает ее специфику. Это значит, что общественное сознание употребляется для обозначения со-

знания общества в целом, а картина мира конкретна, свойственна тому или иному языку, науке, культуре. Это дискретный срез сознания, взятого в конкретном времени и пространстве. Из этих срезов создается общественное сознание как динамичное образование. Картина мира – результат вторичной рефлексии, *конкретизации* идей о бытии.

Общественное сознание отражает общественное бытие в сложных формах, а картина мира – это упорядоченное и *упрощенное* отображение общественного сознания. Общественное сознание упрощает отражаемое бытие, но это происходит в силу несовершенства познавательных возможностей человека. В случае с картиной мира степень упрощения выше, т.к. здесь оно намеренно. Ради простого и ясного образа мира приходится пренебречь его глубиной. Наконец, индивид сопричастен общественному сознанию, но не обладает им: ему непосредственно доступны лишь отдельные элементы этой запутанной системы. Однако он *обладает* картиной мира: она достаточно ясна, чтобы быть полностью понятной субъекту и способствовать правильному выбору его смысложизненных ориентиров.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. М.: Школа, 1995. Т. 2. 767 с.
2. Ахиезер А.С. Концепция социальной философии в усложняющемся мире // Власть. 2005. № 7. С. 54–62.
3. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
4. Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 440 с.
5. Вайсгербер Й.Л. Язык и философия // Вопросы языкознания, 1993. № 2. С. 114–124.
6. Грыжанкова М.Ю., Полубояров Д.И. Развитие представлений о картине мира в естественнонаучном и гуманитарном знании // В мире научных открытий. 2015. №11. С. 2400–2406.

7. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 320 с.
8. Кириллов Э.П. Культурологические измерения картины мира // Культура и цивилизация. № 1. 2016. С. 48–58.
9. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. 320 с.
10. Новые идеи в социальной философии. М.: ИФ РАН, 2006. 324 с.
11. Спринчан С. Экологическая этика как форма интеграции естественно-научного и гуманитарного знания // Интеграция образования. 2015. Т. 19. № 3. С. 100–107.
12. Сычев А.А. Социально-экологические аспекты глобализации // Вестник Мордовского университета. 2011. № 3. С. 279–286.
13. Сычев А.А. Философско-методологические основания интегративного подхода // Регионоведение. 2013. № 4. С. 99–102.
14. Фофанова К.В. Выбор и ответственность: переосмысление традиций // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 409–414.
15. Sychev A.A., Koval E.A., Sukonkina T.N. Normative foundations of environmental ethics // В мире научных открытий. 2014. № 9.3. С. 1285–1301.

References

1. Apresyan Yu.D. *Izbrannyje trudy* [Collected works]. М.: Shkola, 1995. Vol.2. 767 p.
2. Ahiezer A.S. Konceptcija social'noj filosofii v uslozhnjajushhemsja mire [Idea of social philosophy in changing world]. *Vlast'*. no. 7 (2005): 54–62.
3. Bruner Dzh. *Psikhologiya poznaniya* [Cognitive psychology]. М.: Progress, 1977. 413 p.

4. Vitgenshteyn L. *Izbrannye raboty* [Collected works]. M.: Territoriya budushchego, 2005. 440 p.
5. Vaysgerber Y.L. Yazyk i filosofiya [Language and philosophy]. *Voprosy yazykoznavaniya*, no 2 (1993): 114–124.
6. Gryzhankova M.Yu., Poluboyarov D. I. Razvitie predstavleniy o kartine mira v estestvennonauchnom i gumanitarnom znanii [Development of ideas on picture of world in sciences and humanities]. *V mire nauchnykh otkrytiy*, no 11 (2015): 2400–2406.
7. Gurevich A.Ya. *Istoricheskiy sintez i Shkola «Annalov»* [Historical synthesis and the school of Annals]. M.: Indrik, 1993. 320 p.
8. Kirillov E.P. Kul'turologicheskie izmereniya kartiny mira [Cultural dimensions of the worldview]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, no 1 (2016): 48–58.
9. Leont'ev A.N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Collected psychological works]: in 2 vol. M.: Pedagogika, 1983. Vol. 2. 320 p.
10. *Novye idei v social'noj filosofii* [New ideas in social philosophy]. M.: IF RAN, 2006. 324 p.
11. Sprinchan S. Jekologicheskaya jetika kak forma integracii estestvenno-nauchnogo i gumanitarnogo znaniya [Environmental ethics as integration of sciences and humanities]. *Integraciya obrazovaniya*. vol. 19. no. 3 (2015): 100–107.
12. Sychev A.A. Social'no-jekologicheskie aspekty globalizacii [Socio-ecological issues of globalization]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*. no. 3 (2011): 279–286.
13. Sychev A.A. Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya integrativnogo podhoda [Philosophy and methodology of integrative approach]. *Regionologiya*. no. 4 (2013): 99–102.
14. Fofanova K.V. Vybory i otvetstvennost': pereosmyslenie traditsiy [Choice and responsibility: rethinking traditions]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*. vol. 10. no. 3 (2012): 409–414.

15. Sychev A.A., Koval E.A., Sukonkina T.N. Normative foundations of environmental ethics. *V mire nauchnykh otkrytiy*, no 9.3. (2014): 1285–1301.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Грыжанкова Марина Юрьевна, профессор кафедры философии
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
ул. Большевикская, 68, г. Саранск, Республика Мордовия,
Россия
grymarina@rambler.ru

Полубояров Дмитрий Иванович, аспирант кафедры философии
Мордовский государственный университет им. Н.П. Ога-
рева
ул. Большевикская, 68, г. Саранск, Республика Мордовия,
Россия
konfmodern@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gryzhankova Marina Yurievna, Professor of the Philosophy De-
partment
Mordovia State University
68, Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia
grymarina@rambler.ru

Poluboyarov Dmitriy Ivanovich, Postgraduate of the Philosophy De-
partment
Mordovia State University
68, Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia
konfmodern@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-147-162

УДК 17.171

НОРМАТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА «ХОРОШЕГО ОБЩЕСТВА»

Коваль Е.А.

Целью данной работы является формулировка нормативных принципов воспроизводства «хорошего общества» как достижимой альтернативы социального идеала.

Методологическим основанием исследования послужил системный подход, в качестве основного метода используется аксиологический.

Результатом работы являются формулировки следующих нормативных принципов воспроизводства «хорошего общества»: принцип нормативного равенства, принцип непрерывности воспроизводства социальной нормативности и принцип нормативной интолерантности. Принцип нормативного равенства обеспечивает равенство возможностей отвечать нормативным ожиданиям общества, непрерывность воспроизводства социальной нормативности необходима для стабилизации общества, а принцип нормативной интолерантности апеллирует к необходимости публичного проговаривания границ нормативного.

Область применения результатов. На основании полученных данных даются рекомендации, актуальные для отечественных социальных реалий, относительно проблематики становления современного российского общества как «хорошего общества».

Результаты работы могут быть применены как в дальнейших теоретических исследованиях проблематики «хорошего общества», так и в учебном процессе.

Ключевые слова: *«хорошее общество»; воспроизводство; социальная нормативность; принцип; нормативное равенство; нормативная интолерантность; норма.*

NORMATIVITY PRINCIPLES OF REPRODUCTION OF «GOOD SOCIETY»

Koval E.A.

The aim of this work is the formulation of normative principles of reproduction of a «Good society» as an achievable an alternative to social ideal.

The methodological basis of this study is a systematic approach. The main method used in this article is an axiological method.

The result of the paper is the formulations of the following normative principles of reproduction of «Good society»: the principle of normative equality, the principle of continuity of reproduction of social normativity and principle of normative intolerance. The principle of normative equality provides equality of opportunity to meet the normative expectations of society. The continuity of reproduction of social normativity is needed for the stabilization of society. The principle of normative intolerance appeals to the need of public discurs about normative boundaries.

Practical implications. Based on these data have been formulated recommendations that are relevant to domestic social realities concerning to problems of formation of the modern Russian society as a good society.

The results can be applied in further theoretical studies of issues of «Good society», as well as in the teaching process.

Keywords: «Good society»; reproduction; social normativity; principle; normative equality; normative intolerance; norm.

Введение

«Хорошее общество» – нормативная модель, которая представляется перспективной для постановки и разработки механизмов достижения целей в сфере общественного развития. «Хорошее общество», как и идеальное общество (утопия), способно оказывать регулятивное воздействие на социальную действительность, реалии настоящего времени. Однако принципиальным отличием «хорошего общества» от идеального является то, что оно достижимо. Разумеется, оно не лишено недостатков, построено на довольно жестких ценностно-нормативных основаниях, которые по ряду вопросов исключают какие-либо компромиссы. Это общество, члены которого не защищены от зла, но в котором работает, так называемая, логика меньшего зла [2; 3; 4; 5]. В «хорошем обществе» основные сферы социальной жизни соотнобразуются с понятием меры: безработица не уничтожена, но имеет умеренные масштабы; крупные монополии существуют, но жестко контролируются государством; возможности для индивидуального развития предоставляются всем, но базовый стартовый капитал (материальный или социальный) неизбежно различается и т.п.

«Хорошее общество» по определению способно к расширенному воспроизводству: поскольку ни одно современное общество не может быть изолировано от мировых процессов, а все общества в мире не могут быть хорошими, любое «хорошее общество» в процессе воспроизводства должно реагировать на влияние большого мира, стабилизироваться в условиях глобаль-

ных рисков и адаптироваться к новым вызовам. Для реализации данных задач необходимо, чтобы общество могло расширенно воспроизводиться, поскольку простое воспроизводство обеспечивает лишь повторяемость и несменяемость социальных процессов. В процессе расширенного воспроизводства переосмысляются и трансформируются границы ценностно-нормативного пространства, в рамках которого функционирует «хорошее общество». При этом само воспроизводство – нормативный процесс. Выявление параметров его нормативности, изучение основных принципов воспроизводства «хорошего общества» – необходимый этап на пути решения задач по достижению современным российским обществом статуса «хорошего».

Цель

Итак, основной целью исследования является формулировка нормативных принципов воспроизводства «хорошего общества» и, далее, разработка на их основе рекомендаций практического характера, направленных на осмысление и популяризацию концепта «хорошее общество».

Методы

В качестве базового теоретико-методологического подхода в данной работе используется системный подход, т.е. общество рассматривается не как жизненный мир, а как система. Аксиологический метод применяется постольку, поскольку часть основных понятий («хорошее общество», «меньшее зло» и др.) носят оценочный характер. Наконец, методологическая специфика данного исследования заключается в том, что общественное воспроизводство рассматривается через призму такого нематериального фактора, как социальная нормативность.

Результаты

Основной целью расширенного воспроизводства «хорошего общества» является постоянное и непрерывное улучшение как социального воображаемого, так и актуальной социальной действительности. Однако в современных условиях процессы общественного воспроизводства ускоряются и становятся более непредсказуемыми, чем ранее.

Если долгое время сохранял актуальность конфликт отцов и детей, связанный, помимо прочего, и с тем, что отцы и дети лично возрастают на разных стадиях воспроизводства общества определенного типа, то сегодня этот конфликт вытесняет конфликт человека с самим собой. Одно поколение застаёт настолько масштабные деформации воспроизводства социальных норм, что успевает прожить несколько циклов социального воспроизводства. Так, например, в США одно и то же поколение успело застать и расовую сегрегацию, и чернокожего президента; а с момента отмены уголовного преследования гомосексуальности в последних 13 штатах до легализации однополых браков на всей территории США прошло всего 12 лет [15]. Как ускорение процессов воспроизводства нормативности влияет на личность, на межличностные отношения, на групповую пассионарность? Насколько это ускорение приближает нас к тому, чтобы жить в «хорошем обществе», или, напротив, отдаляет от этого?

Государство, решая более актуальные в представлении государственного управленческого аппарата вопросы (экономическая стабильность, социальная защита населения, реформирование правоохранительной системы, обеспечение национальной безопасности и др.), не успевает уделять пристального внимания проблемам социальной нормативности (общественной морали, религиозным убеждениям граждан, формированию их правосознания и др.). С одной

стороны, это позволяет гражданам свободно, без вмешательства государства, осуществлять коммуникацию, заниматься нормотворчеством, жить полноценной нравственной жизнью, исповедовать определенную религию или не исповедовать никакой. С другой стороны, аноμία, препятствуя общественному воспроизводству, по крайней мере, в ряде случаев оправдывает участие государства в процессах, направленных на устранение эмоционального оупения граждан, равнодушия, правового нигилизма или инфантилизма, этнорелигиозных конфликтов. При этом следует отметить, что участие государства, выражающееся исключительно в нормативном давлении, в принуждении к соблюдению норм, в тотализации запретов, касающихся частной жизни граждан, будет только усугублять равнодушие и разрастание «серых зон» в ценностно-нормативном пространстве.

Для решения проблем социального воспроизводства представляется необходимым использование теоретико-методологических достижений и нормативного потенциала социальной философии, поскольку социально-философская рефлексия – это рефлексия общества над самим собой. То, что в современном мире не существует идеальных обществ, не удивительно. Недостижимость – одна из характеристик идеала. Однако вряд ли большинство обществ могут претендовать и на статус «хорошего». Даже успешные общества Европейского союза сегодня переживают не самые простые времена. С чем связано «ухудшение» обществ? Возможно, одна из причин заключается в том, что существующие вариации социальных нормативных систем и способов иерархического соотношения норм различного типа не способны обеспечивать поддержание социального порядка в современных условиях. Изменения соотношения норм, их переосмысление, проговаривание нормативных границ в публичном пространстве – способы, которые, возможно, будут бесполезны для осуществления деятельности по нормализации общественного

воспроизводства, деятельности, направленной на преодоление хронической социальной аномии. Социальная философия как нормативная наука обладает всеми необходимыми ресурсами для того, чтобы выработать механизмы осмысления и формирования норм и их соотношения, адекватного складывающейся социальной ситуации, и описать условия, необходимые для их эффективного применения.

Представляется методологически важным представить формулировки принципов нормативности, которые могут претендовать не только на регулятивную, но и на метафизическую роль в социальном мире.

1. *Принцип нормативного равенства.* Сущность данного принципа заключается в том, что каждый член общества имеет равные возможности соответствовать нормативным ожиданиям этого общества, однако не каждый имеет желание им соответствовать.

Можно предположить, что нормативные ожидания общества являются результатом процесса формирования обществом как субъектом рационального выбора социальных предпочтений. Это предположение вызывает обоснованные сомнения относительно способности общества как коллективного образования к осуществлению рационального выбора. Ряд аргументов в пользу возможности его осуществления излагается в работе Д. Коппа «Мораль, нормативность и общество». Д. Копп отмечает, что понятие «консенсус» в масштабах общества утопично. Чем больше людей включено в дискурс, тем сложнее достичь единодушия. Он приводит следующий пример. Семья из шести человек собирается на пикник. Если один из детей хочет в Б, а родители и остальные дети – в А, то семья выбирает А. Родители объясняют несогласному ребенку, что это – выбор семьи [9, р. 145–146]. Данный пример иллюстрирует не консенсус, но групповое предпочтение. Предположим, что социальные нормы и ценности являются результатом формирования таких предпочте-

ний. Будучи переосмысленными на личностном уровне, нормы и ценности приобретают индивидуальную значимость для человека, и в каждом конкретном случае он осуществляет выбор между нормативными и ненормативными вариантами поведения.

С учетом того, что выбор осуществляется рационально, личность имеет возможность осознать и понять и сами нормы, и условия, которые необходимы для их соблюдения. Однако она может не принимать этих норм и условий, что не нарушает принципа нормативного равенства, поскольку он предполагает не фактическое равенство, но равенство возможностей.

Каждый член общества имеет возможность не становиться преступником, не демонстрировать аморальное поведение или иным образом пренебрегать социальными нормами. Однако верно ли это утверждение в ситуации, когда индивида принуждают к ненормативному поведению, когда не все зависит от его желания? Принуждение к ненормативному поступку, выражаемому действием, словом или мыслью нарушает принцип нормативного равенства. Человек, которому насильно вложили в руку пистолет и заставили нажать на курок, безусловно, имеет меньшие шансы соответствовать нормативному социальному ожиданию «не убий», чем человек, тщательно продумавший и совершивший убийство, застрелив жертву. Однако то, что существуют ситуации, при которых выполнение принципа невозможно или затруднительно не означает, что принцип не имеет смысла вообще. Полагаю, что принуждение к ненормативному поведению не осуществляется непрерывно. Кроме того, сложно придумать условия, при которых человека принудили бы нарушить все нормативные ожидания общества разом или даже последовательно – норму за нормой.

Аномичные общества особенно уязвимы для нарушения принципа нормативного равенства. Р. Мертон обратил внимание на то, что в таких обществах культурно обусловленные цели рассогласованы с

нормативно допустимыми средствами их достижения [1, с. 309]. Сам факт того, что легальные способы не всегда способны обеспечить достижение социокультурных целей, еще не означает того, что не соблюдается принцип нормативного равенства. Однако соблазн нарушения нормы намного больше. В аномичном обществе наблюдается, скорее, ненормативное равенство, когда если не все, то большинство субъектов могут достичь успеха только путем нарушения социальных норм.

В «хорошем обществе» принцип нормативного равенства должен работать в подавляющем большинстве случаев. К сожалению, желание поступать ненормативно периодически появляется у каждого человека, поэтому ни одно общество никогда не будет идеальным. Однако представляется, что вполне достижимым, т.е. соответствующим основному требованию, предъявляемому к «хорошему обществу», будет являться изменение социокультурных целей или увеличение легитимных способов их достижения. Полагаю, что первый способ предпочтительнее второго: лучше, если общество будет предъявлять более скромные поведенческие ожидания к своим членам, чем направлять все усилия на увеличение нормативных способов достижения успеха. Ведь такового можно достигнуть не только путем улучшения стартовых условий индивидов, усовершенствованием социальной политики и т.п., но и расширением границ нормы, переводом способов достижения социокультурных целей из нелегитимных в легитимные.

2. Принцип непрерывности воспроизводства социальной нормативности. Каждое поколение вырастает в непрерывно воспроизводимом ценностно-нормативном пространстве. Данное пространство находится в сложном взаимодействии с индивидами и социальными группами: формируя через институты семьи, образования, воспитания личность членов общества, социальная нормативность сама преобразуется, воспроизводится в расширенном виде за счет творческой

деятельности людей. Люди и нормы – словно руки на литографии Эшера – конституируют, непрерывно творят друг друга, только рука, представляющая поколения людей, воспроизводится гораздо быстрее, чем рука, символизирующая нормы. Если же этот синкопированный ритм выравнивается или даже воспроизводство норм обгоняет воспроизводство людей, общество неизбежно попадает в состояние социальной аномии. Старые нормы уже не подлежат воспроизводству, а новые – еще ни разу не были воспроизведены, не устоялись.

Социальные потрясения всегда болезненны для общества. Процесс развития может характеризоваться двумя понятиями: непрерывность и дискретность.

Дискретное развитие представляет собой резкий скачок, переводящий объект на качественно новый уровень. Изменение ключевых нормативных систем в результате социальных катаклизмов приводит к дискретному скачку в процессе общественного воспроизводства. Даже если в результате получается общество лучшего качества, чем предыдущее, негативные последствия в переходный период могут носить катастрофический характер. Об этом свидетельствуют общества в послевоенный или послереволюционный периоды. Существенная часть граждан погибает, новые поколения воспитываются в условиях дефицита ресурсов и нормативной раздробленности. Новое ценностно-нормативное пространство обладает высоким уровнем пассионарности, но это не спасает большинство от нормативного шока.

Непрерывное развитие общественного воспроизводства – это норма для «хорошего общества». Принцип непрерывности воспроизводства означает, что «хорошее общество» должно охраняться от дискретных скачков всеми доступными легитимными способами. Ни цели консолидации общества путем поиска внешних врагов, ни социальное равенство, ни иные благие идеи не могут служить оправданием нарушения принципов непрерывности вос-

производства. Позитивные изменения, осуществляющиеся в процессе расширенного воспроизводства, позволяют обществу выйти на качественно новый уровень, минуя социальную аномию, апатию, равнодушие. Между «хорошим обществом» и обществом, которое чуть лучше, чем хорошее, нет стадии «плохого общества».

Принцип непрерывности воспроизводства обеспечивает меру между устойчивостью и социальными изменениями. Отклонения от меры в сторону избытка или недостатка уводят общество от золотой середины к крайностям тоталитаризма, авторитаризма, застойности с одной стороны или гипертрофированной разобщенности, текучести, сводящего с ума непостоянства – с другой. Принцип непрерывности воспроизводства коррелирует с понятием умеренности, употребляемым в отношении количества изменений социальной нормативности, происходящих в исторически значимый промежуток времени, который, представляется, должен быть не короче жизни одного поколения граждан.

А. Турен разделяет понятия «производство» и «развитие» именно по количеству изменений: только масштабные изменения представляют собой производство общества нового типа [6, с. 110]. Однако важны не только масштабы изменений, но и скорость их протекания. Отношение количества и глубины изменений социальной нормативности к единице времени может быть охарактеризовано как умеренное или чрезмерное. Принцип непрерывности воспроизводства «хорошего общества» обеспечивает умеренное отношение.

3. *Принцип нормативной интолерантности.* Атрибутивными характеристиками нормы являются устойчивость, распространенность и ценностная значимость. Совокупность данных характеристик может быть представлена только в определенных рамках, представляющих собой границу нормы. Для того чтобы выжить и воспроизвестись в расширенном формате, нормативное должно

быть интолерантно к ненормативному. Прирост нормативного может осуществляться не только за счет включения в норму того, что прежде являлось отклонением от нее, но и путем изменения иерархических связей в социальных нормативных системах, переосмысления нормы в воспроизводящихся социальных условиях, ее творческом дополнении, которое возможно за счет антиномичной природы нормы. Норма – это не точка, но пространство, в контексте которого сохраняется вариативность поступка и, далее, социального порядка. При этом вариативность не нарушает социальной стабильности, но и не препятствует развитию.

Принцип интолерантности к ненормативному, на первый взгляд, приводит к распространению в обществе такой формы непризнания, как отрицание социальной значимости индивидов или целых социальных групп [13, p. 132–134]. Однако интолерантное отношение в «хорошем обществе» формируется к ненормативным, «нехорошим» практикам, но не к лицам, их осуществляющим или защищающим. Представляется важным акцентировать внимание на том, что определение границ между нормативным и ненормативным в «хорошем обществе» должно осуществляться в публичном пространстве. В то же время, в отличие от идеальной речевой ситуации, описанной Ю. Хабермасом [8, с. 139–144], в достижимом «хорошем обществе» вряд ли можно и нужно обеспечивать участие в этом процессе представителей всех социальных групп. Можно предположить, что маргинальные группы (террористы, коррупционеры, наркоманы и т.п.) с большой долей вероятности будут исключены из публичного дискурса по вопросам ценностно-нормативных оснований общества.

Заключение

Итак, нормальный процесс воспроизводства «хорошего общества» характеризуется рядом нормативных принципов. Следует

отметить, что предложенные принципы носят дискуссионный и контекстуальный характер. В условиях различных социальных реалий сконструированы модели «хорошего общества», которые существенно отличаются друг от друга. Либеральная версия «хорошего общества» предложена такими учеными, как Дж. Гэлбрейт [12], У. Липпман [14] и др.; коммунитаристская модель «хорошего общества» представлена в ряде работ А. Этциони [10; 11]; отечественный вариант разработан В.Г. Федотовой [7]. Для воспроизводства разных моделей характерны свои нормативные принципы. Принципы нормативного равенства, непрерывности воспроизводства социальной нормативности и нормативной интолерантности в большей степени актуальны для отечественной модели «хорошего общества». На основании данных принципов могут быть сформулированы следующие рекомендации по приближению современного российского общества к хорошему:

- необходимо актуализировать в массовом сознании концепт «хорошее общество» в качестве альтернативы социальным утопиям;
- определенную перспективу представляет собой организация публичного дискурса по вопросам ценностно-нормативных оснований российского общества, а также проговаривание в публичном пространстве границ социальных норм и обозначение тех практик, которые являются ненормативными;
- обеспечение непрерывности общественного воспроизводства осуществляется посредством трансляции через такие институты, как семья, школа, религиозные организации идеи необходимости достижения компромисса и единomyслия по ряду конфликтных вопросов в сфере определения социальных предпочтений.

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Нормативные основания «хорошего общества» (грант Президента РФ МК-5295.2016.6).

Список литературы

1. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Изд-во «Прогресс», 1966. С. 299–313.
2. Прокофьев А.В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. 2009. Т. 9. С. 122–145.
3. Прокофьев А.В. Логика меньшего зла и профессионально-этическая партикуляризация морали // Медиаскоп. 2009. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/495>.
4. Прокофьев А.В. Моральная ответственность в политике: взгляд через призму этики меньшего зла // Философский журнал. 2011. № 1 (6). С. 103–114.
5. Прокофьев А.В. О практической приемлемости логики меньшего зла // Этическая мысль. 2010. №. 10. С. 189–212.
6. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
7. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. [Пер. с нем.] СПб.: Наука, 2001. 380 с.
9. Copp D. *Morality, Normativity and Society*. N. Y.: Oxford University Press, 1995. 280 p.
10. Etzioni A. *The Good Society* // *Seattle Journal of Social Justice*. 2002. Vol. 1. Issue 1, pp. 83–96.
11. Etzioni A. *Wie eine gute globale Gesellschaft entsteht* // *Internationale Politik und Gesellschaft*. 2004. № 2. S. 12–30.

12. Galbraith J.K. *The Good Society: The Humane Agenda*. Boston, N. Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 1997. 160 p.
13. Honneth A. *The Struggle for Recognition: moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: The MIT Press, 1996. 210 p.
14. Lippman W. *The Good Society*. Boston: Little, Brown & Co., 1938. 402 p.
15. Same-sex marriage laws, 2015. URL: <http://www.ncsl.org/research/human-services/same-sex-marriage-laws.aspx> (accessed March 04, 2016).

References

1. Merton R. *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)* [Sociology of Crime (Modern bourgeois theory)]. Moscow: Progress Publ., 1966, pp. 299–313.
2. Prokof'ev A.V. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], no 9 (2009): 122–145.
3. Prokof'ev A.V. *Mediaskop* [Mediascop], no 4 (2009). <http://www.mediascope.ru/node/495> (accessed February 17, 2016).
4. Prokof'ev A.V. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal], no 1(6) (2011): 103–114.
5. Prokof'ev A.V. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], no 10 (2010): 189–212.
6. Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego* [Return of the Actor]. Moscow: Scientific World Publishing House, 1998. 204 p.
7. Fedotova V.G. *Khoroshee obshchestvo* [The Good Society]. Moscow: Progress-Tradition Publ., 2005. 544 p.
8. Habermas Yu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2001. 380 p.
9. Copp D. *Morality, Normativity and Society*. N.Y.: Oxford University Press, 1995. 280 p.
10. Etzioni A. *The Good Society*. *Seattle Journal of Social Justice*, no 1 (1) (2002): 83–96.

11. Etzioni A. Wie eine gute globale Gesellschaft entsteht. *Internationale Politik und Gesellschaft*. no 2 (2004): 12–30.
12. Galbraith J.K. *The Good Society: The Humane Agenda*. Boston, N.Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 1997. 160 p.
13. Honneth A. *The Struggle for Recognition: moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: The MIT Press, 1996. 210 p.
14. Lippman W. *The Good Society*. Boston: Little, Brown & Co., 1938. 402 p.
15. Same-sex marriage laws, 2015. <http://www.ncsl.org/research/human-services/same-sex-marriage-laws.aspx> (accessed March 04, 2016).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Коваль Екатерина Александровна, доцент кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства, канд. филос. наук

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

*ул. Федосеенко, д. 6, Саранск, 430000, Российская Федерация
nwifesc@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Koval Ekaterina Aleksandrovna, Associate Professor of the Department of Law Enforcement and Enforcement Proceeding, PhD in Philosophy

Mid-Volzhskiy Institute (affiliation) of the All-Russian State University of Justice (Moj RLA) in Saransk

*6, Fedoseenko Str., Saransk, 430000, Mordovia, Russian Federation
nwifesc@yandex.ru*

SPIN-code: 7939-4818

ORCID: 0000-0003-0069-5335

ResearcherID: A-5797-2015

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-163-174

УДК 130.2

**А.Н. РАДИЩЕВ
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФИЛОСОФ И МЕТАФИЗИК**

Крохина Н.П.

Цель статьи – рассмотреть историософию и метафизику А.Н. Радищева как человека века Просвещения и эпохи барокко.

Метод исследования – герменевтический комментарий к его путевым заметкам «Путешествие из Петербурга в Москву».

Результаты: доказывается барочность его мысли; анализируются его историософские построения – идеи круговращения и исторического возмездия; проводится связь его историософии с библейской традицией. Автор подчеркивает, что А.Н. Радищев был первым в России идеологом модернизации, первым сочетал утверждение божественной основы мира и божественной глубины человека с критикой исторической церкви, был первым пророком русской революции. Делается вывод, что А.Н. Радищев первым ставил центральный вопрос русской классической литературы и русской религиозной философии – вопрос исторически-живого, действенного христианства, а в стремлении сочетать власть со свободой, Просвещение с верой, разум с чувством был первым вестником в России «второго Просвещения».

Область применения – социальная философия, история русской культуры и литературы.

Ключевые слова: *гражданин будущих времён; человек эпохи барокко; свобода мысли; свобода печати; «второе Просвещение»; пророк; возмездие; имманентизации веры.*

**A.N. RADISHCHEV
AS A SOCIAL PHILOSOPHER AND METAPHYSICS**

Krokhina N.P.

The purpose of the article – see historiosophy A.N. Radishchev metaphysics and as a man of the Enlightenment and the Baroque.

The research method – hermeneutic commentary on his travel notes “Journey from St. Petersburg to Moscow.”

Results: Baroque proved his thoughts; analyzed its historico-build – the idea gyre and historical retaliation; historiosophy held its connection with the biblical tradition. The author emphasizes that A.N. Radishchev was the first in Russia ideologue of modernization, the first combined statement of the divine foundation of peace and divine depths of human history with criticism of the church, it was the first prophet of the Russian revolution. It is concluded that A.N. Radishchev first put the central question of classical Russian literature and Russian religious philosophy – the question historically live, Christianity effectively and in an effort to combine power with freedom, education in faith, the mind with a sense was the first to herald in Russia a “second enlightenment”.

Scope – social philosophy, the history of Russian culture and literature.

Keywords: *citizen of the future era; a man of the Baroque era; freedom of thought; freedom of the press; “second Enlightenment”; a prophet; retribution; immanentization faith.*

А.Н. Радищев относится к числу мыслителей, которые опережали своё время. Каждая эпоха акцентирует свои актуальные смыслы в его наследии. Современные аналитики к советскому штампу «первый русский революционер» добавляют новые – радикальный либерал, ориентированный на европейскую цивилизацию. Потому

для него всё так и плохо в его отечестве. Как полагает автор недавно вышедшей в серии ЖЗЛ книги о А.Н. Радищеве О. Елисеева, «с именем Радищева связан один из самых жгучих для современности вопросов: а стоит ли звать Русь к топору?». Для Елисеевой Радищев именно звал к топору: «призывал к «экспорту революции» из Парижа в Петербург» [3]. Книга порождена модным сейчас веянием к дегероизации прежних героев. Интересно, что это тенденциозное прочтение писателя совпадает с его досоветской официальной оценкой, которую отчасти излагал А.С. Пушкин: «сатирическое воззвание к возмущению». Далее в своей подцензурной статье поэт называет А.Н. Радищева человеком «с духом необыкновенным..., действующим с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестью» [6, с. 241–242]. Мнение А.С. Пушкина уже снимает с А.Н. Радищева тень человека, «звавшего к топору». Данный материал порождён потребностью полемически высказаться против старых и новых негативных штампов вокруг имени Радищева.

Как социальный философ, А.Н. Радищев – практически первый в России идеолог модернизации, «гражданин будущих времён» [5, с. 171]. Однако это не одно и то же, что революция. Как метафизик, А.Н. Радищев – человек эпохи барокко с его чувством несоизмеримости человека и мира, острым чувством бренности всего живущего и зримого, открытием величия простого и ничтожности великого, с его чувством божественного и беспредельного. «Мысли мои обращены были в неизмеримость мира» [5, с. 19] – звучит в начале его «Путешествия из Петербурга в Москву» и ещё острее в конце: «В бездне миров беспредельной, как в морских волнах малейшая песчинка, как во льде, не тающем никогда, искра едва блестящая, в свирепейшем вихре как прах тончайший, что есть разум человека?» [5, с. 288]. Всё бренно: «И человек родится на то, чтобы умереть» [5, с. 238], «Неизвестность будущего соразмерна бренности твоего

сложения» [5, с. 81], но человек стремится преодолеть своим разумом и своим чувством эту брэнность. Человеческой мысли свойственна потребность «собеседования с жившими за многие тысячи веков» [5, с. 276].

Мысль А.Н. Радищева обращена к вопросам философии истории – в прошлое и будущее. «Всё в разрушении своё имеет начало». Народы «основывают царства, мужают, славятся, слабеют, изнемогают, разрушаются... Даже имена их погибнут» [5, с. 64]. Время смеётся над человеческой гордыней: «Где мудрые Солоновы и Ликурговы законы, вольность Афин и Спарты утверждавшие? Где пышная Троя, где Карфага?» [5, с. 69]. Давно уже нет и вольного государства Новгородского с его народным правлением. У мыслителя нет идеи прогресса, но мотив коловращения: «Всё на свете колесом вертится. Сегодня умное, завтра глупое в моде» [5, с. 104]. Всё переходит в свою противоположность: «из мучительства рождается вольность, из вольности рабство» [5, с. 238], просветительское вольномыслие сменяется «новейшими таинственными творениями» [5, с. 66], масонскими увлечениями. Как просветитель, А.Н. Радищев отвергает «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайяй» – тьму заблуждений во всех сферах социальной и духовной жизни. Он также знает: тьма может возродиться [5, с. 228, 207]. Мысль его обращена в завтрашний день, «когда нынешние державы от естественных и нравственных причин распадутся» и «позлащённые нивы их порастут тернием» [5, с. 173]. «Всё, что зрим, прейдёт; всё рушится, всё будет прах» [5, с. 82]. Словами Г.Р. Державина, «Река времён в своём стремленьи / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей». В то же время, поскольку мир имеет божественную основу («атеист заблуждается в метафизике» [5, с. 190]), «некий тайный глас вещает мне: пребудет нечто веки живо». Как Бог «един повсюду» – в разных именах, данных смертным человеком в своём заблуждении, – «Иегова, Юпитер,

Брама; Бог Авраама, Бог Моисея, Бог Конфуция, Бог Зороастра, Бог Сократа, Бог Марка Аврелия, Бог христиан» [5, с. 82] – также едины законы человеческой мысли и сердца, воплощённые в слове. Потому и свойственно человеческой мысли «собеседовать с жившими за многие тысячи веков», всех народов и всех веков изобретения и понятия сочетать и приводить «в единую связь» [5, с. 276]. Гробницы – «знаки человеческой гордости»: «Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою». Но слово перелетит «за необозримый горизонт столетий» [5, с. 273–274]. Как человек позднего просвещения, полагая суть человека равно в чувстве и разуме, писатель видит двойственность и человеческого сердца, и мысли: «Мысль великая рождала иногда невежество». Цензуру родила не только инквизиция, но и книгопечатание, «разум философский в XVIII столетии (которое мыслитель называл «безумным и мудрым») произвёл иллюминатов» [5, с. 201]. «Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво» [5, с. 223]. Потому «блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель» [5, с. 67].

Книга А.Н. Радищева пронизана библейскими аллюзиями. Чувствительный человек XVIII столетия то говорит языком Иова: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала», то евангельскими парафразами: «блажен возрыдавший, надейся на утешителя»; «если я кого ударю, тот и меня ударить может» [5, с. 7, 9, 23]. То возвышается до голоса ветхозаветного пророка, обретая в самом себе божественный голос совести и милосердия, обличая жестокосердие, надменность и раболепствование.

Как человек Нового времени, А.Н. Радищев утверждает свободу, ибо «человек во всём от рождения свободен», о чём он писал ещё в оде «Вольность» [5, с. 226]. Это беспрецедентное утверждение свободы в духовной и социальной сферах и делает Радищева идеологом

«второго Просвещения» [3]. Утверждение божественной основы мира и божественной глубины человека мыслитель сочетает с критикой исторической церкви: «Христианское общество вначале было смиренно, кротко, скрывалось в пустынях и вертепах, потом усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути... Папа стал всесильный из царей» [5, с. 64]. Мыслителю ненавистны любые оковы и путы человеческого разума: «Священнослужители были всегда избретатели оков, которыми отягчался в разные времена разум человеческий», «они подстригали ему крылья», чтобы тот не обращал свой полёт «к величию и свободе» [5, с. 195]. «Установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во Христово стадо» [5, с. 220]. Свобода мысли для мыслителя неотделима от свободы печати. А.Н. Радищев отвергает цензуру, которая будет существовать в России, как мы знаем, ещё два столетия. Сочетание гражданской вольности со свободой печати он видел в американском законодательстве [5, с. 210]. «Учредители инквизиции изобрели цензуру», «цензура изобретена священством» [5, с. 195, 209]. Как «нянька рассудка», она оставляет человека недорослем [5, с. 186–187]. В просвещённом обществе цензура не нужна, её заменяет общественное мнение: «Наистрожайшая полиция не может так запретить дряни мыслей, как негодующая на неё публика» [5, с. 194]. «Запрещать дурачество есть то же, что его поощрять. Дай ему волю; всяк увидит, что глупо и что умно. Что запрещено, того и хочется» [5, с. 190]. Цензурные запреты останавливают живое развитие мысли. А.Н. Радищев видит в истории мысли логику Великого Инквизитора: «Греческие императоры..., управляемые священниками, воздвигали гонение на всех тех, кто деяния и учения Иисусовы понимал с ними различно». Так Константин предал проклятию учение Ария и осудил на сожжение его книги, Феодосий II – учение и книги Нестория.

Но «несмысленные», они «не ведали, что, истребляя превратное или глупое истолкование христианского учения и запрещая разуму трудиться в исследовании каких-либо мнений, они остановили его шествие», отняли опору истины – «различие мнений, прения и невозбранное мыслей своих изречение», сделав большой «шаг вспять ко тьме и невежеству» [5, с. 198–199]. Везде, где преследуются мнения как ересь, истина («высшее для нас божество» [5, с. 291]) утверждается как догма. В этом величайшее историческое заблуждение христианской церкви. Живая мысль требует свободы и диалога – различия мнений и «собеседования с жившими за многие тысячи веков». Таковую же свободу писатель утверждает в отношениях отцов и детей, которых связывают лишь отношения любви [5, с. 127].

В своём стремлении сочетать «власть со свободой» [5, с. 185] А.Н. Радищев отвергает всеислие власти, самый принцип единодержавия: «в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?» [5, с. 213]. Властителей народов всегда окружали «пышная внешность» и «стадо рабов». «Но чем народ просвещённое.., тем внешность менее действовать может» [5, с. 182]. В сне-притче суровая Истина снимает бельма с царских глаз: «Одежды мои, столь блестящие, казались замараны кровию и омочены слезами... Вокруг меня стоящие... вся внутренность их казалась чёрною и сгораемую тусклым огнём ненасытности» [5, с. 55]. Также обесмысливается слава завоеваний: «исчисли убийства твои и ужаснися» [5, с. 164].

Главный вопрос книги А.Н. Радищева, объединяющий её очерковый, эмоциональный и аналитический планы повествования, – крестьянский вопрос, вопрос освобождения крестьян, раскрытие противоестественности рабства во всех его проявлениях, ибо «человек рождается в мир равен во всём другому» [5, с. 96]. Книга мыслителя интересна своим предвосхищением тем, мотивов и образов русской литературы XIX века. А.Н. Радищев – первый пророк русской рево-

люции. Высший идеал писателя-пророка, явившийся А.С. Пушкину в его вершинном творческом вдохновении, реализован автором «Путешествия». В своём постижении законов истории мыслитель сочетал идею круговращения с идеей исторического возмездия. «Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие», ибо «если я кого ударю, тот и меня ударить может» [5, с. 167, 23]. А.Н. Радищев писал книгу-предупреждение. Современник Пугачёвского бунта, он предвидит народное мщение: свободы должно ожидать «от самой тяжести порабощения» [5, с. 220]. Картина народного восстания дана уже в оде «Вольность» [5, с. 232]. «Поток, заграждённый в стремлении своём, тем сильнее становится, чем твёрже находит противостояние... Таковы суть братья наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет... Мы узрим окрест нас меч и отраву» [5, с. 167]. Писатель предвидит апокалиптическую картину конца и гибели священного царства. Это предчувствие основано и на понимании психологии русского человека, контрасты русской души присутствуют в «Путешествии». «Скорбь душевная» звучит в народной песне, но если русский человек хочет разогнать уныние, «если захочет повеселиться, то идёт в кабаки. В веселии своём порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нём, то скоро начинает спор или битву» [5, с. 14–15]. Широкий русский человек, терпеливый и способный на жестокое мщение: «русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость» [5, с. 88].

Русская литература, начиная с А.Н. Радищева, обращена к прощальным предчувствиям новой жизни. Общество должно быть основано на христианских принципах свободы, равенства, братства. В своём обличении бесплодной «нивы рабства» писатель многоголос и разнообразен. Здесь и апокалиптические пророчества гибели, и со-

чувствие к страждущим первого народного заступника из дворян, обличение жестокосердия и «окаменелых сердец» [5, с. 219]. То звучат слова проповеди: «опомнитесь, заблудшие, смягчитесь, жестокосердые; разрушите оковы братии вашей, отверзите темницу неволи...», ибо «порабощение есть преступление» [5, с. 155–156]. То призыв к общественному мнению против мучителя-варвара: «сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы» [5, с. 177]. То, предвосхищая «Записки охотника» И.С. Тургенева, звучит восхищение душевной силой и красотой простого человека. Это и признание в любви к деревенским красавицам, которые «не знают притворства, не налагают на себя личины притворные любви, а когда любят, то любят от всего сердца и искренно» и их сравнение с городскими тётушками и племянницами не в пользу последних: «у вас на щеках румяна, на сердце румяна, на совести румяна, на искренности... сажа» [5, с. 138–141]. Это и подчёркнутое достоинство простого человека: слепого старика-певца и его слушателей, Анюты и её матери.

Важнейший аспект главной темы А.Н. Радищева предвосхищает центральную проблему творчества Ф.М.Достоевского, которую Н.А.Бердяев называет проблемой «имманентизации веры»: не внешняя кара ожидает человека, а «изнутри, имманентно раскрывающееся Божественное начало поражает человеческую совесть» [1, с. 53–54]. К христианской совести, божественному голосу в человеке взывает и А.Н. Радищев: «Если бы человек, входя почасту во внутренность свою, исповедал бы неукротимому судии своему, совести, свои деяния» [5, с. 271]. Писатель первым ставит центральный вопрос русской классической литературы и русской религиозной философии – вопрос исторически-живого, действенного христианства: «О Богочеловек! Почто писал Ты закон Твой для варваров? Они, крестясь во имя Твоё, кровавые приносят жертвы зlobe» [5, с. 46]. Страданиями совести человек испукает всё злое, что сотворил, но также А.Н. Ра-

дищев признаёт суровый закон исторического возмездия, говоря словами пророка: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягчённые, яряся в отчаянии своём, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашею обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени» [5, с. 251–252]. История и творится этими «великими мужами», «особенниками в просвещении» [5, с. 182].

Идеи исторического круговращения и возмездия подтверждаются драматизмом конца Нового времени и размышлениями современных историков. «Из истории можно выпасть», «история прерывиста». Когда не создаётся мир человека, начинается «квази-история», события движутся по кругу, история зависает, проблемы не решаются, человек возвращается к собственным заблуждениям. «Квазисознание способно порождать широчайший спектр проявлений зла – от далеко не безобидного личного эгоизма до захватывающих целые народы человеконенавистнических идеологий» или навязывания социуму проектов «организованного и насильственного его переустройства» [4]. Новая эпоха романтизма открывала драму свободы новоевропейского человека. Человек эпохи романтизма с его индивидуалистическим протестом против реальности, бегством от реальности в мир мечты, с его очарованностью экзотикой и стариной, оказался не способен решать задачи исторического обновления. «Время летит; дни наши проходят в недействии» [5, с. 170]. Относительное решение крестьянского вопроса было отодвинуто на десятилетия. Принцип единодержавия рухнул в революции 1917 г., обозначив вхождение русского мира в сложный процесс разложения старых органических устоев жизни. По мысли Н.А. Бердяева, «несчастье России в том, что она исторически так запоздала с осуществлением элементарных и обязательных

либеральных начал», революции – «трагическая судьба народов», «искупление вины» [2, с. 401, 837]. «Огромное тёмное мужицкое царство должно пройти долгий путь цивилизования, просвещения и просветления» [2, с. 749].

За стремление сочетать власть со свободой, Просвещение с верой, разум с чувством А.Н. Радищева можно назвать первым вестником в России «второго Просвещения», к которому движется наша постсовременность, способного решить проблемы, не решённые первым Просвещением, исходя из следующего понимания просвещённости – это «взрослое, зрелое состояние человека и человечества, когда люди, интенсивно мысля собственным умом, развивая все свои потенции, не просто проживают, но творят свою неповторимую жизнь – творят историю» [4, с. 6]. В современном идеологическом распутье Радищев обозначает вектор поворота к христианско-социальным ценностям от провалившегося либерализма.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: Захаров, 2001. 173 с.
2. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007. 1179 с.
3. Беседа с О.Елисейевой // Литературная газета. 2015. № 40. С.4.
4. Каграманов Ю. На подходе ко Второму Просвещению // Дружба народов. 2014. №1. С. 176–192.
5. Киселёв Г.С. История как бытие // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 3–13.
6. Пушкин А.С. Александр Радищев // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 239–250.
7. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Художественная литература, 1989. 296 с.

References

1. Berdyaev N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [The Philosophy of Dostoevsky]. Moscow: Zakharov, 2001, 173 p.
2. Berdyaev N.A. *Padenie svyaschennogo russkogo tsarstva: Publit-sistika 1914–1922* [The fall of the sacred Russian kingdom: Literature 1914–1922], Moscow: Astrel, 2007, 1179 p.
3. *Literaturnaja gazeta*, 2015, no. 40, p. 4.
4. Kagramanov Yu. *Friendship of Peoples*, 2014, no.1, pp. 176–192.
5. Kiselev G.S. *Problems of Philosophy*, 2014, no. 4, pp. 3–13.
6. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings], V. 7, L.: Science, 1978, pp. 239–250.
7. Radishchev A.N. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu* [Journey from St. Petersburg to Moscow], Moscow: Fiction, 1989. 296 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Крохина Надежда Павловна, профессор кафедры культурологии и литературы, доктор филологических наук, доцент по кафедре культурологии
Шуйский филиал ВГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
ул. Кооперативная, 24, г. Шуя, Ивановская область, 155908, Российская Федерация
nadin.kro@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Krokhina Nadezhda Pavlovna, Professor of Cultural Studies and Literature, Ph.D., Associate Professor in the Department of Cultural Studies
Ivanovo State University, Shuya branch
25, Kooperativnaya St., Shuya, Ivanovo Region, 155908, Russian Federation
nadin.kro@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-175-192

УДК 316.37

ВИРТУАЛЬНАЯ «СРЕДА ОБИТАНИЯ» ЧЕЛОВЕКА: РЯДОМ, НО НЕ ВМЕСТЕ

Лопатинская Т.Д.

Цель. Статья посвящена изучению проблемы виртуальной «среды обитания» современного человека. Предметом анализа выступает виртуальная «среда обитания» как новое бытийное измерение. Автор ставит целью раскрыть причину возникновения феномена «рядом, но не вместе».

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют феноменологический, системный и аксиологический методы.

Результаты. В ходе исследования было установлено, что в процессе глобального распространения и внедрения информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества, формируется бытийное виртуальное измерение, которое выступает новой «средой обитания» человека. Кроме того, выявлена радикальная трансформация самого человека в иного, качественно нового, основной особенностью которого является самосовершенствование собственной антропологической природы, а также определено и доказано, что человек «вирта» является физически и духовно «усовершенствованным» человеком, превзошедшим самого себя. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что виртуальная «среда обитания», с одной стороны, поработает человека, способствуя порождению у него новых зависимостей, с другой стороны, становится

главной сферой созидания, поскольку открывает перед ним безграничные возможности.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены при разработке курсов лекций для студентов гуманитарных направлений по дисциплинам: философия, социология, аксиология, социальная антропология, а также для студентов технических направлений, связанных с изучением социогуманитарных аспектов развития информационных технологий.

Ключевые слова: виртуальность; новая «среда обитания»; человек «вирта».

VIRTUAL «HABITAT» OF THE PERSON: NEARBY, BUT NOT TOGETHER

Lopatinskaya T.D.

Purpose. Article is devoted to studying of a problem of virtual «habitat» of the modern person. Virtual «habitat» as new bytiyny measurement acts as a subject of the analysis. The author sets as the purpose to open the reason of emergence of a phenomenon «nearby, but not together».

Methodology. The basis of research is formed by phenomenological, system and axiological methods.

Results. During research it has been established that in the course of global distribution and introduction of information technologies to all spheres of activity of society, bytiyny virtual measurement which acts as new «habitat» of the person is formed. Besides, radical transformation of the person in other, qualitatively new which main feature is self-improvement of own anthropological nature is revealed, and also it is defined and proved that the person of «virt» is physically and spiritually

«advanced» person who has surpassed itself most. Results of research allow to draw a conclusion that virtual «habitat», on the one hand, enslaves the person, promoting generation at him new dependences, on the other hand, becomes the main sphere of creation as opens before him boundless opportunities.

Practical implications. Results of research can be applied when developing courses of lectures to students of the humanitarian directions on disciplines: philosophy, sociology, an axiology, social anthropology, and also for students of the technical directions connected with studying of socio-humanistic aspects of development of information technologies.

Keywords: *virtuality; new «habitat»; person of «virt».*

Конец XX века знаменует собой переход человечества в новые условия своего существования. Связано это прежде всего с активным развитием новейших виртуальных технологий, а также их стремительным внедрением в основные сферы жизни современного человека. Индикатором перехода выступает виртуальный дискурс, который материализуется в бытийное виртуальное измерение человека, утверждая его новую «среду обитания».

Если исходить из разделения бытия общества на три основные сферы: социальную, духовную и экономическую, то можно выявить трансформации, происходящие под воздействием процесса виртуализации в каждой из них.

Так, «процессам виртуализации подвергается социальная сфера жизнедеятельности общества, то есть социальное бытие (функционирование и развитие конкретного человека и всего общества в целом)» [1, с. 36]. Трансформации, которые можно наблюдать в современном обществе, напрямую связаны с его информатизацией, и как результат, глобальное распространение и внедрение

виртуальных технологий положили начало активного освоения человеком «вирт» пространства, которое постепенно обращается в имманентный атрибут социальной сферы, изменяющий всю деятельность общества в целом. «В современных условиях, определенный социальный слой общества, склонный к постепенному росту, стремится к бегству от реальности, жизненной суеты, проблем, стрессов, усталости в виртуальную реальность, в мир вымысла, грез, где внимание индивида полностью поглощается виртуальными переживаниями, не оставляющими возможности одновременно думать о чем-то еще» [1, с. 36–37]. Английский исследователь Гилберт Честертон отметил, что «у всякого нормального человека бывает период, когда он предпочтет вымысел, фикцию – факту, ибо факт – это то, чем он обязан миру, в то время как фикция – это то, чем мир обязан ему» [2, с. 125]. С этой точки зрения, виртуальная реальность представляет собой «островок безопасности», где человек, кроме абсолютной защищенности, находит также комфорт и безопасность. Реальная действительность же с течением времени начинает восприниматься как нежеланная, потому что она по-прежнему преисполнена ежедневной суетой, заботами, сопровождающимися сильными стрессами и катастрофическим дефицитом времени и т.д. Однако эта его свобода иллюзорна, наподобие наркотическому трансу, она приносит только временное удовлетворение. Истинные отношения становятся малозначимыми, передвигаются на второй план, начинают играть вспомогательную роль. Несмотря на это виртуальное пространство вновь и вновь притягивает человека, подкупает его совокупностью ощущения свободы с примесью безопасности и огромных возможностей, постоянно побуждая к дальнейшему вторжению, углублению в искусственно созданную реальность. Подобное регулярное посещение виртуальной

реальности приводит к кратковременному абстрагированию от реальности, а в недалеком будущем, и к стабильному нарушению чувства времени. Вместе с тем, время в иллюзорной реальности обратимо, при желании практически любое действие можно обнулить, вернуться назад и начать сначала. Такая возможность открывает новые перспективы: вносит в человеческую жизнедеятельность больше независимости, риска, экспериментов. Человек, примеряя на себя разнообразные маски-роли, ситуации, обстоятельства получает шанс испытать мощные, зачастую опасные ощущения, порой не доступные в будничной, реальной жизни. Следовательно, виртуальный мир становится некой альтернативой действительному, реальному миру, предстает в качестве самого мира, в котором «человек информационный» [3] может быть действительно успешен, счастлив, благополучен.

Таким образом, виртуальная реальность прельщает человека благодаря удовлетворению имманентных потребностей к развлечению. «Вирт» выступает как забота о каждом, он заменяет каждому потребность в развлечении в контексте реального пространства. Ученые подчеркивают, что «вирт» погружает человека в особенное пространство, предлагает ему реальность более ясную, четкую чем реальность его бытия. Человек переносится и своими мыслями и нередко своим телом (с помощью НТ) в виртуальное пространство, которое остается установкой сознания и высоких технологий, и не замечает унылой повседневности с ее ценностями и требованиями. Полное отсутствие в мире объектов и перенос в мир виртуальных образов изменяет саму сущность человека – он не скован ответственностью, заботой, моралью и т.д. При этом человек как бы подсознательно, зачастую вне своего желания, сопоставляет эти два пространства между собой и начинает верить в иллюзию их идентичности, что, в свою

очередь, очень часто приводит к тому, что мельчайшие элементы первого заменяются фантомами второго. В следствии, факт подмены далеко не всегда бывает раскрытым, поскольку виртуальное пространство располагает максимально высшей степенью достоверности. Такая иллюзорность виртуального пространства касательно к реальному пространству выступает относительной, лишь в некоторой степени справедливой только для стороннего наблюдателя; для человека, присутствующего внутри этого пространства, растворяется даже подобная относительность, потому что игровое пространство обладает безусловной реальностью. Подобное выбивает у человека все основания и зарождает феномен виртуального человека, мнимо живущего в фантомном мире.

В результате воздействия процессов виртуализации подвергается основательным изменениям и духовная сфера жизнедеятельности общества (область идеальных, нематериальных образований, включающих в себя идеи, ценности религии, искусства, морали, науки и т.д.) [4]. В частности, значительные изменения касаются ценностной области духовной сферы. Так как «человек информационный» [3] значительную часть времени проводит в «вирте», т.е. в новом, фантомном мире, который открывает ему максимум возможностей, при минимуме затраченных усилий, возникает острая потребность в новейших ценностях, заранее адаптированных и приспособленных для функционирования внутри виртуальной реальности. Другими словами, происходит полное изменение тех ценностей, которые «устарели» и не в состоянии наличествовать в условиях активно формирующегося и развивающегося виртуального мира. Одновременно с этим необходимо отметить, что изменения, происходящие сегодня, начинают массовизировать. Однако это не означает полное неприятие имеющейся системы традиционных ценностей, а только

качественные и количественные изменения базовых ценностей. Больше всего на общем фоне выделяется трансформация качественной части ценностных ориентаций, которая проявляется в изменении смыслового содержания некоторых ценностей. Помимо этого, происходит перераспределение ролей как материальных, так и духовных ценностей. Так, по словам Л.В. Баевой, «современная аксиологическая картина отличается повышением роли витальных и материальных, гедонистических ценностей, и соответственно, снижением статуса духовных (за исключением когнитивных), общественных, нравственных, эстетических. Забота о здоровье, безопасности, условиях жизнеобеспечения, стремление к самореализации, самораскрытию становятся для большинства индивидов важнейшими направлениями активности. При этом забота распространяется, главным образом, на собственную жизнь и здоровье, в то время как ценность жизни Другого, природы в целом, не имеют определяющего значения, что способствует общей дегуманизации» [5, с. 137].

Следует отметить также виртуализацию еще одной области духовной сферы жизнедеятельности – науки и образования. В рамках современной реальности прослеживается динамичное внедрение информационных технологий как в науку так и образование, что приводит к реорганизации самой системы образования, в следствие чего образуется, так называемое, «виртуальное образование». Ученые определяют его как процесс «в случае, если один или несколько взаимодействующих объектов выступают в роли субъектов деятельностного взаимодействия (ученика, учителя), то это взаимодействие становится источником их виртуального состояния, отличающегося от состояния этих же субъектов до данного взаимодействия» [6]. Таким образом, за счет динамичного развития ИТ и внедрения их в образовательную систему происходит

качественное усовершенствование всего учебного процесса, связанное, в основном, с появлением новейших средств управления данными, обеспечивающее прямой и свободный доступ к большому объему информации, которая, в свою очередь, структурирована и подкреплена видео материалом. Кроме того, виртуальная обучающая среда позволяет глобально расширять пространственные грани любого учебного заведения, т.е. виртуальные технологии предоставляют возможность отменить неизбежное физическое присутствие конкретного человека в четко обозначенном месте, что дает «возможность работы педагога с более глубокими психическими реальностями в идее образов второго порядка» [7, с. 42]. При этом, моделируя любые реалистичные ситуации в виртуальной среде, обучающийся, во-первых, получает возможность опытным путем отрабатывать свои профессиональные навыки, что значительно повышает уровень освоения практического материала, а, во-вторых, реализовать приобретенные умения, путем частичного или полного погружения в заранее смоделированном высокореалистичном пространстве, повторяющем пространство будущей профессиональной деятельности. Кроме того, виртуальное образование способствует самообразованию, поскольку используемые виртуальные технологии в состоянии самостоятельно контролировать учебный процесс. Таким образом, по мнению исследователей, «в настоящее время виртуальная среда как емкий общенаучный феномен является составной частью информационной технологии, которую целесообразно использовать в различных областях образовательного процесса» [8].

Также, под влиянием виртуальных технологий трансформируются основные компоненты производственного процесса, входящего в экономическую сферу жизни современного человека. Благодаря постепенному освоению производством новой для него

жизненной среды – виртуальной, происходит его качественное развитие, образуется, так называемое «виртуальное предприятие». М. Кастельс определяет его «как специфическую форму предприятия, система средств которого составлена путем пересечения автономных систем целей агентов сети» [9].

Таким образом, «виртуальное предприятие подразумевает наличие сетевой, компьютерно-опосредованной организационной структуры, состоящей из неоднородных компонентов, географически (территориально) распределенных; создаваемой с помощью отбора требующихся организационно-технологических ресурсов, принадлежащих различным агентам (предприятиям), и их интеграции с использованием компьютерной сети; ориентированной на выпуск конкретного продукта и создаваемой лишь на период его изготовления путем объединения производственных возможностей и ресурсов, предоставляемых другими агентами (предприятиями, предпринимателями, физическими лицами) на договорных условиях в заранее определенном объеме и на фиксированное время» [10, с. 75]. Таким образом, за счет динамичного развития автоматизированных систем и использования их в качестве особого способа дистанционного управления любыми предприятиями происходит существенное урезание производственных расходов, которые непосредственно связаны со снижением общей цифры касаясь обслуживающего персонала. Помимо этого, нивелируется сама необходимость в сохранении единой территориальной целостности предприятия. Так, виртуальные технологии санкционируют к внутренней сохранности и целостности структуры «виртуального предприятия» независимо от его территориальной разрозненности. Реализовывается это с помощью общей результативной деятельности членов предприятия, которые физически находятся в отдаленных друг от друга

географических широтах, однако при этом с известной легкостью преодолевающих любые по протяженности территориальные границы, что, в свою очередь, позволяет осуществлять постоянный грамотный контроль за эффективностью производства, а при острой необходимости – немедленной модификации стратегии или трансформации всей производственной системы предприятия. Благодаря такой способности автономной трансформации, «виртуальное предприятие» получает возможность постоянного использования в своем производственном процессе новаторских идей, но при наименьших финансовых затратах и в более сжатые сроки, что в свою очередь, делает процесс производства более гибким, следовательно, более легким, быстрым, дешевым. Кроме того, появляется возможность поиска партнеров по всему миру, что позволяет постоянно повышать стандарты качества и уровень технологичности, следовательно, повышает конкурентоспособность предприятия.

Таким образом, рассмотрев и проанализировав степень влияния новых виртуальных технологий на основные сферы жизнедеятельности общества, и обозначив качественные и количественные показатели оказываемого воздействия, нам представляется возможным говорить о формировании новой «среды обитания» – многомерного киберпространства, которое в контексте нашего исследования мы будем называть виртуальным.

Так, новую виртуальную «среду обитания» можно представить как некую оболочку, которая не имеет внешних границ, жестких форм, но при этом она обеспечивает максимальную защиту, т.е. несет функцию ограждения, отделения человека от опасностей реального мира.

Внутри этой оболочки присутствует определенный вирт-объем, пустое пространство, которое служит потенциальным плацдармом

для деятельности человека. Новейшие технологии помогают человеку внедриться а виртуальную «среду обитания». Они служат как бы вторым слоем тела, позволяя ему приобретать новые формы и тем самым без труда вписываться в виртуальное пространство и взаимодействовать оттуда с внешней средой.

Например, в Редмонде, штат Вашингтон, в компании «VirtuSphere Inc» было создано устройство виртуальной реальности – «VirtuSphere». Оно представляет собой сферу с разветвлённой сетью датчиков и минакамер, охватывающих 360 градусов её поверхности. Благодаря этому система в состоянии точно отслеживать все перемещения человека, находящегося внутри неё и переносить его движения в виртуальный мир. В настоящее время система «VirtuSphere» в основном используется для военной подготовки солдат, служащих в специальных подразделениях. Однако в дальнейшем её можно применять в самых разнообразных областях действительности: в развлечениях и спорте, в образовании, архитектуре, туризме, медицине и т.д.

Другим примером может выступить изобретение японской компании «Omote 3D», которая на выставке Eye of Gure представила особое устройство, напоминающее обычную фото-кабину. Данное устройство предоставляет любому желающему вместо обыкновенной фотографии получить индивидуальную миниатюрную 3D-модель. Фотосъемка в кабине осуществляется в несколько этапов. В течение 15 минут пользователь находится в одном и том же положении, в это время сканеры, встроенные в кабину, получают данные для создания идентичной модели конкретного человека. После обработки пользователь выбирает один из трёх модификаций собственной виртуальной 3D-модели: маленькую (с максимальной высотой 10 см и весом 20 г), среднюю (15 см, 50 г) и большую (20 см, 200 г).

Компания «Sony», разрабатывает девайс – радикально новый тип объёмной проекции, которая будет проецироваться в пространстве любого помещения. В качестве примера компания продемонстрировала публике объёмное трёхмерное изображение собаки, которую можно было рассматривать под любым углом. Функция девайса состоит в переносе сознания человека в виртуальную матрицу. Подобный процесс осуществляется путём копирования сознания человека на уникальную голограмму – точную копию реально существующего человека, которая находится в виртуальном пространстве. Голограммой можно управлять из реальной действительности путём подачи электронных сигналов, подобных тем, которые получает мозг любого реально существующего человека.

Доминантным качеством виртуальной среды является пространственная свобода, которая влияет как на внешний облик человека, так и на его внутренние качества. Пространство вокруг него может деформироваться и изменяться за счет различных виртуальных технологий. Любой статичный объект превращается в активную инсталляцию, где многочисленные инновационные устройства постоянно взаимодействуют с другими инновационными устройствами, их пользователями и окружающей действительностью.

Виртуальный мир с его новыми реалиями абсолютно разрушил стандартный взгляд на мир, тем самым создав предпосылки для формирования новой «среды обитания» современного человека, в которой организация пространства происходит особыми приемами и средствами виртуальной реальности.

Сформировался так называемый феномен «рядом, но не вместе», суть которого заключается в том, что «везде» и «всегда» происходит соединение виртуального компонента с реальностью. т.е. жизнь современного человека сама по себе виртуальна. Раньше

человек и окружающая действительность были частью общего процесса. В современной реальности человек наделен «виртуальным телом», поэтому он связан с окружающим миром новым способом, в котором его «новая телесность» играет важную роль. Иными словами, в условиях качественного эволюционного скачка новейших технологий, происходит радикальная трансформация человека в иного, нового, виртуального, основной особенностью которого является самосовершенствование собственной антропологической природы благодаря развитию технических достижений. Соответственно, погружаясь в новую «среду обитания» человек становится физически и духовно «усовершенствованным» человеком, превзошедшим самого себя, ежесекундно повышается его жизненный уровень, а следовательно, возрастают его основные нужды. Подобное погружение предлагает человеку более четкую реальность, чем та реальность, в которой он привык существовать. Он переносится «душой и телом» в виртуальность, которая остаётся конструкцией сознания и высоких технологий, и не замечает повседневности с её требованиями и ценностями. Отсутствие в мире объектов (в аксиологическом отношении) и перенос в мир виртуальных образов меняет сущность индивида – он не связан ответственностью, заботой, моральными требованиями и т.д.» [11, с. 34]. При этом, в его сознании машинально запускается процесс сравнительного анализа этих двух пространств и человек, порой вне своего желания, начинает доверять иллюзии их идентичности, что зачастую приводит к тому, что какая то часть первого пространства заменяется симулякрами второго. Такая под-сознательная замена не всегда выявляется, поскольку виртуальная реальность обладает высоким процентом достоверности. Таким образом, иллюзорность «вирта» по отношению к реальности является весьма относительной и лишь частично верной для внешнего

наблюдателя, тогда как для человека, находящегося внутри виртуального пространства, растворяется даже подобная относительность, поскольку виртуальная реальность обладает практически стопроцентным наличием реальной компоненты. «Такая ситуация выбивает у человека все основания и порождает феномен виртуального человека, воображаемо живущего в воображаемом мире» [12, с. 30].

Процесс погружения человека в виртуальную реальность приводит к временному выпадению из реальной действительности, при этом происходит постепенное нарушение чувства времени, которое зарождается в результате его вовлечения в пространство иллюзии. Одним из значительных преимуществ виртуальной реальности является то, что время там обратимо, т.е. всегда есть шанс обнулиться и начать заново. Такая невероятная возможность открывает новые перспективы: вносит в человеческую жизнь больше независимости, рискованных шагов, экспериментов. Человек, одевая на себя разные маски, проигрывая чужие роли, получает возможность испытать невообразимые, порой смертельно опасные ощущения, нередко недостижимые в повседневной реальности. Таким образом, виртуальная, «среда обитания» становится супер-альтернативой реальной действительности, выступает в качестве самой жизни, того самого мира, где человек может быть безгранично счастлив. Результатом подобного слияния реальности с виртуальностью возникает так называемый феномен «рядом, но не вместе».

Кроме того, виртуальная «среда обитания» адаптируется к постоянно изменяющимся потребностям, ценностям и нравственным ориентирам современного человека и идёт «навстречу тонким, разнообразным и глубоко персональным потребностям» человека, «потребностям в красивых, престижных, глубоко индивидуализированных» [13, с. 290] продуктах. Одновременно с этим, вирту-

альная среда способствует появлению новых зависимостей современного человека, принуждая его чувствовать новые мощные эмоции, испытывать сильное чувство контроля над окружающей его виртуальной вселенной, свободу от общественных условностей и запретов. Однако «вирт» имеет и в значительной степени положительную роль, способствуя безграничному доступу человека к информационным ресурсам, которые в условиях современного общества выступают ведущим вектором развития.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Виртуализация современной культуры и “жизненного мира” человека: социокультурный, аксиологический, антропологический анализ» № 14-03-00289а.

Список литературы

1. Лопатинская Т.Д. Виртуализация современной культуры и ее феноменов // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 34–38.
2. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: ЛКИ, 2008. 352 с.
3. Егоров В.С. Философия открытого мира. М.: МПСИ, 2002, 320 с.
4. Социология. Общество. Сферы жизни общества. Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/sfera-obshchestva.html> (дата обращения: 05.03.2016).
5. Баева Л.В. Ценности мира продвинутых пользователей // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2007. № 2(11). С. 135–148.
6. Хуторской А.В. Виртуальное образование и русский космизм // Интернет-журнал «Эйдос». 1999. 20 января. Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/1999/0120.htm>.

7. Носов Н.А. Образование и виртуальная реальность // Новый кол-легиум. 2000. №3. С. 40–43.
8. Полякова Т.А., Поляков Е.В. Виртуализация знания в современном мировоззрении // Интернет-журнал «Аналитика культурологии». 2010. № 3(18). Режим доступа: <http://analculturolog.ru/archive/itemlist/category/35-issue-18.html>.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
10. Горбунов И.Г. Формирование и функционирование виртуальных предприятий как объектов управления в условиях информационной экономики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 СПб., 2006, 214 с.
11. Лопатинская Т.Д. Компьютерные игры как средство вхождения в виртуальную реальность // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 31–34.
12. Карденахлишвили Т.Д. Области практического использования технологий игры в условиях виртуализации современной культуры // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. С. 28–31.
13. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002, 557 с.
14. Haddon L. Information and Communication Technologies in Everyday Life: A Concise Introduction and Research Guide. Oxford. England : Berg 2004. 183 p.
15. Hammet F. Virtual reality. N. Y. : Straus Ed., 1993, 290 p.
16. Heim M. The Essence of Virtual Reality [Electronic resource] // The Metaphysics of Virtual Reality / M. Heim. New York: Oxford University Press, 1993, pp. 109–128. Режим доступа: http://www.stanford.edu/class/history34q/readings/Michael_Heim/HeimEssenceVR.html, свободный.

References

1. Lopatinskaya T.D. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], no 4 (2014): 34–38.
2. Kostina A.V. *Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva* [Mass culture as phenomenon of post-industrial society]. Moscow: LKI, 2008. 352 p.
3. Egorov V.S. *Filosofiya otkrytogo mira* [Philosophy of the open world]. Moscow: MPSI, 2002. 320 p.
4. *Sotsiologiya. Obshchestvo. Sfery zhizni obshchestva* [Sociology. Society. Spheres of life of society]. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/sfera-obshchestva.html> (accessed March 3, 2016).
5. Baeva L.V. *Ekzistentsial'naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psikhoterapiya* [Existential tradition: philosophy, psychology, psychotherapy], no 2(11) (2007): 135–148.
6. Khutorskoy A.V. *Internet-zhurnal «Eydos»* [Internet magazine «Eidos»]. <http://www.eidos.ru/journal/1999/0120.htm> (accessed January 20, 1999).
7. Nosov N.A. *Novyy kollegium* [New collegium], no 3 (2000): 40–43.
8. Polyakova T.A., Polyakov E.V. *Internet-zhurnal «Analitika kul'turologii»* [The Analytics of Cultural Science Internet magazine], no 3 (18) (2010). <http://analiculturolog.ru/archive/itemlist/category/35-issue-18.html>.
9. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information era: economy, society and culture]. Moscow: GU HSE, 2000. 606 p.
10. Gorbunov I.G. *Formirovanie i funktsionirovanie virtual'nykh predpriyatiy kak ob'ektov upravleniya v usloviyakh informatsionnoy ekonomiki* [Formation and functioning of the virtual enterprises as

- objects of management in the conditions of information economy]. SPb, 2006. 214 p.
11. Lopatinskaja T.D. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development], no 8 (2013): 31–34.
 12. Kardenahlshvili T.D. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development], no 9 (2012): 28–31.
 13. Toffler Je. *Shok budushhego* [Shock of the future]. Moscow: LLC Nuclear Heating Plant Publishing House, 2002. 557 p.
 14. Haddon L. *Information and Communication Technologies in Everyday Life: A Concise Introduction and Research Guide*. Oxford. England : Berg, 2004. 183 p.
 15. Hammet F. Virtual reality. *N.Y.: Straus Ed.*, 1993. 290 p.
 16. Heim M. The Essence of Virtual Reality [The Metaphysics of Virtual Reality]. *New York: Oxford University Press*, 1993, pp. 109–128. http://www.stanford.edu/class/history34q/readings/Michael_Heim/HeimEssenceVR.html

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лопатинская Тинатин Давидовна, старший преподаватель кафедры философии, кандидат философских наук
*ФГБОУ ВПО Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, Астрахань, 414056, Российская Федерация
best_edu@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lopatinskaya Tinatin Davidovna, Senior Lecturer of the Philosophy Department, PhD in Philosophy
*Astrakhan State University
20a, Tatishchev St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
best_edu@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-193-205

УДК 167

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИЕМЛЕМОСТИ

Наумова Т.В.

Цель. Интерес к теме предлагаемой работы обусловлен объективной потребностью в научно-теоретическом обосновании стратегии биосферосовместимого социально-экономического общественного развития. Автор ставила целью рассмотреть основные этапы становления концепции глобальной экологической безопасности за прошедшие полвека и конкретизировать их наиболее существенные итоги, а также расширить философскую дефиницию категории «экологическая безопасность».

Метод или методология проведения работы. Интенция авторского анализа базировалась на идее экологического императива, коэволюционных основаниях социоприродной динамики и системном подходе.

Результаты. С середины 70-х годов прошлого века произошел качественный мировоззренческий перелом во взглядах на социо-природные отношения, от тотального антропоцентризма к доминированию идеи коэволюции природы и общества. Становление концепции глобальной экологической безопасности эксплицировано в логико-историческом ракурсе, акцент сделан на четырех основных этапах. Содержание концепта «экологическая безопасность» раскрывается через взаимообусловленность и диалектическое единство безопасности человека и безопасности окружающей среды в аспекте общественной толерантности.

Область применения результатов. Изложенные в статье суждения будут полезны при разработке теоретико-методологических основ экологической концепции общественного развития.

Ключевые слова: биосфера; воздействие на окружающую среду; экологическая безопасность; устойчивое развитие.

ENVIRONMENTAL SECURITY IN THE CONTEXT SOCIAL ACCEPTABILITY

Naumova T.V.

Purpose. The topic of the article has been identified by objective need for scientific justification of strategy of sustainable development. The author reviewed main stages of formation of the concept of global environmental security over the past half century, specified their most significant results and extended the philosophical definition of the category of “environmental security”.

Methodology. Working on this article, the author relied on the conceptual provisions of the ideology of the ecological imperative, co-evolution and systematic approach.

Results. Since the mid 70's of the last century, the paradigm of safe environmental development of the society has dominated as an alternative to traditional economic growth. The content of the concept “environmental security” is disclosed through the interdependent and dialectical unity of human security and environmental security. The formation of the concept of global environmental security is discussed in the logical-historical perspective, four major steps have been identified. The contents of the concept “environmental security” is revealed through the interdependence and dialectical unity of human security and environmental security in terms of social tolerance.

Practical implications. The conclusions suggested by the author can be used to form a holistic theoretical and methodological ensuring of ecological concepts of social development.

Keywords: *biosphere; impact of the environment; environmental security; sustainable development.*

Начиная со второй половины XX века прослеживается явная тенденция критической оценки взаимоотношений общества и природы. Нарушения равновесия биосферных процессов (известного принципа Ле Шателье-Брауна), порожденные стихийной хозяйственной практикой человека, достигли планетарных масштабов. Доминирующим фактором в формировании параметров окружающей природной среды стала антропогенная деятельность.

Глобальные климатические изменения, снижение биоразнообразия и нарушение устойчивости экосистем, последствия бесконтрольного использования биотехнологий (в том числе генной инженерии), радиационные и химические загрязнения в результате техногенных аварий и катастроф, необратимое сокращение природных ресурсов детерминируют обострение социально-экологической напряженности и социальные конфликты со специфическим экологическим подтекстом. Наблюдаемым социально-экономическим трансформациям имманентно ускоряющееся движение к глобальной катастрофе. «Если человечество не изменит парадигмы социально-экономического развития, технологические способы освоения природы, начало необратимого разрушения биосферы прогнозируется на середину нынешнего столетия. Такой опасный прогноз заставляет переосмыслить традиционные ценностно-мировоззренческие основания человеческой деятельности и принимать программу опережающих практических действий» [1, с. 5]. Альтернатива разрешения фундаментального экологиче-

ского противоречия видится либо как мощный импульс развитию общества, либо его гибель [8].

Глубинные причины сложившегося противоречия некоторые исследователи видят в так называемом феномене биосоциального параллелизма, т.е. в дисбалансе биологического и социального в человеке [13]. Как биологическая особь человек может существовать в весьма ограниченном диапазоне параметров окружающей среды, его первичные потребности адекватны его физиологическим возможностям. Социальная сущность человека формируется его окружением, надбиологические потребности, как оказалось, беспредельны. В XX веке стало окончательно понятно, что эти две ипостаси человека вошли в противоречие: человек социальный, разрушая фундамент жизни – биосферу, стал уничтожать в себе человека биологического. Отметим одно важное обстоятельство, связь которого с интересами мировой промышленной элиты только усиливает растущую неоднозначность условий существования человечества. Человеку сложно в реальном масштабе времени оценить протекание губительных изменений в окружающей среде, он, как правило, реагирует на социальные последствия экологических проблем.

Несмотря на доминирование идеи проэкологического развития как альтернативы традиционному экономическому росту, закрепленной в итоговых документах первой конференции ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972), за прошедшие без малого полвека так и не выработано принципиальных решений, обеспечивающих приемлемый уровень глобальной экологической безопасности. По-прежнему сохраняется тенденция отчуждения человека от природы и увеличения экологического следа человечества [3].

Безопасность является одной из главных человеческих потребностей [2]. В международных и отечественных научных и нормативных источниках нет однозначной трактовки смыслового значе-

ния концепта «экологическая безопасность». В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.», как и в «Экологической доктрине Российской Федерации» прослеживается доминирование техноэкономического аспекта [14; 17]. Интеграция России в международную систему экологической безопасности несколько осложняется в связи с принятой в зарубежной практике следующей дихотомией: экологическая проблематика (ecology) не выходит за пределы биоэкологии, вопросы природопользования и природоохраны – область науки об окружающей среде (environmental science). Незавершенность дефинирования категории «экологическая безопасность» придает ей декларативный характер.

Сущность концепта «экологическая безопасность» раскрывается через следующую диалектическую взаимосвязь: не превышая объективные пределы антропогенных нагрузок на биосферу, сохраняется ее несущая способность, таким образом поддерживается надлежащее качество природной среды (т.е. состояние ее защищенности согласно трактовке, приведенной в [16]). Аксиологическое содержание концепта «экологическая безопасность» – в сохранении благоприятных условий для жизнедеятельности человека [9, с. 31]. В свою очередь благоприятная природная среда обеспечивает не угрожающие человечеству условия жизни, сохранение здоровья и возможности развития (защищенность жизненно важных интересов человека в соответствии с тем же [16]). Философская дефиниция данной категории, как родового понятия безопасности, дополняется онтологическим аспектом, поскольку экологическая безопасность – необходимая основа существования субъекта, фундамирующая его стабильность и устойчивое функционирование.

Рассматривая построение общей концепции глобальной экологической безопасности в логико-историческом ракурсе, следует выделить несколько наиболее значительных подходов. Изначально

предполагалось, что решение экологических проблем достаточно свести к экологически «чистому» производству. Однако практика показала, что при некотором улучшении на микро-, мезо- и макроуровне, в общепланетарном масштабе (мегауровень) ситуация обострялась. Переход на альтернативные источники энергии, внедрение очистных и утилизационных технологий, вывод производственных мощностей за пределы конкретной страны или региона сопровождалась либо ростом себестоимости продукции за счет дорогостоящих «чистых» технологий, что противоречит принципиальным основам современной экономики – извлечению прибыли; либо обострением экологической ситуации в странах, откуда теперь интенсивнее извлекались необходимые ресурсы и куда, собственно, производства перемещались (достаточно вспомнить трагические события в Биополе, 1984 г.). К началу 80-х гг. прошлого века стало понятно, что этот подход не принес желаемых результатов, однако, способствовал становлению законодательства в области защиты окружающей среды, разработке принципов деятельности национальных природоохранных служб, развитию международного природоохранного сотрудничества.

Период с начала 1980-х до середины 1990-х гг. – время оптимизации государственного регулирования природоохранной деятельности. Отметим его принципиально важные выводы. Во-первых, обеспечение экологической безопасности требует пересмотра национальных и международных правовых механизмов нормирования загрязнителей окружающей среды и компенсации ущерба. Административные методы управления охраной окружающей среды сменяются экономическими. Во-вторых, в управлении социоприродной динамикой акцент смещается с параметра «загрязнение» на параметр «потребление». В-третьих, не правом, а обязанностью государства следует считать создание условий

для реализации права гражданина на безопасную окружающую среду [11, с. 174–175].

Осознание сложной организации как экологических, так и социальных систем, описываемых многокритериальными параметрами, накопленный к середине 80-х г. XX в. опыт моделирования социоприродных процессов [6], учет ценности природной человеческой жизни способствовали формированию синергетического подхода к обеспечению экологической безопасности через менеджмент экономических, социальных и природных систем. По выражению О.Н. Яницкого это были вариации демографов и специалистов по системному анализу на известную тему «пределов роста» [12, с. 456]. И этот подход себя не оправдал. Оказалось, что для всеобъемлющего управления социоприродной динамикой пока не существует ни научно-методологического обеспечения, ни технических возможностей, ни должного уровня международной координации экологической политики отдельных государств. Говорить о глобальном управлении как реальной и эффективно реализуемой функции мировой цивилизации пока не приходится [15]. Вместе с тем, были заложены необходимые предпосылки для комплексного междисциплинарного анализа взаимообусловленных процессов в системе «человек – общество – природная среда». Экологическая проблематика стала предметом системных исследований.

С начала 1990-х годов экологический контекст становится главной интенцией концепции устойчивого развития цивилизации – попытки совместить идеи глобального эволюционизма с экологической рациональностью [10]. Сама концепция изначально, с провозглашения на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992) и по сей день научным сообществом и широкой общественностью воспринимается неоднозначно, остается объектом скепсиса, критики и дискуссий [4; 7, с. 404].

Тем не менее отметим, концептуально новый подход к экологической безопасности фундирует ее обеспечение не столько через защиту, сколько через социально-экономическое развитие. Подчеркнем синкретизм нового подхода: экологическая безопасность и общественное развитие не противопоставляются, а образуют диалектическое единство, имманентную взаимосвязь. Экологическая безопасность рассматривается не как сопутствующая развитию деятельность, а присущая ей.

Таким образом, к концу прошлого столетия окончательно сложилось понимание экологической безопасности как мультидисциплинарной категории, существенное содержание которой составляет рационально ориентированная деятельность общественных институтов. Вместе с тем, в глобальных масштабах по-прежнему сохраняется иррациональный характер социоприродных отношений, поскольку любая социальная система может развиваться только, используя материально-энергетические, информационные и прочие ресурсы окружающей природной среды [5]. Причина данного противоречия кроется в ограниченности существующих нормативных подходов к обеспечению экологической безопасности, которые, в свою очередь обусловлены недостаточной теоретической проработкой как самой категории «экологическая безопасность», так и практик ее фактической реализации.

На наш взгляд, сущность категории «экологическая безопасность» целесообразно рассматривать с точки зрения определенного общественного признания существующей опасности, социальной толерантности, которую назовем социальной приемлемостью.

В контексте социальной приемлемости рассмотренная выше периодизация общей концепции глобальной экологической безопасности дополняется следующим содержанием: в период «чистой экономики» общество довольствовалось сокращением объемов за-

грязнения окружающей среды и быстротой реакции государственных служб на экологические последствия хозяйственной деятельности. Понимание экологической безопасности ограничивалось снижением критических параметров загрязнителей до предельно-допустимых значений. Эта идея нашла свое продолжение и в период «государственного регулирования», трансформируясь в стремление к экологической безопасности не только на национальном, но и международном уровнях. На этапе «глобального управления» общественное ожидание фокусировалось на моделях планетарного управления социоприродной динамикой, благодаря которым предполагалось не только отслеживать соответствующие параметры, но и исключать катастрофические события экологического характера. На сегодняшний день, в период доминирования мировоззрения устойчивого развития, экологическая безопасность представляется как бескризисное состояние конкретной социально-экологической системы в пределах некоторого временного интервала. Социальная приемлемость экологической безопасности обусловлена, прежде всего, оправданностью затрат на поддержание устойчивости такой системы. Отметим следующий гносеологический аспект предложенной точки зрения: социум, оставаясь ключевым актором социально-экологических преобразований, уже не воспринимает экологическую безопасность как в принципе достижимый уровень защиты, а скорее, как целесообразно достижимый.

Список литературы

1. Введение в теорию устойчивого развития: Курс лекций. М.: СТУПЕНИ, 2002. 240 с.
2. Гаранина О.Д., Наумова Т.В. Экологическая безопасность: некоторые аспекты концептуализации понятия // Научный вестник МГТУ ГА. 2014. №209. С. 72–76.

3. Доклад «Живая планета 2014». WWF, Global Footprint Network, Water Footprint Network, London Zoological Society. 2014. URL: <http://www.wwf.ru/resources/publ/book/934> (дата обращения: 11.01.2016).
4. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф. 1995. 460 с.
5. Лось В.А. Динамика современной системы экологического знания: между «биологизмом», «социологизмом» и «глобализмом» // *НВ: Философские исследования*. 2014. № 2. С. 1–36.
6. Медоуз Д.Х., Медоуз Д. Л., Рэндерс Й., Беренс В. «Пределы роста». М.: Изд-во МГУ, 1991. 208 с.
7. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М.: МГВП «КОКС», 1995. 376 с.
8. Муравых А.И. Управление экологической безопасностью социо-экосистем: теоретико-методологические основы: Дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009. 378 с.: ил.
9. Наумова Т.В. Эвристический потенциал вариаций обработки рисков при управлении экологической безопасностью // *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 3–1. С. 31–33.
10. Проблемы экологии России / Отв. ред. В.И. Данилов-Данильян, В.М. Котляков. М.: Изд-во МНЭПУ, 1993. 347 с.
11. Сосунова И.А. Методология и методы современной социальной экологии. М.: МНЭПУ, 2010. 400 с.
12. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. 696 с.
13. Столярова Т.Ф. Экологическое мировоззрение на грани веков // *История и современность*. 2005. №2. С. 131–143.
14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537

- URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 15.12.2015).
15. Урсул А., Калужная Д. Глобальное управление и устойчивое развитие: политический аспект проблемы // Право и политика. 2016. № 2. С. 209–224.
16. Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 11.01.2016).
17. Экологическая доктрина Российской Федерации (одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р). URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/24.html> (дата обращения: 15.12.2015).

References

1. *Vvedenie v teoriju ustojchivogo razvitiya: Kurs lekcij* [Introduction to the theory of sustainable development: a Course of lectures]. М.: STEPS, 2002, 240 p.
2. Garanina O.D., Naumova T.V. Jekologicheskaja bezopasnost': nekotorye aspekty konceptualizacii ponjatija [Environmental safety: some aspects of the concept conceptualization]. *Nauchnyj vestnik MGTU GA* [Scientific Bulletin of the Moscow State University of Civil Aviation]. М.: 2014. no. 209, pp. 72–76.
3. WWF. 2014. *Living Planet Report 2014: people and places, species and spaces*. [McLellan, R., Iyengar, L., Jeffries, B. and N. Oerlemans (Eds)]. WWF, Gland, Switzerland. URL: <http://www.wwf.ru/resources/publ/book/934> (accessed January 11, 2016).
4. Zinov'ev A.A. Zapad. Fenomen zapadnizma [West. The phenomenon of Zapadnizma]. М.: Centropoligraf. 1995. 460 p.
5. Los' V.A. Dinamika sovremennoj sistemy jekologicheskogo znanija: mezhdru «biologizmom», «sociologizmom» i «globalizmom» [The

- dynamics of a modern system of environmental knowledge: between biologism, sociologism and globalism]. *NB: Filosofskie issledovanija*. 2014. no. 2, pp. 1–36.
6. Medouz D.X., Medouz D.L., Rjenders J., Berens V. «*Predely rosta*» [The Limits to Growth: A Report to The Club of Rome]. M.: MSU Publ., 1991. 208 p.
 7. Moiseev N.N. *Sovremennyj racionalizm* [Modern rationalism]. M.: MGVP «KOKS», 1995. 376 p.
 8. Muravyh A.I. *Upravlenie jekologicheskoj bezopasnost'ju sociojekosistem: teoretiko-metodologicheskie osnovy* [The environmental safety management socioecosystem: theoretical and methodological foundations]. M., 2009. 378 p.: il.
 9. Naumova T.V. Jevristicheskiy potencial variacij obrabotki riskov pri upravlenii jekologicheskoj bezopasnost'ju [Heuristic potential variations of risk treatment in environmental safety management]. *Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija*. 2016. no. 3–1, pp. 31–33.
 10. *Problemy jekologii Rossii* [Problems of ecology of Russia]. V.I. Danilov Danil'jan, V.M.Kotljakov (ed.). M.: MNEPU, 1993. 347 p.
 11. Sosunova I.A. *Metodologija i metody sovremennoj social'noj jekologii* [Methodology and methods of modern social ecology]. M.: MNJePU, 2010. 400 p.
 12. *Sociologija v Rossii* [Sociology in Russia]. V.A. Jadov (ed.). M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. 696 p.
 13. Stoljarova T. F. Jekologicheskoe mirovozzrenie na grani vekov [Environmental worldview on the verge of centuries]. *Istorija i sovremenost'*. 2005. no. 2, pp. 131–143.
 14. *Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda*. Utv. Ukazom Prezidenta RF ot 12 maja 2009 g. № 537. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (accessed December 15, 2015).

15. Ursul A., Kaljuzhnaja D. Global'noe upravlenie i ustojchivoe razvitie: politicheskij aspekt problem [Global governance and sustainable development: political perspective]. *Pravo i politika* [Law and policy]. 2016. no. 2, pp. 209–224.
16. *Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 10 janvarja 2002 g. N 7-FZ "Ob ohrane okružhajushhej sredy"*. <http://base.consultant.ru> (accessed January 9, 2016).
17. *Jekologicheskaja doktrina Rossijskoj Federacii* (odobrena rasporjazheniem Pravitel'stva RF ot 31 avgusta 2002 g. № 1225-r). URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/24.html> (accessed December 15, 2015).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Наумова Татьяна Владимировна, доцент кафедры Безопасности полетов и жизнедеятельности, кандидат философских наук, доцент, профессор Российской Академии Естественного знания
Московский государственный технический университет гражданской авиации
Кронштадтский б-р, 20, г. Москва, 125993, Российская Федерация
naumova_0211@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Naumova Tatiana Vladimirovna, Associate Professor at the Department of Flight Safety and Life Safety, Ph. D. in Philosophy, Docent, Full Professor of the Russian Academy of Natural History
Moscow State Technical University of Civil Aviation
20, Kronshadt'sky blvd, Moscow, 125993, Russian Federation
naumova_0211@mail.ru
SPIN-code: 1212-6512

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-2-206-217

УДК 1 (091)

АМОРАЛЬНЫЙ ПАНМОРАЛИЗМ ДИОГЕНА СИНОПСКОГО

Никулина А.Г.

Цель. В статье затрагивается этико-аксиологическая проблематика, особенно актуальная в условиях современного кризиса культуры. Предметом анализа выступают принципы практической этики киников. Камнем преткновения здесь является само словосочетание «киническая мораль», которое для большинства звучит как оксюморон. Статья представляет собой апологию Диогена Синопского, точнее – практикуемого им образа жизни. Автор ставит целью раскрыть моральный кодекс киника, подспудно выясняя, корректно ли вообще говорить о таковом.

Метод или методология проведения работы. Статья представляет собой оригинальное исследование, написанное в стиле постмодернистской эклектики. Основу исследования образуют герменевтический, феноменологический и компаративистский методы, а также принцип историко-философской реконструкции.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор эксплицирует нравственную подоплёку аморальных, на первый взгляд, поступков киников. Преследуя благородную цель, они зачастую используют неподобающие средства. Автор позиционирует диогеновский кинизм как осознанно избираемый путь катарсиса, физической закалки и нравственного совершенствования. В заключение автор приходит к выводу, что философия Диогена

представляет собой инвективу, обращённую не только к современникам, но и к потомкам.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены как в научных и педагогических целях, так и в прикладных (например, при разработке социокультурных проектов и программ).

Ключевые слова: кинизм; природа; человек; свобода; разум; истина; моральный кодекс киника.

IMMORAL PANMORALISM OF DIOGENES OF SINOPE

Nikulina A.G.

Purpose. The article deals with the ethical-axiological problems which are topical especially in the current crisis of culture. The subject of analysis is the principles of cynics' practical ethics. The stumbling block here is the very phrase "cynical morals" being perceived as an oxymoron. The article is an apologia of Diogenes of Sinope or rather a way of life being practiced by him. The author aims to reveal the moral code of cynics elucidating at the same time whether it is appropriate to speak about him.

Methodology. The article is an original study written in the style of postmodern eclecticism. The basis of the research is the hermeneutic, phenomenological and comparative methods and the principle of the historical-philosophical reconstruction.

Results. The results of the study are that the author in the company of Diogenes explicates the moral underlying reason of cynics' deeds seeming immoral actions at first glance. Trying to attain one's object the cynics often use indecorous means. The author positions Diogenes' cynicism as a consciously choosing way of catharsis, trained endur-

ance and moral courage. In conclusion the author emphasizes that Diogenes' philosophy is an invective appealing not only to contemporaries but also to posterity.

Practical implications. The results of the study can be applied both in scientific and pedagogical purposes and in applied (for example, when developing socio-cultural projects and programs).

Keywords: *cynicism; nature; man; freedom; mind; truth; cynic's moral code.*

Быть философом – значит не только тонко мыслить или даже основать школу; для этого надо так любить мудрость, чтобы жить по её велениям – в простоте, независимости, великодушии и вере. Это значит решать некоторые жизненные проблемы не только теоретически, но и практически. Истинный философ даже во внешнем образе жизни идёт впереди своего века. Можно ли быть философом и не поддерживать своё жизненное тепло более мудрыми способами, чем прочие люди?

Г.Д. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу».

Когда «бог умер» (Ф. Ницше) и «мир достиг совершеннолетия» (Д. Бонхёффер), «мыслящий тростник» (Б. Паскаль) назначил себя «мерой всех вещей» (Протагор) и даже нарочито провозгласил «скрепой бытия» (М. Фичино). Всё это очень быстро привело к тому, что ценности обесценились и превратились в ценники (М. Фуко), а человеческое в человеке мгновенно и бесследно улетучилось (Ф. Ницше). Апогеем мировоззренческого кризиса стало расторжение «общественного договора» (Дж. Локк) и возобновление «полисным животным» (Аристотель) «войны всех против всех» (Г. Гоббс). Пока другие размышляли, что же они должны делать (И. Кант), Диоген не сидел без дела: довольствуясь из «мира

вещей» (Платон) лишь бочкой, он вёл безгласный диалог со статуей и многозначительно молчал при встрече с Александром Македонским. Наконец, он зажигает свой фонарь, освещающий пороки и освящающий добродетели, и, оголяя тело, обнажает душу перед теми, кого призралил и кто презирал его. Таков был ответ Диогена на вызов, брошенный его современниками.

*Предчувствовать грядущую беду
На всей земле и за её пределом
Вечерним сердцем в страхе омертвелом
Ему ссудила жизнь в его звезду.
Он знал, что Космос к грозному суду
Всех призовет, и, скорбь приняв всем телом,
Он кару зрил над грешным миром, целом
Разбитостью своей, твердя: «Я жду».
Он скорбно знал, что в жизни человеческой
Проводит Некто в сером план увечий,
И многое еще он скорбно знал,
Когда, мешая выполнению плана,
В волнах грохочущего океана
На мачту поднял бедствия сигнал [5, с. 376].*

И. Северянин как будто бы рисует экзистенциальный портрет Диогена. Последний в таком случае предстаёт мудрецом и ментором, которому не безразлична судьба нынешнего и будущего поколений. Поэтому он не сидит сложа руки, а всякими правдами и неправдами пытается достучаться до современников. Именно таким – рьяным искателем истины и дальнорозким властителем дум – изображают Диогена Ф. Рабле [4, с. 261–267] и Д. Дидро [2, с. 186, 254]. Он один из тех, кто умеет довольствоваться ма-

лым, кто полностью владеет собой. Он единственный, кто сумел достичь главного – «приручить себя» (А. де Сент-Экзюпери). В целом кинизм позиционируется здесь как элитарная философия. На самом деле «романтическая» традиция выдаёт Диогена, скорее, за стойка, чем за киника.

Такое представление о Диогене скорее исключение, чем правило. Если же рассматривать кинизм слишком буквально, тот оборачивается маргинальной философией, «философией, висящей на собачьем хвосте» (И. Нахов) или вовсе превращается в «похвалу глупости» (Э. Роттердамский). Невежа и невежда, балагур и самодур, «сошедший с ума Сократ» (Платон) – таков «вердикт» большинства в отношении Диогена. «Нигилистическая» позиция в принципе отказывает Диогену в звании философа. А.С. Пушкин так резюмировал своё отношение к нему:

*Но с бочкой странствуя пустою
Вослед за Мудростью слепою,
Пустой чудака был ослеплён;
И воду черная рукою,
Не мог зачерпнуть счастья он [3, с. 393].*

«Утопическая» традиция настаивает на том, что кинизм – всего лишь массив сатирической литературы, «шкатулка» анекдотов, поучительных историй и остроумных нравственных сентенций, а Диоген – излюбленный персонаж философских мифов, созданных по образу и подобию историко-культурных мифов о Геракле, Сизифе, Тесее. Диоген жил и продолжает жить только на страницах книг. При таком раскладе кинизм оказывается продуктом народного творчества.

Перед нами три абсолютно разных Диогена. Кто же из них на самом деле жил в бочке? Биография Диогена представляет со-

бой эклектичную мозаику из фактов и апокрифов, воспоминаний учеников и мемуаров современников, приукрашенных апофтегм и переиначенных реминисценций. С определённой долей уверенности можно говорить лишь о нескольких эпизодах. Л. Навия таковых называет четыре: во-первых, Диоген был родом из Синоп; во-вторых, Афины и Коринф стали его временной обителью; в-третьих, он действительно был знаком с Александром Македонским; и наконец, «небесный пёс» – так прозвали его современники; сам о себе он отзывался достаточно просто «Диоген-собака» [9, с. 84]. При этом он любил повторять, что «все остальные собаки кусают врагов, а он кусает друзей для их же спасения» [1, с. 137]. То же, но уже в прозе впоследствии проделывали А.П. Чехов и М.Е. Салтыков-Щедрин.

Диоген во всём стремился к простоте: будь то материальные артефакты или же его собственные мысли. На вопросы он всегда отвечал конкретно, по существу. Он упрекал современников за неумение лаконично и содержательно формулировать свою речь, но ещё больше – за то, что те слушают, но не слышат. «Однажды Диоген попросил Платона дать ему из своего сада три фиги. Когда тот прислал ему целый медимн, он заметил: Так на один вопрос ты отвечаешь сто раз» [1, с. 139]. Философия для Диогена – не пустые разговоры на заумные темы, это когда слова согласуются с действиями. Поэтому дары богов и блага цивилизации он променял на жизнь в бочке. Кинизм Диогена – сознательно избираемый путь катарсиса, физической закалки и нравственного совершенствования.

Свою философскую позицию Диоген подтверждал примерами из жизни: так, заявление Зенона о том, что движения нет, он опроверг собственной ходьбой; а платоновский «мир идей» подверг критике как раз за то, что в его существовании вообще нельзя никак удостовериться. Киники учили «жить согласно природе», именно

здесь и сейчас, в «лучшем из возможных миров» (Г.В. Лейбниц). Постижению умозрительных гипотетических сущностей Диоген предпочитает «исследование природы, а это как раз и есть кинизм» [1, с. 248]. Природа в философии киников – не ландшафт и не пейзаж, а метафизическое понятие для обозначения бытия сущего, в том числе и человека. Диоген в принципе согласен с Аристотелем в том, что человек – это животное, может быть, даже «недоживотное» (А. Гелен), поскольку тот напрочь забыл, что он – часть природы. Человек, говорит Диоген, утратил свою естественную непосредственность и стал посредственностью. Поэтому киники возрождают в себе присущие природе силы инстинктивности и спонтанности, проявляющиеся в словесной импровизации, агрессивном поведении и необдуманных поступках. «Жить сообразно с природой» для Диогена – не столько экологический императив, сколько нравственный. Это стремление жить в гармонии с самим собой, со своей собственной природой, памятуя всегда, кто мы есть на самом деле.

В этом смысле кинизм есть ностальгия по сократической мысли и одновременно самое оригинальное её воплощение. Правда, платоническая традиция противопоставления Сократа и Диогена время от времени всплывает не только в философии, но и в литературе. В частности, А.С. Пушкин также славословил первого и порицал второго:

*Люблю я доброго Сократа!
Он в мире жил, он был умён.
Меж тем, на милых грозно лая,
Злой Циник, негу презирая,
Один, всех радостей лишен,
Дышал от мира отлучён [3, с. 393].*

Ф. Сейер говорит о том, что Диоген мнил себя преемником Сократа, но в отличие от него «был обуян манией величия. Он не только был не в ладу с другими, но он также был и не в ладу с самим собой. Нежелание Диогена заниматься полезным трудом, отрицание моральных ограничений и равнодушие к мнению других – явно психопатические симптомы» [10, с. 97]. В. Амелунг обращает внимание, что антагонизм сократической и диогеновской позиций, скорее, формального характера и что за якобы очевидными разногласиями кроется одна и та же философская традиция – и эта традиция киническая [8, с. 281–296]. В таком случае Диоген – *alter ego* Сократа. Они в унисон твердили, что сперва стоит «познать самого себя»: кто-то открывал себя в кругу друзей в «словесной дуэли», кто-то избирал путь одиночества, предпочтя компании единомышленников «затворничество в бочке». И если философия Сократа – это всё же философия слова (диалектика и риторика), то философия Диогена – скорее, философия поступка (этика и аксиология). Правда, преследуя благородную цель, он зачастую использует неподобающие средства.

С виду неотёсанный и дерзкий кинизм на самом деле оказывается прямолинейной философией, пропитанной недопониманием и презрением, нигилизмом и скептицизмом, непристойными жестами и вульгарными пародиями. Метод «срывания масок» – излюбленный приём Диогена – впоследствии обыграет в «Войне и мире» Л.Н. Толстой. Кинизм – это сатира на нравы, карикатура на современников. Разум как бы выходит за свои привычные пределы: чтобы претворять идеи и идеалы в жизнь, Диогену приходилось притворяться глупцом и безумцем. Поэтому киник вне моральных оценок, вне категорий «хорошо/плохо». В этом смысле кинизм есть «бегство» (Э. Фромм) от культуры и цивилизации. Действительно, киник абсолютно свободен: он не скован ни социально-политическими оковами, ни идолами безрассудства. Так,

попав в рабство, Диоген заявил, что единственное, что он умеет делать – так это править людьми [1, с. 159]. Во многом предвосхищая идеи Г.В.Ф. Гегеля, он вскрывает диалектику властных отношений раба и господина, согласно которой раб становится господином своего господина, который становится рабом своего раба. Следующий эпизод как раз об этом: когда Диоген попал в дом к Ксениаду, «друзья хотели выкупить его из рабства, а тот назвал их глупцами, добавив, что не львы являются рабами тех, кто их кормит, а наоборот. Ведь это рабу свойствен страх, а дикие звери внушают страх людям» [1, с. 160]. Диоген на своём собственном примере демонстрировал, что осознание рабства делает свободным от него. Именно киники впервые показали, что категория свободы не исчерпывается политико-правовым содержанием; свобода – это настроение ума, добродетель человеческого разума.

Кинизм – это мировоззрение и образ жизни одновременно. Бочка, палка, плащ – вот всё, что кинику нужно для счастья. Последнее мыслилось как полное владение собой через освобождение от власти желаний. А для этого стоит умерить свои потребности, в идеале – свести их до минимума. «Помните, что я преподавал вам начала бедности в жизни» [1, с. 227] – наставление Диогена современникам и потомкам. Именно поэтому каждому своему ученику Диоген предлагает преодолеть нелёгкое испытание, с достоинством пройденное им самим, – просить милостыню у статуи. Так, постепенно приучая себя к отказам, человек культивирует дисциплину тела и ума. В конечном счёте, благодаря аскезе и нестяжательству киник уподобляется богам, которые «от природы ни в чём не нуждаются» [1, с. 105]. Кинический образ жизни предписан исключительно разумом и больше ничем. В этом образе жизни выражено стремление «погрузиться в самую суть жизни и добраться до её сердцевины, загнать жизнь в угол и свести её к простейшим формам, и

если она окажется ничтожной, тогда постичь всё её ничтожество и возвестить о том мир; а если она окажется исполненной высокого смысла, то познать это на собственном опыте и правдиво рассказать об этом» [6, с. 108]. Сентенция Г.Д. Торо: «Я ушёл в лес потому, что хотел жить разумно» – относится к таким, как они.

Диоген верит в человека. Именно поэтому на упрёк, зачем он поучает негодяя, он ответил: «Пытаюсь отмыть эфиопа, чтобы из чёрного сделать белого» [1, с. 135]. Здесь он «совершает ошибку, упуская из вида, что всякий человек – и честен, и нечестен» [7, с. 12] одновременно так же, как и он сам. Мысль не нуждается в декорациях, поэтому Диоген настойчиво повторяет простую истину: «*Cura te ipsum*». Философия Диогена была инвективой, обращённой не только к современникам, но и к потомкам.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018a1 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

Список литературы

1. Антология кинизма. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Дион. М.: Наука, 1984. 398 с.
2. Дидро Д. Племянник Рамо // Дидро Д. Монахиня. Племянник Рамо. Жак-фаталист и его хозяин. М.: Художественная литература, 1973. С. 181–256.
3. Пушкин А.С. Послание Лиде // Пушкин А.С. Соч.: в 10-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 1. С. 392–393.
4. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 726 с.

5. Северянин И. Андреев // Северянин И. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1988. С. 376.
6. Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М.: Наука, 1979. 456 с.
7. Честертон Г.К. Чарльз Диккенс. М.: Радуга, 1982. 206 с.
8. Amelung W. Notes on Representations of Socrates and of Diogenes and Other Cynics. *The American Journal of Archaeology*, no 31 (1927): 281–296.
9. Navia L.E. *Classical Cynicism: A Critical Study*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1996. 214 p.
10. Sayre F. *Diogenes of Sinope: A Study of Greek Cynicism*. Baltimore: J.H. Furst Company, 1938. 238 p.

References

1. *Antologiya kinizma. Antisfen. Diogen. Kratet. Kerkid. Dion*. Moscow: Nauka, 1984. 398 p.
2. Diderot D. *Rameau's Nephew. The Nun. Jacques the Fatalist*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1973, pp. 181–256.
3. Pushkin A.S. *The Message Of Lida. Sochineniya v 10-ti tomakh*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1959. Vol. 1, pp. 392–393.
4. Rabelais F. *Gargantua and Pantagruel*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1961. 726 p.
5. Igor Severyanin. *Andreev. Stihotvoreniya*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1988. P. 376.
6. Thoreau H.D. *Walden, or, Life in the Woods*. Moscow: Nauka, 1979. 456 p.
7. Chesterton G.K. *Charles Dickens: A Critical Study*. Moscow: Raduga, 1982. 206 p.
8. Amelung W. Notes on Representations of Socrates and of Diogenes and Other Cynics. *The American Journal of Archaeology*, no 31 (1927): 281–296.

9. Navia L.E. *Classical Cynicism: A Critical Study*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1996. 214 p.
10. Sayre F. *Diogenes of Sinope: A Study of Greek Cynicism*. Baltimore: J.H. Furst Company, 1938. 238 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Никулина Анжелика Геннадьевна, старший преподаватель кафедры философии, кандидат философских наук
Курский государственный медицинский университет
ул. Карла Маркса, 3, г. Курск, Курская область, 305041, Российская Федерация
angelica2301@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nikulina Anzhelika Gennadevna, Senior Lecturer, Department of Philosophy, Ph. D. in Philosophy
Kursk State Medical University
3, Karl Marks Str., Kursk, Kurskaya oblast, 305041, Russian Federation
angelica2301@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7-24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с.5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p.5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

IV КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА О ВОЙНЕ И МИРЕ

Емельянова Е.Н. 7

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НОЗОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Базарова Л.В., Гилязева Э.Н. 37

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ У. ШЕКСПИРА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ И ОСЕТИНСКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ТРАГЕДИИ «ОТЕЛЛО»)

Бизикоева Л.С., Дерябина М.Ю. 52

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНГЛИЙСКОГО РЕФЛЕКСИВА С ГЛАГОЛАМИ ВОПРОСА

Биккулов Ш.Ф. 65

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНВЕКТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ (ПРОЗВИЩ) В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Гараева Л.М., Хусаинова А.А. 85

ПРОБЛЕМЫ ТЕЗАУРУСНОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ ИСЧЕЗАЮЩИХ ЯЗЫКОВ

Иванищева О.Н. 94

РОДСТВЕННЫЕ КОРНИ В ВЕНГЕРСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Талибуллин Р.Т., Хайруллина А.С. 106

РОЛЬ КОНТЕКСТА В АКТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ МНОГОЗНАЧНОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ Цаголова Т.Т.	115
ЭВОЛЮЦИЯ ПРИЕМОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ Яцук Н.Д.	127
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
КАРТИНА МИРА В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ Грыжанкова М.Ю., Полубояров Д.И.	138
НОРМАТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА «ХОРОШЕГО ОБЩЕСТВА» Коваль Е.А.	147
А.Н. РАДИЩЕВ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФИЛОСОФ И МЕТАФИЗИК Крохина Н.П.	163
ВИРТУАЛЬНАЯ «СРЕДА ОБИТАНИЯ» ЧЕЛОВЕКА: РЯДОМ, НО НЕ ВМЕСТЕ Лопатинская Т.Д.	175
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИЕМЛЕМОСТИ Наумова Т.В.	193
АМОРАЛЬНЫЙ ПАНМОРАЛИЗМ ДИОГЕНА СИНОПСКОГО Никулина А.Г.	206
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	218

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

THE IV CONGRESS OF THE COMMUNIST INTERNATIONAL
ON WAR AND PEACE

Emelyanova E.N. 7

STUDIES IN PHILOLOGY

SYNONYMIC RELATIONS OF NOSOLOGICAL TERMS
IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

Bazarova L.V., Gilyazeva E.N. 37

USE OF TRANSLATION TRANSFORMATIONS
IN THE TRANSLATIONS OF THE WORKS BY W. SHAKESPEARE
FROM ENGLISH INTO RUSSIAN AND OSSETIAN
(BASED ON THE TRANSLATIONS OF OTHELLO)

Bizikoeva L.S., Deryabina M.Y. 52

THE SEMANTIC-PRAGMATIC ASPECT OF THE ENGLISH
REFLEXIVE WITH INTERROGATIVE VERBS

Bikkulov Sh.F. 65

COMPARATIVE ANALYSIS OF INVECTIVE LINGUISTIC
PHENOMENA (NICKNAMES) IN THE PROFESSIONAL SUBCULTURE
(BASED ON THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Garaeva L.M., Khusainova A.A. 85

ISSUES OF THESAURUS DESCRIPTION OF THE ENDANGERED
LANGUAGES

Ivanishcheva O.N. 94

RELATED ROOTS IN THE HUNGARIAN AND TATAR LANGUAGES

Talibullin R.T., Hajrullina A.S. 106

THE ROLE OF CONTEXT IN UPDATING OF SEMANTIC CONTENT OF MULTIVALUED PHRASEOLOGICAL UNIT Tsagolova T.T.	115
THE EVOLUTION OF THE WAY ARTISTIC-EXPRESSIVE MEANS ARE USED IN THE WORKS BY T. TOLSTAYA Yatsuk N.D.	127
STUDIES IN PHILOSOPHY	
PICTURE OF WORLD IN THE STRUCTURE OF SOCIAL CONSCIOUSNESS Gryzhankova M.Yu., Poluboyarov D.I.	138
NORMATIVITY PRINCIPLES OF REPRODUCTION OF «GOOD SOCIETY» Koval E.A.	147
A.N. RADISHCHEV AS A SOCIAL PHILOSOPHER AND METAPHYSICS Krokhina N.P.	163
VIRTUAL «HABITAT» OF THE PERSON: NEARBY, BUT NOT TOGETHER Lopatinskaya T.D.	175
ENVIRONMENTAL SECURITY IN THE CONTEXT SOCIAL ACCEPTABILITY Naumova T.V.	193
IMMORAL PANMORALISM OF DIOGENES OF SINOPE Nikulina A.G.	206
RULES FOR AUTHORS	218

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 27.06.2016. Заказ СИСП2-22016.
Тираж 5000. Усл. печ. л. 16,3. Формат 60×84/16